

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XVIII (VIII)

СЕРИЯ Б—В. НОВАЯ, НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XIII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ
1917 ГОДА В РОССИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XVIII (VIII)

СЕРИЯ Б–В

**НОВАЯ, НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XIII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Севастополь
2016

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XVIII(VIII). Серия Б–В. Новая, новейшая история и международные отношения. Избранные материалы XIII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией С.Ю. Сапрыкина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2016. – 164 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных 25–27 ноября 2015 г. на заседаниях XIII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории, политологии и краеведения.

Редакционная коллегия:

Французов П.А.	кандидат физико-математических наук, доцент, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Сапрыкин С.Ю.	доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира Исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Баранов А.В.	доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.
Буйских А.В.	доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
Данильченко С.Л.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления Филиала МГУ в г. Севастополе, советник директора Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ирхин А.А.	доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета.
Козлов М.Н.	доктор исторических наук, профессор кафедры «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета.
Наумова Г.Р.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ.
Петрова Э.Б.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.
Усов С.А.	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой российской истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Селунская Н.Б.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ.
Цимбаев Н.И.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков Исторического факультета МГУ.
Чемшит А.А.	доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета.
Юрченко С.В.	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений КФУ (зам. главного редактора).
Бойцова Е.Е.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зам. директора Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета.
Гвоздева И.А.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, доцент Литературного института им. М. Горького (г. Москва).
Мартынкин А.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, зам. декана историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ставицкий А.В.	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Института археологии Крыма.
Хапаев В.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Новая история</i>	
<i>Азатова М.А.</i> Как в Таврической епархии отмечали торжество коронации последнего российского императора Николая II и императрицы Александры Федоровны (К 120-летию юбилею)	6
<i>Гладкий Г.Б.</i> Юго-Восточный Крым в годы Крымской войны 1853–1856 гг.	8
<i>Локтионов Э.Ю.</i> Севастополь по данным Адрес-календаря Севастопольского градоначальства 1910 года	11
<i>Петрова Э.Б.</i> Севастополь и его округа в путешественных записках Николая Максимовича Семеновского (1840-е годы)	15
<i>Новейшая история</i>	
<i>Апальков Д.И.</i> Внутрипартийная борьба и укрепление сталинской власти в 1922–1926 гг.	22
<i>Ахмедова Г.Р.</i> Проблема функционирования иудейских, католических и мусульманских культовых сооружений в первые годы установления Советской власти в Крыму в нормативных документах советских органов	27
<i>Данильченко С.Л.</i> Аренданные предприятия в экономике нэповской России	32
<i>Лазарева О.Г.</i> Профессор И.А. Линниченко в Крыму: неизвестные документы из личного фонда ученого	38
<i>Неделькин Е.В.</i> Село Чоргунь в 1921–1941 годах	42
<i>Никитина И.В.</i> Из истории земельных отношений в Балаклавском районе в 1944–1955 гг.	61
<i>Рузаев С.В.</i> Создание продовольственной базы в осажденном Севастополе (январь–май 1942 г.)	65
<i>Ткаченко С.Н.</i> Румынская и немецкая военная авиация в черноморском регионе накануне начала войны (1941 г.)	68
<i>Международные отношения</i>	
<i>Баранов А.В.</i> Трансформация международных отношений в черноморском регионе вследствие украинского кризиса (политический аспект)	72
<i>Иванова Е.А.</i> Специфика стратегии Запада в геополитических рамках Причерноморского региона	77
<i>Междисциплинарные исследования</i>	
<i>Гутник О.В.</i> Историческое развитие криминалистической теории противодействия расследованию	81
<i>Демешко Н.Э.</i> Информационные войны России и Запада: Роль исторической личности (на примере Исмаила Гаспринского)	84
<i>Ставицкий А.В.</i> Батурицкий миф как конец света по-украински	89
<i>Ставицкий А.В.</i> Роль мифа в процессе глобализации: гносеологический аспект	95
<i>Ставицкий А.В.</i> Псевдо-Кучма и главная идея украинства: проблема обоснования	101
<i>Научное творчество студентов</i>	
<i>Бичаков С.А.</i> Политика сионизма как главенствующая идеология Израиля	107
<i>Вавилина Е.С.</i> Два взгляда на русских партизан – участников Отечественной войны 1812 года	116
<i>Воскресенская А.Н.</i> Тридцатая береговая батарея Севастопольской крепости. История строительства	120
<i>Ердогеско Е.А.</i> Деятельность П.П. Шмидта во время революционных событий 1905 года в Севастополе	126
<i>Кулакова Е.Р.</i> Внешнеполитические связи США и Российской империи в период Гражданской войны в США 1861–1865 гг.	129
<i>Соболева А.С.</i> Русская самобытность глазами иностранцев в XIX веке	132
<i>Чарусов Т.А.</i> «Революция в Крыму» – издание Крымского Истпарга	139
<i>Шихаметова Э.Р.</i> Внешняя политика России в период правления Елизаветы Петровны	143
<i>Проба пера</i>	
<i>Булавчик Е.В.</i> Историографические подходы относительно времени создания российского военно-морского флота	148
<i>Кондакова К.С.</i> Изучение событий «Русской весны» по материалам региональных периодических изданий Крыма и Севастополя	153
<i>Сведения об авторах</i>	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вниманию читателей XVIII (VIII) выпуск сборника научных статей "Причерноморье. История, политика, культура" (серии Б и В), в который вошли статьи, подготовленные по материалам докладов, прочитанных на XIII Всероссийской научной конференции "Лазаревские чтения" 2015 года в секциях "Новая и новейшая история" и "Международные отношения". Тематически сборник разделен на 6 разделов: «новая история», «новейшая история», «международные отношения», «междисциплинарные исследования», «научное творчество студентов» и «проба пера». В последнем впервые публикуются научные исследования старших школьников.

Сборник посвящен грядущему в 2017 году 100-летию Революции в России. Поэтому, во многих статьях прямо или косвенно затрагиваются вопросы, связанные с событиями тех лет.

В разделе "Новая история" читателю предлагаются следующие статьи.

М.А. Агатова публикует информацию о праздновании коронации последней русской императорской четы – Николая II и Александры Федоровны, состоявшейся в 1896 г.

Г.Б. Гладкий обращается к малоизученной в историографии теме – участию Юго-Восточного Крыма в событиях Крымской войны.

Э.Ю. Локтионов анализирует сведения, содержащиеся в Адрес-календаре Севастопольского градоначальства за 1910 год.

Э.Б. Петрова публикует материалы из «путешественных записок» писателя, историка и археолога Н.М. Сементовского (1819–1879 гг.), посвященные Севастополю.

В разделе "Новейшая история", в основном, публикуются статьи, отражающие события предвоенного и военного периодов Отечественной истории.

Д.И. Апальков рассуждает о внутрипартийной борьбе и укреплении Сталинской власти в 1922–1926 годах.

Г.Р. Ахмедова представила результаты изучения проблем функционирования культовых сооружений различных конфессий Крыма в первые годы после установления Советской власти на полуострове.

С.Л. Данильченко публикует аналитическую статью о роли арендованных предприятий в экономике НЭПовской России.

О.Г. Лазарева анализирует ранее неизвестные историкам документы из личного архива российского историка, профессора И.А. Линниченко (1857–1926 гг.), в последние годы жизни работавшего в Крыму.

Е.В. Неделькин представил результаты архивного изучения истории одного из пригородных сел Севастополя – Чоргуня (Черноречья) в 1921–1941 годах.

С.В. Рузаев обратился к изучению актуальной, но слабо отраженной в историографии темы – продовольственного снабжения осажденного Севастополя в январе – мае 1942 года.

С.Н. Ткаченко анализирует силы и возможности немецкой и румынской военной авиации, размещенной на Черноморском театре накануне Великой Отечественной войны.

В разделе "Международные отношения" представлены две работы.

А.В. Баранов представил результаты проведенного им изучения трансформаций, которые претерпели международные отношения в Черноморском регионе вследствие украинского кризиса.

Е.А. Иванова осветила один из аспектов той же актуальной проблемы – стратегию стран Запада в отношении Причерноморья.

В разделе "Междисциплинарные исследования" публикуются статьи по смежной проблематике.

О.В. Гутник публикует небольшое историко-юридическое исследование, посвященное истории развития теории противодействия расследованию.

Н.Э. Демешко изучила использование имени и творческого наследия И. Гаспринского (1851–1914 гг.) в современном идеологическом и политическом противостоянии России и Запада.

А.В. Ставицкий публикует три остро дискуссионные статьи. Две из них посвящены изучению идеологем, на которых строится современная украинская историография. Еще одна статья посвящена изучению роли мифа в процессе глобализации.

Традиционно обширен и тематически разнообразен раздел «Научное творчество студентов».

С.А. Бичаков в своей статье рассуждает о роли сионизма как главенствующей идеологии Израиля.

Е.С. Вавилина анализирует отображение партизанского движения периода Отечественной войны 1812 года в России в отечественных и французских источниках и историографии.

А.Н. Воскресенская публикует статью об истории строительства легендарной 30-й береговой батареи Севастопольской крепости.

Е.А. Ердокеско анализирует деятельность П.П. Шмидта во время революционных событий в Севастополе в октябре – ноябре 1905 года.

Е.Р. Кулакова обращается к интересному и недостаточно изученному периоду российско-американских отношений – периоду Гражданской войны в США 1861–1865 гг. Тогда российской дипломатии необходимо было определяться, какую из противоборствующих сторон необходимо поддерживать.

А.С. Соболева продолжила серию публикаций, посвященных изучению восприятия России и населяющих ее народов иностранцами. Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена впечатлениям иностранцев о России XIX века.

Т.А. Чарусов представил результаты изучения одного из интереснейших научных периодических изданий, выходивших на нашем полуострове в первые годы по окончании Гражданской войны в России – изданию Крымского Истпарта «Революция в Крыму».

Э.Р. Шихаметова анализирует внешнюю политику России в период правления Елизаветы Петровны.

В разделе «Проба пера» публикуются статьи, написанные учениками СОШ № 8 г. Севастополя, полностью отвечающие требованиям, предъявляемым к публикации результатов научных исследований.

Е.В. Булавчик изучила различные историографические подходы к вопросу о времени создания военно-морского флота в России.

К.С. Кондакова проследила освещение событий «Русской весны» в периодических изданиях Крыма и Севастополя.

Редакционная коллегия выражает признательность нашему постоянному автору Е.В. Неделькину за помощь в технической редакции этого выпуска сборника.

* * *

Оргкомитет Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

НОВАЯ ИСТОРИЯ

УДК 908:070.482:342.511.2 (477.75)

КАК В ТАВРИЧЕСКОЙ ЕПАРХИИ ОТМЕЧАЛИ ТОРЖЕСТВО КОРОНОВАНИЯ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II И ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ (К 120-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

АГАТОВА М.А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В периодических изданиях Таврической епархии XIX – начала XX веков немало страниц занимали публикации, посвященные различным торжествам при Императорском Дворе. Важнейшими событиями в истории дореволюционной России являлись торжественные церемонии венчания на царство русских царей и императоров. Им посвящалось большое количество указов, рескриптов, статей, воспоминаний, в обязательном порядке печатавшихся в периодических изданиях того времени. Одним из таких изданий на территории Крымского полуострова и Юга Российской империи являлись «Таврические епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ), выходившие с 1869 по 1918 год, и «Таврический общественно-церковный вестник», публиковавшийся с 1906 по 1918 годы. В Ведомостях за 1896 год помещен ряд статей, посвященных помазанию на царствование императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

В 2016 году исполняется 120 лет со дня коронавания последнего российского императора. В связи с этим, ознакомление современных читателей с выявленными материалами представляется целесообразным.

Первая статья под названием «Краткие исторические сведения о коронавании русских государей» была напечатана в неофициальном отделе «ТЕВ» в 1896 г. в № 18 и подписана псевдонимом Г.П. Далее в номерах 20 и 21 дается расшифровка инициалов Г.П. – это преподаватель Таврической Духовной семинарии (далее – ТДС) кандидат богословия Григорий Алексеевич Петровский¹, преподававший всеобщую историю в семинарии с 1877 по 1906 год [5, с. 948–951]. Замечу, что в 2016 году исполняется 110 лет со дня кончины этого видного преподавателя ТДС. Публикация содержала интересную, составленную по историческим источникам информацию о восхождениях на престол русских государей, начиная от Владимира Мономаха и заканчивая Александром III. Будущие Государи на Руси благословлялись на царствование уже с X века, с распространения христианства в стране. Венчание на царство всех самодержцев Российских, начиная от Федора Иоанновича в 1584 г. и заканчивая Николаем II, проходило по «Книге царского венчания греческих царей» и по «Соборной грамоте порядка священнодействия». Помимо этих сведений, автор кратко описывает значение регалий торжественных церемоний, которые прошли

¹ См.: Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 20–21. С. 587.

небольшие изменения в течение последующих девяти веков [1, с. 512–524].

Вторая публикация «Слово в день священного венчания на царство Благочестиваго Государя Императора Николая Александровича и Благочестивой Государыни Императрицы Александры Федоровны (14 мая 1896 г.)» посвящалась истории обряда помазания и написана преподавателем, кандидатом богословия, священником Иоанном Тяжеловым по материалам его выступления перед учащимися женской гимназии в церкви Св. Марии Магдалины. Доклад основывался на исторических источниках, истории о священном миропомазании от первого иудейского царя Саула и греческого императора Льва, миропомазании великих князей Изяслава Мстиславовича и Вячеслава Владимировича, коронованных в Киеве в храме Св. Софии и других фактах [4, с. 576–588].

Несомненный интерес представляет статья без подписи «Празднование священных дней коронования в Таврической духовной семинарии» в номерах 20 и 21. Торжество длилось в семинарии три дня, с 14 по 16 мая 1896 года. 14 мая ректор ТДС Архимандрит Порфирий совершил Божественную Литургию и молебен. 15 мая с 10 часов все учебные заведения Симферополя большим крестным ходом прошли от Приютненской улицы (с 1899 года ул. Пушкина) к Загородней площади (сейчас это – место от Центрального рынка до храма Всех Святых). Там стояла эстрада для выступления священнослужителей и начальствующих лиц. Вокруг располагались войска с флагами и учащиеся Симферопольских учебных заведений с преподавателями. На мероприятии Епископом Мартинианом и Епископом Каширским Михаилом (Грибановским) был отслужен благодарственный молебен в честь великого события. Поздравительное слово произнес Таврический губернатор шталмейстер П.М. Лазарев. Торжество закончилось выступлением хоров всех учебных заведений. В тот же вечер воспитанники семинарии организовали вокально-музыкальный вечер с чаепитием. 16 мая в большой столовой ТДС прошли чтения о торжестве коронации. На слушаниях выступил преподаватель истории Г.А. Петровский с докладом (см. выше), преподаватель священник Александр Иванов с речью о значении священного коронования. Все закончилось пением хора и громким «ура». В 12 часов того же дня преподаватели и ученики ТДС поздравили Преосвященнейшего Мартиниана, епископа Таврического с возведением в сан Архиепископа, а Епископа Каширского Михаила с орденом Св. Владимира III степени, награжденных в честь коронования императора. Орденом Св. Анны II степени награждены были также настоятель Херсонесского монастыря архимандрит Александр и протоиерей кафедрального Александро-Невского собора г. Симферополя Алексей Назаревский. Различные награды получили и другие священнослужители Таврической епархии. Великие дни праздника остались незабываемыми для всех в Таврической духовной семинарии [3, с. 585–588].

Завершает цикл публикаций историко-просветительская статья известного преподавателя ТДС священника Александра Иванова, написанная по материалам его выступления перед студентами 16 мая, под названием «Речь о значении коронования Русских самодержавных царей». Статья основывалась на учении Церкви о великом значении коронования царей на престол, о взаимосвязи русского самодержавия и русского народа. Заканчивается публикация прекрасными стихами в честь нового императора [2, с. 588–598].

Вышеприведенный обзор выявленных публикаций в преддверии юбилея будет полезен для историков, краеведов и всех, интересующихся историей России.

Источники и литература.

1. Г.П. Краткие исторические сведения о короновании русских государей // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 18.
2. Иванов А., свящ. Речь о значении коронования Русских самодержавных царей // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 20–21.
3. Празднование священных дней коронования в Таврической духовной семинарии // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 20–21.
4. Тяжелов Иоанн, свящ. Слово в день священного венчания на царство Благочестиваго Государя Императора Николая Александровича и Благочестивой Государыни Императрицы Александры Федоровны (14 мая 1896 г.) // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 20–21.
5. Соколов Г. Григорий Алексеевич Петровский, бывший преподаватель ТДС // Таврический церковно-общественный вестник. 1906. № 25.

УДК 94(477.95)

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.

ГЛАДКИЙ Г.Б.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В годы Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.) юго-восточная часть Крымского полуострова оказалась мало затронута войной, но ее крупнейшие города, Феодосия и Карасубазар (совр. Белогорск), приняли активное участие в обеспечении и размещении русских войск. Здесь практически не было боевых действий – лишь восточная часть Феодосийского уезда непродолжительное время оставалась занятой противником.

Перед Крымской войной Карасубазар являлся важным торговым и перевалочным пунктом. Население города в середине XIX в. насчитывало порядка 11000 чел. и занималось хлебопашеством, огородничеством, садоводством и рядом ремесленных промыслов. По свидетельствам В.Х. Кондараки, в городе производились конская сбруя, обувь, шубы, осуществлялась выделка сафьяна и войлока [4, с. 17–18]. К 1849 г. в Карасубазаре функционировало 974 лавки, 50 винных погребов, купцы останавливались на 54 постоянных дворах.

Промышленные предприятия Феодосии имели преимущественно кустарный характер и работали на местном сырье. К 1836 г. насчитывалось 17 мелких предприятий – кирпичных, известковых, водочных и других, на которых трудилось 98 наемных рабочих. Также в городе работало 60 ремесленников. В Феодосии было 35 лавок, 3 трактира и гостиницы, 9 харчевен и 16 кофеен. В 1847–1849 гг., благодаря росту значимости феодосийского порта, вместо деревянной пристани в Феодосии была сооружена бетонная. Длительное время до Крымской войны в Феодосии не было медицинских учреждений [2, с. 484]. В центре города имелся ряд больших домов, построенных в стиле провинциального ампира. Также по добротным проектам строились и хлебные амбары. На склонах гор вокруг города росли виноградники, на которых производился виноград столовых и десертных сортов с высокой сахаристостью [5, с. 61]. Последняя довоенная ревизия определила численность государственных крестьян в Феодосийском уезде в 26242 чел.

Перед началом боевых действий в Крыму был определен транспортный маршрут: Симферополь – колония Розенталь – Карасубазар – Бурундук – Изюмовка – Феодосия. Также в Феодосийском уезде требовалось исправить много мостов и гатей. Эти населенные пункты и их округа играли значительную роль в обеспечении русской армии припасами и фуражом, а также стали местом расквартирования солдат и раненых. В частности, в Карасубазаре были установлены помосты для хранения сухарей [1, с. 157].

Тем не менее, некоторые опасения командования и местных обывателей, а также ходившие в то время слухи о возможном вторжении противника на эту территорию заставили принять некоторые меры. После высадки англо-французско-турецких войск в Евпатории, из Феодосии в Мелитополь была вывезена казна, так как распространился слух о высадке под Феодосией 15000 десанта противника. 2 мая 1855 г. корабль противника проходил мимо Феодосии, 11 мая вновь ее миновал и проследовал к Керчи.

Феодосийский суд был эвакуирован в Генчиск, но магистрат остался в Феодосии из-за нехватки средств на его перемещение. Только в конце марта 1856 г. по приказанию главнокомандующего и распоряжению губернатора было постановлено вернуть в Феодосию все присутственные места [1, с. 38]. Следует заметить, что эти действия не были излишними – англо-франко-турецкими войсками были взяты и разграблены Керчь-Еникале и Ялта, в которую противник вошел 21 сентября 1854 г. [3, с. 131].

Неудивительно, что население юго-восточного Крыма оказывало активную помощь русской армии в Крымской войне.

А.И. Маркевичем было освещено множество примеров пожертвований, сделанных частными лицами либо группами лиц, проживавших на территории Феодосии и Карасубазара.

В мае 1854 г. крестьяне феодосийского округа пожертвовали войскам 81 четверть хлеба, 46 голов крупного рогатого скота, 66 овец, 1211 руб. 13,5 коп. деньгами и 159 (впоследствии А.И. Маркевичем упоминается цифра 180) возов дров. Бывшие государственными крестьянами татары Айкишской волости Феодосийского уезда пожертвовали на армию 100 руб., в том числе 30 руб. пожертвовал волостной голова. Феодосийский караим Бабакай Сима мурза пожертвовал 6503 аршина холста. 150 рублей было пожертвовано И.К. Айвазовским на покупку холста и тюфяков. Собственно жителями Феодосии было пожертвовано 6837 руб., Жителями Карасубазара – 521 руб. 95 коп. [1, с. 97–99].

В Феодосии под постройку отводилось 106 домов. Под склады предоставили 271 помещение. Также в Феодосийском уезде в деревне Цюрехталь под госпиталь отвели 8 домов, а в деревне Шатиловке – 6 сараев при господском доме, и 21 дом в самой деревне [1, с. 48].

В первых числах декабря от Айкишской волости Феодосийского уезда было выставлено 200 подвод для перевозки раненых. Также 5 подвод были поставлены жителями Карасубазара. Трудности состояли в том, что подводы часто приходили либо слишком рано (и впоследствии разъезжались обратно), либо поздно. В конце декабря перевозка раненых была приостановлена из-за наступления холодов. Также в конце февраля 1855 г. подводы для раненых нанимались у местных немецких и болгарских колонистов [1, с. 157].

6 ноября 1854 г. в Карасубазар отправлено 386 раненых и больных. 11 февраля – еще 112 больных. Примечательно, что А.И. Маркевич не отметил перевозки раненых в Феодосию (возможно, это было вызвано опасением возможности высадки вражеского десанта), но некоторые указанные отправки раненых не имеют адреса и, возможно, могли быть направлены в феодосийские госпитали [1, с. 85]. Указано общее количество раненых, проходивших лечение в Феодосии – 2600 чел. При этом упоминается, что обеспечено всем было лишь 600 чел. Командовавший войсками в окрестностях Феодосии генерал-майор Я.Б. Вагнер составил комитет по приему пожертвований для обеспечения раненых и собрал 4511 руб. 54 $\frac{1}{4}$ коп. [1, с. 105].

Упоминается, что крестьяне Феодосийского уезда (равно как и других уездов Таврической губернии) из-за исполнения повинностей для обеспечения армии не смогли подготовить достаточных запасов топлива и припасов даже для себя, и в итоге снизили поставку фуража войскам.

Жители Карасубазара жертвовали на местный госпиталь деньги, а также тюфяки, подушки, войлоки, рубахи, корпию, холст и посуду. 1000 четвертей муки была перепечена в сухари. Купец 3 гильдии Халиль Амет-оглу Касап и городской староста Смаил Мемет-оглу на свои средства построили при госпитале баню, которая обошлась им в 341 руб. 20 коп. Помещик Феодосийского уезда Озеров пожертвовал 1000 пудов соломы для карасубазарского госпиталя. Также карасубазарские купцы Касабов, Куржиев и Пупузов оплатили исправления в местном госпитале, обошедшиеся примерно в 500 руб. [1, с. 95].

Восточная часть Феодосийского уезда находилась в ведении военной власти, и управлялась генералом-адъютантом М.Г. Хомутовым. С 4 июня по 20 июля 1854 г. из-за нехватки транспортных средств в Карасубазаре пролежали бомбы, ядра, картечь и 60 ящиков ружей, предназначавшихся для севастопольского гарнизона.

Феодосийский уезд должен был поставить 3000000 пудов сена для фуража: между Карасубазаром и Сивашом 1500000 пудов, и 1500000 пудов в восточной части уезда [1, с. 149]. Косцам назначалась плата – 10 руб. в месяц. Для Феодосийского и Бердянского уездов совокупно было выделено 608 косцов. Часть косцов покинула работы через месяц, так как вольнонаемным косцам платили больше – 70 коп. в день. При этом травы в Феодосийском уезде были плохи из-за засухи, что стало причиной уменьшения поставок сена [1, с. 157]. В итоге Феодосийским уездом было поставлено 506460 пудов нового и 344192 пуда старого сена – суммарно 849652 пуда [1, с. 172].

По донесению феодосийского окружного начальника палате государственных имуществ, 19 сел Феодосийского уезда с населением в 3500 чел. были освобождены от войск противника, но так как старая демаркационная линия не была снята, то они оказались между двумя линиями аванпостов, откуда их не выпускали войска.

Последствия Крымской войны для этих населенных пунктов не были столь же тяжелыми, как для оккупированных Евпатории и Севастополя, но, тем не менее, они сказались на развитии этого края, преимущественно на сельском хозяйстве. Сократилась и торговая значимость Карасубазара, что вызвало дальнейший упадок города во второй половине XIX в. [4, с. 18]. После войны началась очередная волна эмиграции крымскотатарского населения в Турцию, что вызвало обесценивание земли. Одна десятина опустилась в цене до 1,5–3 руб. [3, с. 139].

Тем не менее, наблюдались и некоторые положительные тенденции – выросла значимость феодосийского порта и торговая роль самого города, и к концу XIX столетия население Феодосии выросло до 85000 человек, то есть практически десятикратно. Примечательно, что при этом население Карасубазара существенно не возросло, и на тот же период составляло порядка 12000 человек [3, с. 139].

Источники и литература.

1. Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны (по архивным материалам). Симферополь: Бизнес-Информ, 1994. 267 с.
2. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Крымиздат: Симферополь, 1951. Ч. I. 231 с.
3. История городов и сел Украинской ССР. Крымская область / под ред. Л.Д. Солодовника, Н.В. Багрова, И.П. Кондратова и др. Харьков: Главная редакция УСЭ, 1974. 623 с.
4. Барсамов Н.С. Феодосия. Краеведческий очерк. Крымиздат: Симферополь, 1953. 205 с.
5. Килесса В.Г. Белогорск. Симферополь: Таврия, 1988. 49 с.

УДК 94(47).083(477)

СЕВАСТОПОЛЬ ПО ДАННЫМ АДРЕС-КАЛЕНДАРЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
ГРАДОНАЧАЛЬСТВА 1910 ГОДА

Локтионов Э.Ю.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Адрес-календарь – это адресная книга, содержащая информацию для правильного официального обращения к адресату (фамилия, имя, отчество, название должности, классный чин, сведения о наградах и т.д.) [4, с. 161]. Цена продажи на адрес-календаре чаще всего не обозначалась. Согласно газетным объявлениям, она колебалась от 30 коп. до 1 руб. серебром, что значительно дешевле стоимости памятных книжек 60-х гг. XIX в. За пределами издающей губернии адрес-календари, как правило, не продавались [3, с. 20–21].

Адрес-календари, как серийное издание, попадали в проекцию деятельности губернских статистических комитетов. Губернские начальники уже с 30-х гг. XIX в. имели в своем распоряжении небольшой статистический аппарат. В 1834 г., одновременно с созданием Статистического отделения при Министерстве внутренних дел, были учреждены губернские статистические комитеты. Закон об их учреждении не означал их немедленного повсеместного появления. В 1835 г. комитеты были образованы только в нескольких губерниях и градоначальствах Причерноморья. Временем их реального оформления правильнее будет считать 1858 г., когда начал действовать Центральный статистический комитет. В это время началась подготовка крестьянской реформы. Поэтому, сбор и обработка материалов для нее были целиком переданы в ведение Центрального и губернских статистических комитетов. Законодательно новое положение о губернских и областных статистических комитетах было утверждено в декабре 1860 г. [4, с. 161].

В то время, как по всей Российской империи статистические комитеты в начале 60-х гг. XIX в. значительно активизировали свою деятельность, в Севастополе подобная организация была ликвидирована. В дальнейшем городскими переписями населения и другими частными статистическими работами занимались состоящие при градоначальнике чиновники «по статистической части» и вольнонаемные счетчики. В Севастопольском градоначальстве было издано всего четыре справочно-статистических сборника. Они вышли в свет в 1908, 1910, 1911 и 1913 гг. Особенностью всех этих книг было отсутствие единой структуры. Во всех изданиях содержались: адрес-календарь, справочные ведомости про работу почты, телеграфа, церковные календари для всех вероисповеданий [2, с. 22].

В данной статье из имеющихся изданий будет рассмотрен «Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по Севастопольскому градоначальству на 1910 г.» [1]. Издала этот справочник Типография и литография С.М. Бруна, располагавшаяся в Севастополе на Нахимовском проспекте, 42. Подготовкой и реализацией издания занималось Севастопольское градоначальство. Начинается адрес-календарь с алфавитного оглавления. Далее следует табель-календарь на определенный год, присутственные, не-присутственные дни и Крестные ходы, ежегодно совершаемые в г. Севастополе. Хочется остановиться на последнем разделе. В нем выделяются следующие пункты:

- 1) 29 апреля – крестный ход в память избавления Государя императора Николая II от опасности в г. Отсу (Япония); ход начинается в один год от Адмиралтейского собора, а в другой – от Городского собора (по очереди) к Георгиевскому монастырю. Во главе крестного хода несут святую икону Св. Великомученика Георгия, привозимую накануне из Георгиевского монастыря.
- 2) В первое воскресенье после 29 апреля в память того же события; начинается всегда у Георгиевского собора (ул. Большая Морская) к часовне, на углу ул. Большой Морской и Нахимовского проспекта.

- 3) 15 Июля в память Святого Кн. Владимира, начинается от Адмиралтейского собора в Херсонесский монастырь. Крестный ход совершается со святыми мощами Св. Кн. Владимира¹ [1, с. 13].

Раздел I – Родословная русских государей и Российский императорский дом, где перечислены: правящая династия на момент составления справочника и все родственники, включая дядей и теток. Далее идет Календарь на определенный год, включающий в себя православный религиозный календарь более пространныго характера, чем иноверческие календари, к которым можно отнести Римско-католический, Евангелическо-лютеранский, Армяно-григорианский, Еврейский и Магометанский календари на 1910 г. Отмечены только основные праздники, большие праздники отмечены «*».

Далее идет перечисление ведомств, таких как министерства и управления (транспорта, торговли и др.) с указанием сотрудников.

Информация, расположенная на страницах с первой по сто семьдесят первую знакомит нас с общегосударственной информацией. В разделах «Почта и телеграф», «Железная дорога» регулировалась стоимость тарифов, правила пользования ею. После следовали следующие составляющие справочника: «Высочайшие повеления» по определенной отрасли; «Пароходство» с указанием цен; «Судебные сведения» с перечислением «Уголовного», «Гражданского» судопроизводства, сроками и судебными издержками; «Образцы и формы деловых бумаг»; «Краткий перечень содержания свода законов Российской империи»; «Банки и кредитные учреждения» с таблицей «Сроки тиражей и уплаты капитала процентных бумаг». Раздел «Пошлины и сборы» с таблицей «Расписание сортов гербовой бумаги», включающий в себя разделы: «Промысловый налог», «Разряды торговых и промысловых предприятий» и «Государственная служба»; «Чины и титулы», «Правила воинской повинности»; «Положение о видах на жительство».

Адрес-календарь продолжают разделы: «Высшие учебные заведения в России» и «Высшие женские учебные заведения», «Кадетские корпуса», «Меры, вес и монеты». «Статистика России» включает «Административное разделение», «Население Российской империи по народностям», «Население Российской империи» (по переписи на 1897 г.) «Народоисчисления в России» с 1722 по 1897 гг., где сказано, что оно увеличилось на 17,6%. Общая статистика о населении и расстояниях в мире. Данный обширный раздел заканчивается «Важнейшими открытиями и изобретениями в XIX веке».

Но больший интерес для описания города Севастополя в данный исторический промежуток представляет второй раздел – «Статистические сведения Севастопольского градоначальства», который располагался на страницах 172–182 и включал в себя следующие данные.

Количество земли: территория Севастопольского градоначальства составляет 27997 десятин 525 квадратных сажень. Число городов, сел, деревень и хуторов: крепость – Севастополь, заштатный город – Балаклава, села – 4 (Карань, Кадыковка, Камара, Бартеньевка), деревень – 2 (Крузень и Алсу), хуторов – 178.

Число жителей градоначальства по сословиям: дворян – 3053 чел.; духовенства и их семейств: православных белых – 93 чел., монахов – 90 чел., инославных и иноверческих исповеданий – 13 чел.; почетных граждан – 2044 чел.; купцов – 1160 чел.; мещан – 23110 чел.; ремесленников – 1913 чел.; колонистов и крестьян разных наименований – 21953 чел.; отставных нижних чинов и их семейств – 4527 чел.; иностранцев – 1994 чел.; разночинцев – 276 чел.; лиц, не принадлежавших к упомянутым разделам – 1098 чел.; войск: сухопутных – 12652 чел. и морских – 9646 чел. Всего жителей – 83622 чел.

Число жителей в градоначальстве по исповеданиям: православных – 66453 чел., раскольников – 354 чел., римо- и армяно-католиков – 4983 чел., лютеран и реформаторов – 2935 чел., армяно-григориан – 1373 чел., евреев – 4001 чел., караимов – 599 чел., магометан – 2528 чел.

¹ В 1-м и 3-м крестных ходах участвует все духовенство.

Число жителей в городах: в Севастополе (за исключением войск) обоего пола – 54967 чел.; воинских чинов – 22298 чел.; Балаклава с предместьем Кадыковка – 2592 чел. В частях Ялтинского и Симферопольского уездов – 3865 чел. Всего 83622 чел.

Число церквей: православных храмов – 26, монастырей – 3, католический костел – 1, лютеранская кирха – 1, синагог – 2, мечеть – 1 (строится). Всего 34 культовых здания.

Учебных заведений: реальных училищ – 1, казенных женских гимназий – 1, мужских классических гимназий – 1, частных женских гимназий – 2, женская прогимназия – 1, технических училищ – 2, остальных учебных заведений – 41. Всего учащихся в них – 4467 чел.

Число зданий – 7873 (7773 каменных и 100 деревянных).

Промышленные заведения: Лазаревское Адмиралтейство Морского ведомства, заводов – 11, фабрик – 7, паровая мельница, Бельгийское анонимное общество Севастопольского трамвая, ветряная мельница. Всего рабочих – 4368 чел. Сумма производительности – 4480354 руб.

Кредитные учреждения: Местное казначейство, Отделение государственного банка, Отделение соединенного банка, Городской общественный банк, Общество взаимного кредита, Ссудо-сберегательных товариществ – 2, Контроль и коммерческие агентства – 12. Обороты всех кредитных учреждений – 559665799 руб.

Судоходство. Прибыло судов: заграничного плавания – 62, каботажного – 1296. Отошло: за границу – 60, во внутренние порты – 1298.

По заграничному плаванию привезено товара на сумму 780899 руб., а вывезено на сумму 188102 руб. По каботажному плаванию: привезено товара 3400939 пуд., а отправлено – 950643 пуд.

Раздел «Пути сообщения» информирует о том, что в пределах Севастопольского градоначальства пролегают: Южная железная дорога, три шоссе: Симферопольское шоссе, Ялтинское и Балаклавское шоссе. Водное сообщение со всеми портами Черного моря производится на пароходах Русского Общества Пароходства и Торговли и Российского общества страхования и транспортирования. Сообщение производится на паровых катерах и частных яхтах. До городов Ялта и Балаклава добираются на автомобилях и мальпостях.

Городской бюджет в указанном в оглавлении адрес-календаря году составлял: Севастополь: доходов – 648676 руб. 94 коп.; расходов – 648644 руб. 14 коп.; задолженность города к 1 января 1909 г. – 555857 руб. 78 коп.

Далее следует объемная таблица «Статистические сведения о Черноморском флоте», которая включает в себя данные о типах, классах и названиях судов, длине, ширине, углублении, водоизмещении, числе индикаторных сил машины, скорости (число миль в час), толщине поясной брони, артиллерии (римские цифры – число орудий, арабские цифры – калибр).

Адрес-календарь продолжается «Кратким путеводителем по Севастопольскому Градоначальству» с фотографиями Севастополя и прилегающих территорий, самых значительных памятников и памятных мест и «Программой посещения исторических мест по дням».

Отдел III, по сути, является адрес-календарем с перечислением учреждений и их чиновничьего состава, церквей, клубов, гостиниц и других сведений, обычно содержащихся в данном разделе справочников подобного рода. К адрес-календарю прилагается алфавитный указатель фамилий.

После следуют «Обязательные постановления, действующие по Севастопольскому градоначальству». Заканчивается издание рекламными объявлениями.

Адрес-календари представляют значительный интерес в качестве исторического источника по истории города Севастополя и Севастопольского градоначальства. Во многих губерниях и областях они становились первыми и самыми значительными местными изданиями. Адрес-календари позволяют во всех подробностях воссоздать картину повседневной жизни губернии, получить «из первых рук» сведения о народонаселении, его вероисповеданиях и различных видах деятельности в начале XX в.

Источники и литература.

1. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по Севастопольскому градоначальству на 1910 г. Севастополь: Типография и литография С.М. Брун, 1910. 508 с.
2. Бобков В.В. Статистики Таврической губернии (XIX – начало XX века): Библиографический указатель / под ред. и вступ. ст. А.А. Непомнящего. Симферополь: Таврия, 2004. 304 с.
3. Левин Д.Э. Памятные книжки губерний и областей Российской империи в системе культуры: опыт исследования // Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. 3. № 2. С. 17–50.
4. Шпак А.П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середине 1850-х – начало 1880-х гг.) // Книга. Исследования и материалы. М.: Книжная палата, 1986. Вып. 53. С. 160–167.

УДК 913(477.7)"1840"

**СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО ОКРУГА В ПУТЕШЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ
НИКОЛАЯ МАКСИМОВИЧА СЕМЕНТОВСКОГО (1840-е годы)****ПЕТРОВА Э.Б.****Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского**

Сочинения путешественников – своеобразный жанр литературы: наполненные самым разнообразными сведениями, духом времени и субъективными авторскими переживаниями, они раскрывают перед читателем огромный, порой мало или даже совершенно неизвестный ему мир иной природы, иных людей и красоты созданных ими и их предками творений.

С тех пор, как первые путешественники побывали в Крыму, прошло много времени, обитателям полуострова довелось пережить немало испытаний. Потери оказались весьма существенными. В этих условиях записки побывавших в Тавриде в конце XVIII – первой половине XIX в. российских и зарубежных вояжеров являются для нас ценным источником по топонимике, истории, этнографии и культуре Крыма. В них – полуостров времен античности, средневековья и первых десятилетий после вхождения его в состав Российского государства. По описаниям путешественников мы также составляем представление о развитии научных знаний в России и Западной Европе того времени.

Эти сочинения разные по стилю: есть довольно сухие описания, но ценные своей информацией – они, как правило, присущи мужам ученым; но чаще мы встречаемся с описаниями более художественными, красочными, наполненными чувствами, переживаниями, в них сильно выражено личностное начало, стремление автора рассказать о себе, их создатели зачастую склонны к идеализации и романтизму – такие произведения создавались теми, кто посвятил себя занятиям литературным. Ко второму типу «путешествий» относятся два посвященных вояжам по Крыму сочинения Н.М. Сементовского – автора, в свое время имевшего довольно широкий круг почитателей.

К 40-м гг. XIX в., то есть ко времени, когда в Крыму побывал Николай Максимович Сементовский, Тавриду посетили и рассказали о своих поездках довольно многие российские и зарубежные путешественники. Прошло более полусотни лет с тех пор, как Крым вошел в состав России. За это время на полуострове выросли новые города, увеличилась численность его многонационального населения, немало ученых, писателей, художников побывали здесь и не преминули поделиться своими впечатлениями с соотечественниками. Образованная Россия зачитывалась их сочинениями и жаждала как можно больше узнать об овеванном легендами полуденном крае.

Николай Максимович Сементовский-Курилло (Курило) – писатель, публицист, он занимался историей, этнографией, археологией, был человеком увлеченным и деятельным. Его воспитание и интересы формировались в особой атмосфере семьи, где детям прививались «любовь к отеческим гробам», трудолюбие, страсть к знаниям. Сементовских-Курилло в России знали, уважали, их имена вошли во многие, в основном, дореволюционные издания, в том числе энциклопедические, известны они и по архивным материалам [см. например: 1–6, 11–13].

Николай был старшим ребенком в многодетной семье Максима Филипповича и Анастасии Сементовских-Курилло¹. Все дети родились в родовом имении Сёменогорка (Сё-

¹ Отец – Максим Филиппович Сементовский-Курилло (1786–1875) обучался в Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии; в должности штаб-лекаря состоял на военной службе. После ухода со службы продолжал заниматься врачеванием, был попечителем Кременчугского богоугодного заведения. Кавалер орденов св. Владимира 4 степени, св. Анны 2 степени. Возведен в дворянское сословие (1830 г.).

мина Горка) Золотоношного уезда Полтавской губернии (ныне село Червоногорка, административно находящееся в составе села Ирклиев, Чернобаевского р-на Черкасской обл.). Семья была состоятельной, в ее владении были земли и крепостные крестьяне.

Николай Сементовский родился 18 февраля 1819 г. (по ст. ст.) в Сёменогорке. Обучался в Нежинской гимназии высших наук князя Безбородко, в 1836–1840 гг. – в Нежинском лицее князя Безбородко. По его окончании был «зачислен на службу» в канцелярию Черниговского, Полтавского и Харьковского генерал-губернатора, с 1843 г. – в канцелярию Военного министерства в Санкт-Петербурге.

В столице он приобретает известность в литературных, научных и издательских кругах. Его произведения – художественные, исторические и историко-повествовательные, критические – публикуются в «Литературной газете», в газете «Северная пчела», в журналах «Маяк», «Пантеон», «Москвитянин». Особенно тесно сотрудничал он с журналом «Иллюстрация».

Уже в петербургский период жизни Николай Сементовский с увлечением занимается историей, бытом и культурой Малороссии, эта тема становится главной в его творчестве. В журнале «Иллюстрация» он помещает статьи, посвященные родному краю. В 1846 г. в петербургском издательстве публикуется его книга «Старина Малороссийская, Запорожская и Донская». В этом же году в «Иллюстрации» выходит серия его статей под общим названием «Путешествие по всей России».

В 1849 г. Николай Максимович по причине болезни покидает Петербург и перебирается в Киев. С 1852 г. служит в канцелярии Киевского гражданского губернатора. В 1859 г. становится почетным членом Киевского попечительства детских приютов. Это было последнее место его гражданской службы.

В 1851 г. в Петербурге под названием «Потёмкин как казак войска запорожского» выходит в свет часть исторического романа Н.М. Сементовского, написанная им по приезду в Киев. В 1852 г. в Киеве – книга «Киев и его достопамятности». Несколько изданий выдержал его путеводитель «Киев, его святыни, древности, достопамятности и сведения, необходимые для его почитателей и путешественников». Среди наиболее значительных трудов, подготовленных и изданных им в киевский период жизни, – «Запорожская рукопись о кладах», «Сказание о ловах великих князей киевских», «Древнейшая в России церковь Спаса на Берестове, построенная святым великим князем Владимиром в Киеве в 989 году», «Кресто-иконорезное ремесло в Киеве».

В 1859 г. Сементовский открыл в своем доме в Киеве, на Подоле, собственную типографию, редактировал и издавал книги, в том числе свои.

Николай Максимович рано зарекомендовал себя как исследователь, его труды были оценены коллегами: в 1846 г. он становится членом-сотрудником Императорского Русского географического общества, в 1851-м (или 1852-м) – членом-сотрудником Императорского археологического общества, в дальнейшем – действительным членом этого общества.

В 1875 г. Н.М. Сементовский получает в наследство отцовское имение, уходит в отставку в чине статского советника и перебирается на родину – в Сёменогорку. Продолжает писать статьи. Но заниматься любимым делом ему довелось уже недолго. Он умер 24 октября 1879 г. (по ст. ст.) в возрасте 60 лет. Похоронен в ограде приходской церкви св. Николая в местечке Ирклиев Золотоношского уезда.

Серия статей и книга Николая Максимовича Сементовского посвящены Крыму и связанными с ним воспоминаниями и впечатлениями автора.

Его первая крымская статья с легендой о дочери Тохтамыша, которую Сементовский мог услышать в Бахчисарае или при посещении Чуфут-Кале, была опубликована осенью 1846 г. [7]. Статьи «Таврида», «Ираклийский полуостров» и книга «Путешественник. Южный берег Крыма» появились в печати в 1847 г. [8–10]¹. Все произведения о Крыме им были опубликованы в петербургский период жизни.

¹ На книгу Н.М. Сементовского «Путешественник...» вышло несколько рецензий: Библиотека для чтения. СПб., 1847. Т. 81. Отд. 6. С. 34–39; Московский городской листок. 1847. № 83; Отечественные записки. СПб., 1847. № 4. Отд. 6. С. 58–60; Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1848. Ч. II. 17 марта, 24 марта; Сын Отечества. СПб., 1847. Кн. 4. Отд. 6. С. 43–46.

Время путешествия по Крымскому полуострову автор точно не обозначил. По-видимому, он побывал в Крыму дважды. Его знакомство с полуостровом состоялось в первой половине – середине 40-х годов XIX в.

Уже с первых страниц его сочинений читатель погружается в величие крымской природы – горы, реки, буйная растительность, тут же – красочные руины далекого прошлого. Перед нами не просто рассказы об увиденном и услышанном, но художественные произведения, созданные профессиональным писателем. Его тексты – сплошной восторг человека чувственного, одаренного умением видеть мир во всем его многообразии, во всей его красоте, даже если она и не столь живописна, а довольно буднична.

Наш автор ориентируется в исторических событиях далекого прошлого Крыма и соседних с ним областей на уровне знаний о полуострове того времени. Но его информативность оставляет желать большего. Из античных писателей он упоминает лишь Страбона и Скимна (Псевдо-Скимна) Хиосского. Из более поздних авторов – Мелетия Митру (известного своим сочинением по географии 1728 г. издания) и И.М. Муравьева-Апостола (путешествовавшего по Крыму в 1820 г.). Из историков своего времени – И.П. Бларамберга и Н.М. Карамзина. Лишь однажды упоминается П.С. Паллас, между тем материалами его книги автор пользуется весьма интенсивно. Очевидно и то, что Николай Максимович проштудировал труд П.И. Кёппена – он повторяет многие места из этого произведения, но, как ни странно, на Кёппена вообще не ссылается.

Как бы обогатились произведения о Крыме самого Сементовского, если бы его поездкам по полуострову предшествовала более серьезная работа по изучению литературы по истории, этнографии, культуре полуострова! Правда, таких книг в те времена было немного, и всё-таки образованная Россия неплохо ориентировалась в сочинениях античных и средневековых авторов, а если говорить о трудах, созданных более чем за полвека, прошедших со времени присоединения Крыма к России (то есть ко времени путешествий Сементовского), то здесь их уже немало – это произведения и вояжеров, и первых исследователей природы, истории, историко-культурных памятников Крымского полуострова.

Почему Николай Сементовский, человек образованный, начитанный и отнюдь не лишенный исследовательского дара, не обратился ко всей этой литературе, а предпочёл прочитать то, что, как говорится, было под рукой? Скорее всего, он просто не успел более глубоко познакомиться с имевшейся литературой. Его первое путешествие состоялось в юности, а второе тогда, когда он был обременен служебными делами и уже серьезно занимался изучением Малороссии. Но была еще одна причина: его путешествие по Крыму было познавательным, его крымские сочинения преследовали не научную цель.

Тема, заявленная автором в названии книги, – Южный берег Крыма – значительно уже, чем представленные в ней описания, что не может не радовать, ведь благодаря этому мы имеем возможность больше узнать о полуострове 40-х гг. XIX в. и впечатлениях, которые он оставлял у приезжих.

Довольно подробно Сементовский рассказывает о дороге от Перекопа через Армянский Базар к Симферополю, из Симферополя – к Алуште; проехав все Южнобережье, он направился в Балаклаву, затем в Бахчисарай, осмотрел в его округе «пещерные города». Его путь был извилистым. Он выбирал какой-то пункт, где останавливался на несколько дней и из него совершал поездки в близлежащие места. Такими опорными пунктами были Симферополь, Алушка, Бахчисарай.

Наиболее подробного рассказа удостоился Южный берег Крыма. Рассказ начинается интригующими для тех, кто намеревается оправиться в путешествие по Крыму, словами: *«Если где истинно приятно путешествовать, выезжая рано утром, так это именно по Южному берегу Крыма. Напрасно описывал бы я эту приятность; скучные строки описания не дадут никакого понятия о тех наслаждениях, какими я упивался во время путешествия моего по Тавриде»* [9, с. 29].

Захватывающе читаются страницы с описанием гор – Чатыр-Дага, Демерджи, Аю-Дага, Ай-Петри. На вершине Аю-Дага Николай Сементовский провел «в задумчивости» более часа: *«... воображение переносило меня в давно минувшие века, и я в те минуты жил и беседовал с народом, который обитал здесь назад тому тысячу лет, если не более;*

обаятельная сила воображения очерчивала дивные события древнего мира, повторявшиеся пред моими глазами как бы на самом деле. И сколько волн клубилось в то время по безбрежному пространству моря, плескавшегося у подошвы Аю-дага, на которое смотрел я и мечтал, столько же промелькнуло мыслей в голове моей? Где все минувшее? – спрашивал я тогда сам себя и грустным взором окинул окрестности» [9, с. 45].

Едва ли не наибольшее впечатление произвели на нашего путешественника Алупка и Симеиз, которые, по его словам, *«составляют как бы последнюю грань с этой стороны роскошной природы юга; все прочие места не могут сравниться с ними» [9, с. 60].*

Южный берег – это только часть пути. За ним последовали дороги вглубь полуострова – через Байдары в Балаклаву, Бахчисарай, откуда Николай Максимович в течение нескольких дней совершал выезды в «пещерные города». И здесь природа и исторические памятники восхитили его своей красотой и величием. Его интересовали история Крымского ханства, ханские дворцы, сами правители и их окружение и, конечно, овеянные романтикой местные легенды.

Свою книгу об удивительном путешествии по Крыму Николай Сементовский завершает легендой, *«романтическим преданием, относящимся к крымскому хану Тохтамышу и дочери его Ненкеджан-Ханым»*, рассказанной ему одним из проводников.

Статья Сементовского «Ираклийский полуостров» – ценное для нас дополнение к книге «Путешественник...», так как в книге автор ни словом не обмолвился о Севастополе и его округе, ограничившись лишь описанием своей поездки в Балаклаву. По-видимому, он посетил Севастополь и близлежащие к нему места во время своего второго вояжа в Крым.

Путь Н.М. Сементовского, обозначенный в статье «Ираклийский полуостров»:

Бахчисарай – Дуванкой (Верхнесадовое) – Северная сторона – Севастополь – Херсонес – мыс Фиолент – Георгиевский монастырь – Балаклава – Инкерман – Севастополь – Евпатория.

Крым произвел на Николая Сементовского неизгладимое впечатление. *«Кажется, что я пожертвовал бы пятью годами жизни, если бы только во все остальное время мог наслаждаться в этих местах вечернюю и утреннюю негою природы»; «... мне хотелось бы остаться на этом месте несколько лет и только любоваться чудною неподражаемою природою»; «Каждая картина природы в Крыму не повторяется дважды и малейшего сходства не имеет с другою» [9, с. 33, 96, 100].* Таврида так запомнилась нашему путешественнику, что и время спустя к ее замечательным местам все летел его «мысленный взор», что, вспоминая свое путешествие по полуденному краю, он испытывал истинное наслаждение [9, с. 98].

Предлагаю читателям отрывок из сочинения Н.М. Сементовского с рассказом о Севастополе и его округе.

Н.М. СЕМЕНТОВСКИЙ
ИРАКЛИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

(Северная пчела. СПб., 1847. № 84. 16 апреля. С. 335–336)

[335]:¹ ... Рано поутру я начал обозрение Севастополя, амфитеатром поднимающегося со стороны Ктенуса; отсюда город чрезвычайно живописен. Я сел в шляпку и отъехал на небольшое расстояние от берега: лес мачт, множество различных судов, суeta народа, собравшегося на берегу пристани, и все прочее живо напомнили мне некоторые приморские города Италии. Когда взглянешь на гавань со стороны берега, картина изменяет свой характер, и вместо белых стен городских зданий, светлеется беспредельно зыблющееся море.

Севастополь построен на месте довольно большого татарского селения Ак-Яра, существование его начинается с 1786 г. Это третий город по истории на Ираклийском полуострове. Обозрев город, насладившись живописными видами с моря и с набережного возвышения, я поехал по окрестностям Севастополя, лежащим на месте исторических развалин не древнейшего, но древнего Херсона. Остатки развалин этого города частично истреблены и теперь употребляются на построение Севастополя. Назад тому несколько лет существовали ещё между Артиллерийскою и Стрелецкою бухтами высокие и толстые стены древних укреплений Херсона, но теперь на месте их видны кучи щебня, и в настоящее время от Сары-Керман, то есть желтой крепости, как называли татары древний Херсон, уцелело очень мало древних укреплений, большею частью стен, по углам которых заметны еще основания круглых башен.

Среди развалин частью на восток и частью на юго-запад можно видеть овальные, довольно узкие отверстия, ведущие в подземелья, вырытые, как можно думать, под всею крепостью. С **[336]:** первого взгляда, когда увидишь эти узкие отверстия, рождается вопрос: неужели такими узкими входами вступали в эти подземелья? Это обстоятельство уже занимало некоторых путешественников, которые, не обозрев северной части укреплений, не разрешали своего недоумения. Как можно судить по окраинам, выдолбленным в камнях, эти отверстия прикрывались крышками и, вероятно, более служили для перемены воздуха в подземельях, нежели для проходов, главные же и удобные входы в пещеры находились у северной стены. Развалившиеся и осыпавшиеся ныне своды теперь ясно это доказывают.

Плиний говорит, что Херсон имел в окружности семь верст. В настоящее время невозможно определить ни пространства древнего города, ни расположения его.

Древнейший Херсон или Херронисон, как называет его Страбон, лежал на юге от старого Херсона, от Тираса, то есть Днестра, он отстоял на 4400 стадиев. Развалины его в настоящее время почти не приметны.

Мало осталось нам от обоих Херсонов, несколько более от второго, нежели от первого, но все это не может нам дать ни малейшего понятия о прежнем величии сих городов. В летописях наших также немного встречается известий о Херсоне, а между тем Херсон для нас, русских, – священное место: в нем крестился Великий Князь Владимир. В Софийском Вре-

¹ Цифры в квадратных скобках – номера страниц в оригинальном издании.

меннике Херсон назван Корсунь, под годом 945 говорится о корсунянах, которые ловят рыбу в устье Днепра, и о стране Корсуньской, куда приходили черные булгары. Западные географы именуют Херсон городом Климента и говорят, что в нем отысканы мощи Св. Климента.

Осмотрев развалины древнейшего Херсона, я поехал на мыс Парфенион, мыс Девы или Святой мыс Ая-Бурун, на коем, по свидетельству Страбона, был устроен храм (*fanum Daemonis virginis*). Парфенион находился в ста стадиях от города.

По дороге к Святому мысу видишь одно море. Парфенион далеко выдался в море, и на самой оконечности его в настоящее время устроен маяк: в древности же на том месте возвышался храм Дианы, в жертву которой приносили живых людей. Главною жрицею богини была прелестная дочь Агамемнона и Клитемнестры, похищенная Улиссом и приведённая к жертвеннику Дианы для заклания в отпущение за то, что Агамемнон по неведению убил оленя, принадлежавшего Диане: смягченная смиренным видом и красотой девицы, стоящей перед ее жертвенником и готовой лишиться жизни, богиня вместо нее поставила оленя, а Ифигению перенесла на Ираклийский берег. В то время здесь царствовал развращённый Фоан; прельщённый красотой Ифигении, он назначил ее старшею жрицею богини, и жрица своей рукою обязана была умерщвлять людей, приводимых к жертвеннику Дианы. Злые духи, чтобы подшутить над Ифигениею, выбросили на Ираклийский берег у залива Символов родного брата ее, Ореста. Тавры схватили его и тотчас привели к жертвеннику богини. Ифигения взяла священный нож и уже занесла его на брата, но Орест, узнав сестру, вскричал. Ифигения по голосу узнала брата и пощадила его, отложив заклание до утра. В ту же ночь, похитив статую богини, Ифигения, страшась мщения царя, убежала с братом с полуострова и прибыла в Италию.

Когда взойдете на башню маяка, пред вами откроются живописные виды: с одной стороны – беспредельное море, с другой – Севастополь, налево – зеленая равнина, а прямо – едва синеющие вершины гор, между которыми возносятся Чатырдаг.

Помечтав на месте храма Дианы о поэтической жизни древних обитателей Ираклийского полуострова, я поехал к храму истинного бога, к Георгиевскому монастырю.

Дорога от мыса Парфенона к монастырю неровная: то поднимается на возвышение, то опять спускается; по сторонам дороги заметно, что и в этих местах были некогда жилища. Проехав верст восемь по берегу, путник видит вправо одно волнующееся море и с ним сливающееся чистое небо. Это две жизни: настоящая, суетная, и будущая, безмятежная. На оконечности степного горизонта, освещённой южным солнцем, сияет пред путешественником золотой крест, и только тогда он догадается, что находится в нескольких шагах от святой обители.

Когда подойдешь к каменной ограде и переступишь порог калитки, как бы по мановению волшебного жезла очертится пред тобою картина монастыря. Довольно отвесный высокий утес сходит к вечно волнующемуся морю; по узкой лестнице спускаешься с вершины этого утеса на длинную площадку, на которой тянутся прилепленные к скале маленькие домики, кельи иноков, в крайнем из них живет Архимандрит; за кельями возвышается монастырь византийской архитектуры. Площадка нависла над бездною бурливого моря, с пеной дробящего валы о подножие скалы, на которой возвышается святая обитель; отсюда вид на море истинно поэтический: внизу – вечный шум, вверху – безмятежное спокойствие.

Пред самым монастырем небольшой чистенький дворик; не входя в него, по двум лестницам, высеченным в скале, можно спуститься к самому морю; по сторонам лестницы и по утёсу насажены тополя, виноградные лозы, огородные растения и цветы, орошаемые чистою студёною водою, стремительно катящейся с вершины утеса, вырвавшись из щели треснувшей скалы.

В монастыре я остался до утра и после вечерней молитвы вышел на площадку, сел на дерновую скамью, и, смотря на черное, сердито волнуемое море и темно-голубое небо, усеянное миллионами ярких звезд, невольно думал о другом крае и о другой жизни. Восход солнца я также встретил на этом месте. Картина утра неизобразима: море вместо волн катит яркий пурпур; небо прозрачно и чисто; воздух дышит негою; с другой стороны яркая зелень освещена золотистым лучом утреннего солнца; ландшафт величественного монастыря, уютные кельи, скат зеленого утеса и, наконец, святой монастырский благовест, призывавший иноков к молитве, – вот предметы для художника, который пожелал бы очаровательное место это осуществить в волшебной диораме.

За монастырем на юг лежит мифологическая гавань Символов, собственно узкоустая Балаклавская гавань. Здесь-то разбойничали скифы и тавры, и на этот-то берег чаще всего попадали несчастные мореходцы, которых девственная Ифигения готовила к закланию перед жертвенником.

От гавани Символов я поехал по направлению некогда существовавшего рва и укрепления, отделявшего Ираклийский полуостров от прочей части Тавриды. От Символов до гавани Ктенуса верст восемь.

До отъезда моего оставалось еще несколько часов свободных, и я посвятил их на обозрение Инкермана, то есть пещерного города, или, как называют его греки, Феодори. В этом-то месте в 1433 г. балаклавские жители избрали своим правителем греческого вельможу, благородного Алексея, владевшего в то время Ираклейскою страной.

Инкерман лежит на высокой горе, изрытой бесчисленным множеством пещер. По мнению Палласа, в этих местах укрывались арианские иноки, гонимые за свою ересь византийскими государями. В настоящее время можно проникнуть в весьма немногие из пещер, и то с опасностью быть задавленным беспрестанно обрушающимися сводами.

Обозрев Инкерман, я возвратился в Севастополь...

Источники и литература.

1. Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова и др. СПб., 1904. Т. 17.
2. Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1881.
3. Лицей князя Безбородко. СПб., 1859.
4. Павловский И.Ф. К истории полтавского дворянства. 1802–1902 гг.: очерки по архивным данным. Полтава, 1907. Т. 2.
5. Российский медицинский список, изданный по высочайшему Его Императорского Величества повелению. СПб., 1810.
6. Русский биографический словарь / изд. под наблюд. А.А. Половцова. 1904. Т. 18.
7. Сементовский Н.М. Тохтамыш-хан и дочь его Ненкеджан-Ханым. Предание // Северная Пчела. СПб., 1846. № 261–264. 18–22 ноября.
8. Сементовский Н.М. Ираклийский полуостров // Северная пчела. СПб., 1847. № 84. 16 апреля.
9. Сементовский Н.М. Путешественник. Южный берег Крыма. СПб.: Тип. И. Фишона, 1847.
10. Сементовский Н.М. Таврида // Иллюстрация. СПб., 1847. Т. 4. № 2–6 (86–90).
11. Списки лицам, Высочайше пожалованным Дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской Империи и Царства Польского / сост. В. Лукомский, С. Тройницкий. СПб., 1911.
12. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898.
13. Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 29.

II

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.5

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА И УКРЕПЛЕНИЕ СТАЛИНСКОЙ ВЛАСТИ В 1922—1926 ГГ.

АПАЛЬКОВ Д.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Постепенный отход от политической деятельности непререкаемого вождя партии большевиков В.И. Ленина неизбежно спровоцировал бескомпромиссную политическую борьбу за власть в большевистских «верхах». На первом этапе этой борьбы за лидерство в партии (1922–1924 гг.) сложилась так называемая «тройка», состоявшая из членов Политбюро Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина. Несмотря на определенные разногласия и далеко идущие планы каждого из членов «тройки», их объединяла общая цель – не допустить лидерства «второго человека в партии» Л.Д. Троцкого, блокировать его инициативы и в итоге исключить из процесса политической жизни [6]. В результате многочисленных политических маневров «тройка» к началу 1925 г. отстранила Троцкого от реальных рычагов власти, сохранив за ним лишь формальное членство в Политбюро [7].

Выступление «новой оппозиции» во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым осенью 1925 г. было обусловлено изменением баланса сил в верхнем эшелоне власти. В условиях обострения противоречий внутри «тройки» складывается «двуумвират» И.В. Сталина и Н.И. Бухарина, представлявший собой взаимовыгодный политический союз. Заключив этот союз, Сталин и Бухарин значительно укрепили свои властные позиции, заручившись поддержкой большинства в Политбюро и ЦК. Ядро «новой оппозиции» составляли руководство ленинградской парторганизации и ленинградские комсомольцы. На стороне «двуумвирата» выступило большинство делегатов XIV съезда и членов ЦК, поэтому, ему не составило труда устроить показательный разгром «ленинградского центра» оппозиции, завершившийся снятием Зиновьева с поста председателя Ленсовета [8].

Следует отметить, что уже на первом этапе внутрипартийной борьбы одним из ключевых ее факторов стало использование Сталиным Секретариата ЦК в качестве мощного властного рычага. Сталин, избранный генеральным секретарем на пленуме ЦК 3 апреля 1922 г., сумел за короткий срок превратить Секретариат ЦК из организационно-технического органа в политический механизм. Не случайно уже в августе 1922 г. А.М. Назаретян в письме Г.К. Орджоникидзе констатирует появление в московских политических кругах выражения «ходить под Сталиным» [10, с. 263].

Вопрос о механизме сталинской власти достаточно подробно изучен в историографии [11, с. 82–90; 14, с. 133–141; 15, с. 246–247]. В подчинении Секретариата ЦК находился Учетно-распределительный отдел, занимавшийся подбором и назначением партийных кадров. По справедливому замечанию С. Пирани, назначенство, возникшее в партии во время Гражданской войны, в 1922–1923 гг. стало «господствующей формой заполнения

должностей» [15, с. 247]. В 1922 г. Учраспред ЦК произвел более десяти тысяч назначений [11, с. 87]. Учраспреды местных партийных комитетов в миниатюре воспроизводили работу Учраспреда ЦК. Учраспред Московского комитета, учрежденный в июле 1922 г., на протяжении первых 7 месяцев своей деятельности назначил на различные партийные и государственные должности более пяти тысяч партийцев (т.е. около 20 % от общего числа членов партии в губернии) [15, с. 247].

Развитие процесса систематизации назначения чиновников продолжилось в ноябре 1923 г., когда были составлены первые «номенклатуры» – списки партийных и государственных должностей, назначение на которые утверждалось в аппарате ЦК. В апреле 1924 г. Учраспред слился с Оргинструкторским отделом. В результате был образован Орграспредотдел ЦК, во главе которого был поставлен верный соратник Сталина Л.М. Каганович.

Функционирование системы назначенства в отношении секретарей партийных комитетов происходило следующим образом. Через Учраспред ЦК на местах выявлялись партийные функционеры, подававшие надежды быть полезными Сталину. Следующий шаг состоял в том, чтобы продвинуть таких людей по карьерной лестнице. По уставу партии, должности секретарей партийных комитетов были выборными. Процедура выборов продолжала соблюдаться. Однако результаты выборов были заранее predeterminedены, поскольку руководящие партийные органы «рекомендовали» нижестоящим лиц, подлежащих избранию. Например, кандидатуры секретарей губкома рекомендовал Секретариат ЦК, секретарей горкомов и укомов рекомендовал губком [11, с. 87].

Уже к XII съезду партии, состоявшемуся в апреле 1923 г., около 30 процентов секретарей губкомов получили свои должности фактически из рук Сталина [12, с. 146]. Неудивительно, что в глазах местных партийных функционеров ближайший соратник Сталина секретарь ЦК В.М. Молотов выглядел «раздатчиком “эполетов” – кому секретаря губкома, кому предгубисполкома» [4, л. 36].

Анализ источников позволяет не согласиться с мнением М.С. Восленского по поводу сталинских критериев подбора кадров. По его мнению, суть сталинской кадровой политики состояла в том, чтобы назначать на руководящие должности не вполне пригодных исполнителей. В этой связи у партийного чиновника складывалось ощущение, что он занимает должность *«не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, он легко может быть заменен другим»* [11, с. 84].

Сведения о принципах сталинской кадровой политики можно получить из архивных источников. В обязанности Учраспреда ЦК входило изучение личных качеств руководящих работников губкомов. В качестве примера такой деятельности можно привести документ с личными характеристиками на некоторых ответственных секретарей губкомов, датированный июлем–августом 1922 г. Среди них следует выделить личные характеристики на Н.А. Угланова и А.И. Микояна, впоследствии добившихся наибольшего карьерного роста (Угланов был членом ЦК в 1923–1930 гг., Микоян – член ЦК с 1923 г., член Политбюро в 1935–1966 гг.). Согласно этим характеристикам, оба партийных функционера обладали всеми необходимыми личными качествами для успешной карьеры. Авторы характеристик отмечали в них такие достоинства, как организаторские способности, инициативность, высокий авторитет среди работников губкома, популярность среди рабочих масс [2, л. 2, 42].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующий вывод. Ключевым инструментом властных полномочий Сталина стала система подбора и назначения партийных кадров через Учетно-распределительный отдел, находившийся в подчинении Секретариата ЦК. Партийные функционеры, получавшие назначение через эту систему, становились «людьми Сталина». В целом, можно утверждать, что в 1922–1923 гг. в партийном аппарате сложилась сталинская система патрон-клиентских отношений.

Данная система отношений в полной мере проявилась уже в ходе общепартийной дискуссии 1923/24 гг. Принятие местными парторганизациями угодных «тройке» резолюций обеспечивалось системой секретарской иерархии, возглавляемой Сталиным. Секретари местных партийных комитетов напрямую информировали Сталина о ходе дискуссии. Так, секретарь Киевского губкома КП (б) Украины И.М. Варейкис в письме от 16 декабря

1923 г. докладывал Сталину о том, что «*большинство обеспечено*» и «*“основная украинская цитадель” троцкизма распозлась*» [18, с. 347]. Первый секретарь Закавказского крайкома РКП (б) А.Ф. Мясников 24 декабря 1923 г. телеграфировал Сталину о том, что на собрании тифлисского горкома «*резолуция уклонистов провалилась*». Мясников утверждал, что «*настроение партийных масс Закавказья твердое и всецело на стороне ЦК партии*» [3, л. 94].

В свою очередь, Сталин направлял деятельность местных партийных секретарей посредством директив. Примером такой директивы является письмо Сталина первому секретарю ЦК КП (б) Азербайджана С.М. Кирову. В нем говорилось: «*Мы думаем, что крупнейшие наши организации... должны обязательно отозваться. Следовало бы, по нашему мнению, взять за образец заявление Питерской организации, провести его, несколько изменив форму, сократив, смягчив и пр., на широком собрании бюро ячеек и активных работников и немедленно направить резолюцию в “Правду” и ЦК. Сделать это нужно немедленно*» [18, с. 350].

Кроме того, большое влияние на исход внутрипартийной борьбы оказало использование Сталиным Секретариата ЦК для продвижения преданных ему партийных кадров в верхние эшелоны власти – ЦК, а впоследствии и в Политбюро. Важной вехой в становлении сталинской системы единовластия можно считать подготовку и проведение XIV партсъезда (18–31 декабря 1925 г.), поскольку он привел к сталинизации ЦК и Политбюро. Не случайно на одном из заседаний съезда Ворошилов назвал Сталина «главным членом Политбюро» [18, с. 397]. 1 января 1926 г. избранные на XIV съезде члены ЦК сформировали новый состав Политбюро. Зиновьев и Троцкий остались членами Политбюро, но Каменев был переведен из членов в кандидаты. В состав Политбюро вошли три новых члена – соратники Сталина Молотов, Ворошилов и Калинин [17]. Таким образом, властные позиции Сталина были теперь подкреплены прочным и безусловным большинством в Политбюро, являвшемся фактически высшим органом власти в СССР. Следует отметить, что именно Политбюро предопределяло все основные направления развития страны и принимало решения по ключевым вопросам (а также рассматривало массу сравнительно мелких и второстепенных проблем) [19, с. 3].

Красноречивым свидетельством укрепления сталинских позиций во власти стало организованное Сталиным летом 1926 г. активное наступление против оппозиции. Поводом к нему послужило так называемое «дело Лашевича». Под «делом Лашевича» следует понимать несанкционированное собрание оппозиционеров 6 июня 1926 г. в Подмоскovie, повлекшее за собой ряд партийных взысканий. Главному организатору собрания, соратнику Г.Е. Зиновьева М.М. Лашевичу был объявлен выговор с предупреждением. Более того, Президиум ЦКК принял решение обратиться к очередному пленуму ЦК и ЦКК с предложением исключить Лашевича из состава ЦК, снять его с поста зампреда Реввоенсовета СССР и лишить права занимать ответственные партийные должности в течение двух лет [5, л. 172 об–178 об.].

В письме соратникам от 25 июня 1926 г. Сталин изложил план, согласно которому политическую ответственность за «дело Лашевича» предстоящий пленум ЦК должен был возложить на Зиновьева. Суть данного обвинения была представлена в следующем тезисе Сталина: «*Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии*» [16, с. 72]. На этом основании в отношении Зиновьева предусматривалось конкретное политическое наказание: «*Не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро с предупреждением вывода его из ЦК, если не будет прекращена его работа по подготовке раскола*» [16, с. 73].

Кроме того, в письме подчеркивалось, что вопрос об исключении Троцкого из Политбюро не стоит, поскольку его не следует связывать с «политикой раскола», проводимой Зиновьевым. При этом Сталин не скрывал, что в данном случае проявился расчет на то, чтобы вывести Троцкого из оппозиции и сделать его вновь «лояльным» [16, с. 73–74].

Анализ июльского объединенного пленума ЦК и ЦКК (14–23 июля 1926 г.) показывает, что большинство ЦК действовало по заранее намеченному Сталиным плану по пре-

вращению «дела Лашевича» в «дело Зиновьева». Рассмотрение пленумом «дела Лашевича» началось 21 июля. Докладчиком по данному вопросу выступил председатель ЦКК В.В. Куйбышев. Выступление Куйбышева было полностью согласовано со сталинским планом: *«Все эти обстоятельства заставляют нас признать политически ответственным за эту фракционную борьбу и тов. Зиновьева. Было бы пустым формализмом, недостойным большевистского ЦК и ЦКК, если бы мы, имея перед собой это опасное явление, ограничились бы тем, что покарали бы стрелочника. Для всех нас очевидно и ясно, что дело тут идет о том, что эта фракционная борьба руководилась отсюда из центра и что Политбюро ЦК, членом которого являлся тов. Зиновьев, было тем местом, из которого руководилось это вредное для партии дело»* [1, л. 6 об.].

Такая внезапная постановка вопроса, вне всякой связи с предыдущими материалами «дела Лашевича», вызвала возмущение оппозиционеров. В заявлении 13 участников пленума (среди них Г. Зиновьев, Л. Каменев, Л. Троцкий, Н. Крупская, М. Лашевич) говорилось: *«Вопрос о так называемом “деле Лашевича”, поставленный, согласно решению Политбюро от 24 июня, в порядок дня нынешнего пленума, неожиданно, в самый последний момент, постановлением Президиума ЦКК от 20 июля, превращен в “дело” тов. Зиновьева. Мы считаем необходимым, прежде всего, констатировать, что в проекте резолюции Президиума ЦКК нет ни одного факта, ни одного сообщения, ни одного подозрения, которые бы не были известны шесть недель тому назад, когда Президиум ЦКК вынес постановление по “делу” Лашевича и др. В этом постановлении имя тов. Зиновьева не называлось. Между тем, в последнем проекте резолюции уже заявляется со всей категоричностью, что “все нити” ведут к тов. Зиновьеву как председателю Коминтерна. Вопрос этот, как совершенно ясно для всех, решался не в Президиуме ЦКК, а в той фракционной группе, руководителем которой является тов. Сталин. Мы имеем перед собой новый этап в осуществлении давно намеченного и систематически проводимого плана»* [9, с. 22].

В резолюции июльского пленума утверждалось, что *«оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей, таким образом, раскол ее рядов»* [13, с. 49–50]. Зиновьев был исключен из состава Политбюро за «фактическое руководство фракционной борьбой оппозиции». Лашевич был исключен из состава ЦК, снят с поста зампреда Реввоенсовета СССР и лишен права вести ответственную партийную работу в течение двух лет [13, с. 52]. Следует отметить, что исключение Лашевича из ЦК стало первым случаем применения 7 пункта резолюции X съезда «О единстве партии».

Думается, что подготовка и проведение июльского пленума 1926 г. стали важной вехой в становлении сталинской системы единовластия. Фактически действия большинства ЦК против оппозиции на этом пленуме были осуществлены согласно единоличным указаниям Сталина.

Источники и литература.

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 142.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 83.
6. Апальков Д.И. Болезнь Ленина и рождение «тройки» // Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых специалистов и ученых «Clio-2013». М.: РОССПЭН, 2013. С. 18–22.
7. Апальков Д.И. Внутрпартийная борьба в РКП (б) (1922–1923 гг.) // Сборник материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2014». М.: РОССПЭН, 2014. С. 28–29.
8. Апальков Д.И. «Дуумвират» против «новой оппозиции» (1925–1926 гг.) // Сайт «Школа-конференция молодых ученых ИРИ РАН». Режим доступа: <http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=204>
9. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю.Т. Фельштинский. М.: Терра, 1990. Т. 2. 252 с.
10. Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 / сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева и др. М.: РОССПЭН, 1996. 428 с.

11. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия», МП «Октябрь», 1991. 624 с.
12. Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. XXII, 904 с.
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1984. Т. 4. 575 с.
14. Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 247 с.
15. Пирани С. Русская революция в отступлении. М.: Новый Хронограф, 2013. 424 с.
16. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов и др. М.: Россия молодая, 1995. 304 с.
17. Политбюро ЦК КПСС // Энциклопедия Коммунист.Ru. Режим доступа: www.kommynist.ru/Политбюро_ЦК_КПСС
18. РКП (б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / отв. сост. В.П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004. 461 с.
19. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 305 с.

УДК 94(477).084.3

**ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИУДЕЙСКИХ, КАТОЛИЧЕСКИХ И
МУСУЛЬМАНСКИХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КРЫМУ
В НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ**

АХМЕДОВА Г.Р.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Культовая архитектура является одним из важнейших показателей развития духовной культуры того или иного народа. Крымский полуостров всегда исполнял роль духовной обители многих конфессий, исповедующих абсолютно разные религии, придерживающихся различных традиций. На протяжении многих веков, все конфессиональные группы не испытывали давления ни от государства, ни от представителей других религиозных групп. Такое соседство культур и вероисповеданий отразилось на разнообразии культовых сооружений, в число которых, кроме монастырей и церквей, вошли культовые сооружения иудеев, католиков и мусульман.

После установления в Крыму Советской власти, на полуострове вступает в силу новая идеология, целью которой становится устранение столь сильного конкурента, как религия и религиозные объединения в «лице» различных конфессий. Одним из самых основных документов, принятых для ликвидации религиозных культов, был декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Широко известно следующее высказывание В.И. Ленина, в котором отображены самые важные направления в борьбе с религией: «... Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом...» [10, с. 9–15]. Данный документ должен был полностью изменить традиционный уклад жизни. Он также позволяет понять, что основной религией Советского государства становится атеизм, а вера в Бога должна остаться пережитком бывшего буржуазного строя Российской империи. Именно поэтому Советская власть начинает вести столь активную борьбу с религией и религиозными группами.

Но для внедрения новой идеологии необходимо было время, в связи с чем, осуществлялся ряд мер, направленных на закрытие культовых сооружений, дабы лишить верующих места сборов для проведения служб и молитв. Чтобы иметь возможность проследить последствия такой политики, необходимо обратиться к документам Государственного архива Республики Крым, где хранится множество сведений о закрытии того или иного культового сооружения на территории полуострова. Кроме архивных документов, важную роль играют и декреты Советской власти, в которых можно проследить решения местных органов власти для ускорения результативности атеистической пропаганды.

Данная работа направлена на рассмотрение важных архивных документов, а также для того чтобы проследить, как тщательно, но при этом осторожно и постепенно проводилось закрытие мечетей и синагог, костелов и молитвенных домов. Насколько важно было постепенное внедрение новой идеологии, чтобы одновременно не настроить против себя все слои населения. В докладной записке заведующего церковным отделом Доценко (в документе инициалы не указаны) говорится: «В настоящее время группами верующих подаются в церковный п/отдел заявления с просьбой о передаче им богослужебного имущества и молитвенных домов» [3, л. 58]. Этот документ описывает распространенное явление для начала 20-х гг. XX в., а именно контроль власти за религиозными группами. Для этих целей проводился ряд мер. Одной из них стало предоставление верующим религиозного имущества во временное пользование с рядом требований, которые фиксировал договор. Данный документ подписывали верующие с представителями власти. Для этого было необходимо: «произвести фактическую проверку капиталов и имущества, а затем

заключить договора с группами верующих и передать им в бесплатное пользование молитвенные дома и богослужебное имущество» [3, л. 58].

Для более эффективной работы с религиозными группами и фиксации работы того или иного религиозного сооружения, в декабре 1923 г. вышло постановление СНК автономной КрымССР, в котором говорилось: *«утверждение и регистрацию религиозных обществ в порядке декрета ВЦИК и СНК от 3/VIII-22г... изъять из ведения милиции и сосредоточить соответственно в НКВД и Райсполкомах...»* [7, л. 12]. Это еще более ужесточило порядок регистрации религиозных общин и взятие в аренду молитвенных домов. Документ был подписан председателем совнаркома С.-Г. Саид-Галиевым, наркомом внутренних дел Ануфриевым и управделом СНК Музыкиным. В январе 1923 г. при НКВД и окрисполкомах были созданы ликвидационные комиссии. В их задачу входила ликвидация культовых сооружений различных конфессий, которые находились в непосредственной близости от государственных учреждений, либо храмов и молитвенных домов, не соответствующих, по мнению правительства, установленным нормам архитектурной застройки. Центральная комиссия занималась контролем на местах, в ее состав входили сотрудники НКЮ, Центрального совета народного хозяйства, Крымского коммунального хозяйства, Народного комиссариата просвещения и НКВД. 12 января 1924 г. Президиум КрымЦИК принял решение об упразднении НКВД и утвердил положения о создании ЦАУ автономной Крымской ССР. Эта структура состояла при СНК на правах Центрального управления с одновременным подчинением ЦАУ НКВД РСФСР.

У ЦАУ автономной КрымССР были свои функции, в число которых входили: *«охрана общественного порядка, контроль над административным и судебным преследованием в случае нарушения, регистрация опекуинства и актов гражданского состояния, пресечение уголовной преступности, содействие всем органам власти в их деятельности, решение вопросов беженцев и иностранцев, проведение церковной политики»* [5, л. 5]. В 1924 г. окончательно определилась сфера деятельности и компетенция церковных столов. Выделялись следующие обязанности: *«инструктаж и руководство церковными столами на местах; рассмотрение дел по заключению и расторжению договоров с верующими, ликвидации храмов; контроль за текущей и чрезвычайной работой; надзор за сохранностью переданного в аренду церковного имущества, действиями групп верующих; разрешение религиозных съездов и крестных ходов республиканского масштаба и т.д.»* [11, с. 162]. Этот период стал началом тотального контроля над религиозной жизнью, не только прихожан, но и самих священнослужителей. В Севастополе также проходила регистрация религиозных культов, которая проводилась ЦАУ автономной Крымской ССР. Регистрация показала, что на территории Севастополя находились следующие неправославные религиозные сооружения: лютеранские – 1, иудейские – 3, армяно-григорианские – 1, мусульманские – 28, караимские – 1, евангелистские – 1, адвентистские – 1, баптистские – 1, меннонитские – 1 [5, л. 5].

Религиозным группам, в свою очередь, не оставалось ничего иного, как следовать новым правилам. На примере Севастопольской синагоги можно увидеть, насколько религиозные группы были зависимы от местных органов власти, *«желая взять в пользование храм. Главную еврейскую синагогу, находящуюся по Малоармейской ул. 7... совместно с имуществом этого храма... просим Отдел Управления заключить с нами Договор, во всем согласно с декретом СНК об отделении церкви от государства»* [7, л. 3]. Но и после получения разрешения использовать религиозное имущество и проводить службы в определенных местах каждый шаг религиозных общин строго отслеживался. Общие собрания разрешались, только если религиозная община подавала прошение за две недели с четким указанием повестки дня и докладчиков. На таких собраниях всегда присутствовали должностные лица, на которых возлагались обязанности следить за собранием. В конце собрания представлялся подробный доклад, который передавался в ОГПУ.

Например, с Феодосийской религиозной общиной был заключен договор о порядке использования здания еврейской хоральной синагоги. В данном документе были указаны следующие пункты, которые религиозная община должна была исполнять: *«п.1. Мы нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам народное достояние и*

пользоваться им исключительно соответственно его назначения, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность врученного нам имущества, а также за соблюдение лежащих на нас по этому соглашению и иных обязанностей; п.2. Храмами и находящимися в них богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться и представлять всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей» [4, л. 10].

Столь строгие правила и нормы передачи имущества в пользование верующим были не случайными: необходимо было как можно сильнее усложнить деятельность религиозных общин. С этой же целью было сфабриковано не одно административное и уголовное дело, связанное с якобы нарушением декрета «Об отделении церкви от государства». Подобное административное дело было заведено против группы верующих, посещавших синагогу в Феодосии. Против них было заведено дело за хищение имущества синагоги и за нарушение декрета 1918 года. Суд постановил: *«объявить им общественное порицание, обязать всех обвиняемых с круговой друг за друга порукой возратить Феодосийскому Окрисполкому весь инвентарь молитвенного дома Розенталь в 3-х дневный срок, а при невозвращении их уплатить стоимость их по рыночным ценам...»* [4, л. 15]. Сама же синагога должна была быть закрыта и передана в распоряжение Феодосийскому Окрисполкому. По схожему принципу были закрыты многие культовые сооружения, по мнимым обвинениям в нарушениях закона и краже имущества. Такая политика, прежде всего, была направлена на законное закрытие того или иного религиозного строения.

Но даже наличие договора и соблюдение всех его пунктов не всегда могли полностью обезопасить деятельность религиозных групп. Местные органы власти и НКВД всеми силами пытались найти как можно больше поводов для закрытия молитвенного дома. Об этом факте отчетливо свидетельствует докладная записка, направленная народному комиссару внутренних дел, в которой говорилось: *«Поскольку надзор за группами верующих сосредоточен в Райисполкомах, иначе и быть не может, поскольку разрешение на созыв собрания выдается Райисполкомом, религиозные общества, преобразовавшиеся из групп верующих, получают разрешения на созыв собраний, таким образом, получается одна и та же организация под наблюдением двух органов»* [7, л. 13]. Контроль над деятельностью религиозных организаций впоследствии приведет к полному их закрытию в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. Но местные власти на этом не останавливались, пожарно-санитарная и техническая комиссии с постоянной периодичностью проводили проверки культовых зданий, обязывая религиозные общины заниматься перестройкой дверей, заставляя приобретать различную противопожарную технику вплоть до гидрантов.

Особый контроль должен был вестись за католической культовой архитектурой, поскольку религиозный центр всех католиков находился далеко за пределами СССР. Именно католическую общину чаще других подозревали в связях с иностранными агентами и шпионаже. С этой целью всем начальникам губернских и областных административных отделов пришло распоряжение: *«1. Указать местности, где находятся католические костелы; 2. Везде ли при них есть ксендзы¹; 3. Сколько их при каждом костеле (фамилии, имя, отчество и социальное положение); 4. Где имеются приходские католические советы, и кто в них входит (фамилии, имя, отчество, социальное положение); 5. имеются ли организованные католические центры»* [8, л. 3]. Из этого следует, что кроме идеологической борьбы с католической общиной, велись еще и политические наблюдения за ее участниками, дабы не допустить оттока информации с территории Советского Союза.

Но только закрытие того или иного молитвенного дома или костела не могли полностью решить религиозный вопрос. Необходимо было изменить сознание граждан автономной Крымской ССР, искоренить традиционный уклад жизни, вычеркнуть веру в Бога из обычной жизни. Со старшим поколением было сложнее, поэтому особое внимание необходимо было уделить молодежи. Для проведения такой политики создавались специальные кружки, уголки при клубах и комсомольских организациях. Вмешательство в религиозную сферу граждан происходило разными способами. Например, в 1924 г. агит-

¹ Ксендз – католический священнослужитель.

пропколлегия Крымского обкома РКП (б) приняла постановление об организации республиканского общества «Безбожник». Курировать работу организации должны были специально созданные антирелигиозные комиссии при агитационных отделах, которые должны были следить за характером работы и создавать методические инструкции. Все действия должны были иметь слаженный характер, чтобы избежать давления на население. На первых этапах общество не стремилось к массовости своих последователей. В это время его работа распространялась только на города, и должна была *«иметь направленность на распространение естественнонаучных знаний как необходимой подготовки для антирелигиозной пропаганды»* [6, л. 42, 47].

На первых порах было решено возложить ответственность за распространение атеистической пропаганды на преподавательский состав учебных заведений республики, как на наиболее подготовленных в научно-теоретической сфере. На базе феодосийского общества «Безбожник» была сделана попытка создания постоянно действующей группы пропагандистов из учителей местных школ. Но и это действие не возымело желаемого результата. В большинстве своем учителя сами были верующими людьми, и их убеждения не совпадали с той задачей, которую они вынуждены были исполнять. *«Формально выполнявшие функции пропагандистов, они продолжали посещать храмы и принимать участие в религиозных службах»* [2, с. 259]. Вследствие всех перечисленных причин, антирелигиозная борьба перешла в другую фазу. По данному вопросу свои мысли высказал посетивший Крым в 1931 г. Н.А. Смирнов. Он обращал внимание на то, что до 1929 г., безбожные организации все свое внимание сосредоточили не столько на борьбе с религией, сколько на борьбе с духовенством. *«Попоедство явилось главным лозунгом и основной задачей безбожников Крыма»* [12, с. 45-46]. Наиболее сильным нападкам подвергалось православие, на долю которого выпало наиболее массовое создание антирелигиозной литературы и карикатур на священнослужителей.

Особое внимание в антирелигиозной борьбе обращали на религиозные праздники, в дни которых комсомольскими бригадами, состоящими в основном из молодежи, предпринимались действия по оскорблению верующих, сжиганию культовой литературы и осквернению святых мест. Антирелигиозные выходки молодежи вызывали у верующих еще большее неприятие Советской власти, озлобленность и религиозный фанатизм. Люди стали придавать своим чувствам ореол мученичества, на этом фоне росли сектантские организации. Это было тревожной новостью для властей, которые ожидали от антирелигиозной политики совсем иных результатов.

В конце 1925 г. ОК РКП (б) в очередном циркуляре озвучил требование: покончить с оскорблением чувств верующих, и обо всех случаях нетактичного отношения к служителям культа сообщать в местные органы власти. Также данный циркуляр запрещал порчу церковного имущества и самих культовых сооружений, дабы еще сильнее не обострять ситуацию. Развитие антирелигиозной пропаганды замедлялось также этническим и конфессиональным разнообразием Крымского полуострова. Для агитаторов настоящим барьером для пропаганды стало незнание языков и абсолютная неосведомленность в традициях и религиозных учениях национальных меньшинств. Партийные работники не усвоили важности и необходимости ведения работы среди национальных меньшинств на их родных языках.

Возможно, именно неосведомленность в тонкостях других религий привела к тому, что не все религиозные конфессии были подвергнуты таким же гонениям как православие. Советская власть в первой половине 20-х гг. XX в. с осторожностью относилась к исламу, по сравнению с другими вероисповеданиями. К исламскому духовенству не применяли жесткой антирелигиозной пропаганды, относились к ним с достаточным уважением, и соблюдали их личные права и свободы. Такое отношение к исламу было вызвано следующим: *«религия у народов Востока занимает в их жизни гораздо больше места, чем у народов экономически более развитых. Это предписывает большую осторожность в борьбе с религиозными предрассудками. Против них нужно бороться не прямым отрицанием религии...»* [11, с. 68]. Это, возможно, было также связано с тем, что на территории Советского Союза проживало около 30 миллионов мусульман, в жизни которых религия зани-

мала самое важное место, и борьба с «религиозными суевериями» должна была быть более мягкой и информативной. Она не несла в себе полностью радикальных идей, в ней речь шла о необходимости *«бороться не прямым отрицанием религии, а ее подтачиванием посредством распространения грамоты, открытием школ, клубов, читален»* [1, с. 17]. Но такая сдержанная политика местных органов власти продолжалась недолго, уже в 1927 г. ислам и мусульманское духовенство попали в такую же опалу, как и остальные конфессии.

Кроме этого фальсифицировались и документы по эксплуатации молитвенных домов, мечетей, синагог, костелов. Признавалась их аварийность и не посещаемость. В рапорте заведующему отделом управления Керчохрисполкомом говорилось: *«татарская домовая мечеть не зарегистрирована в отделе Управления и не имеет прихода»* [9, л. 25]. Данный рапорт не содержит более никаких пояснений, из чего можно с трудом поверить в его достоверность об отсутствии прихожан у этой мечети. Несмотря на активную антирелигиозную политику со стороны органов власти в СССР и, в частности, по Крыму, успехи атеистической пропаганды были далеки от желаемых. Иногда они приводили к обратным результатам, и религиозность в обществе только усиливалась. Это вызывало новые наступления Советской власти на религиозную жизнь верующих Крыма, которые должны были привести к полному искоренению духовенства и религиозной жизни во всех ее проявлениях. В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., органы власти стали применять командно-административные методы в борьбе с верующими и религиозными обществами.

Таким образом, можно сделать вывод, что первая половина 20-х гг. XX в., стала отправным пунктом для развертывания антирелигиозной пропаганды в Крыму. Данная политика властей не возымела желаемого результата, вера для населения играла очень важную роль. И слабо подготовленная пропаганда, и незнание агитаторами религиозных особенностей той или иной конфессии, привело к малоуспешным действиям местных властей. Созданные атеистические кружки и организации не повлияли должным образом на традиционный уклад жизни крымчан. Это приводило к грубым выпадам против служителей религиозного культа и верующих. Действия молодежных организаций, целью которых было желание оскорбить чувства верующих, еще больше их сближали и объединяли между собой. Понимая, что такая политика не приведет к укреплению Советской власти в Крыму, методы борьбы приобретали все более и более жесткие формы, что привело к разрушению культовой архитектуры или полному изменению ее статуса и предназначения.

Источники и литература.

1. Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918-1930 гг. // Этнические и региональные конфликты в Евразии. М.: Весь Мир, 1997. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. 208 с.
2. Белоглазов Р.Н. Идеологическое воздействие органов государственной власти на религиозные конфессии Крыма в 1920-е годы // Крымский архив. 2000. № 6. С. 258–264.
3. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 11.
4. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 14.
5. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 165.
6. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 353.
7. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 383.
8. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 386.
9. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 394.
10. Змерзлий Б.В. Вилучення церковних цінностей у Криму в 1922 році // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. 2001. Т. 14 (53). № 1. С. 9–15.
11. Кириченко М.Г. Свобода совести в СССР. М.: Юриздат, 1985. 198 с.
12. Смирнов Н. Классовая база ислама в Крыму // Воинствующий атеизм. 1931. № 8-9. С. 31–48.

Список сокращений.

ГАРК – Государственный архив Республики Крым.

УДК 94(47).084.5

АРЕНДОВАННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЭКОНОМИКЕ НЭПОВСКОЙ РОССИИ

Данильченко С.Л.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Аренда частным капиталом государственных предприятий, недр земли является одной из форм частнокапиталистической деятельности.

В декрете СНК от 28 июня 1918 года о национализации крупной промышленности указывалось, что впредь до особого распоряжения ВСНХ предприятия, подлежащие национализации, *«признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев; правления и бывшие собственники финансируют на прежних основаниях, а равно получают с них доходы на прежних основаниях»* [9, с. 558].

Однако русская буржуазия в этот период на соглашение с Советской властью не пошла. Национализированные предприятия перешли в ведение государственных хозяйственных органов.

К вопросу об аренде Советское правительство вернулось вновь с переходом к новой экономической политике. 21 и 28 июня 1921 года на заседании СНК РСФСР [5] был поставлен вопрос о сдаче в аренду государственных предприятий, находящихся в ведении местных и центральных органов ВСНХ. 5 июля 1921 года СНК утвердил проект Постановления о порядке сдачи предприятий в аренду [2].

Согласно Постановлению, национализированные предприятия, подведомственные ВСНХ, могли сдаваться в аренду государственным учреждениям, кооперации и частным лицам. В первую очередь сдаче в аренду подлежали бездействующие или плохо работающие предприятия.

При сдаче в аренду, при прочих равных условиях, предпочтение оказывалось крупным кооперативным организациям и их промысловым объединениям, а также частным предпринимателям, обязавшимся организовать на этих предприятиях производство товаров, необходимых Советскому государству. К аренде предприятий допускались только те частные лица, которые имели производственный опыт, не исключая и бывших собственников. Наравне с гражданами СССР, арендаторами могли быть иностранные граждане.

Характер аренды частными лицами предприятий, принадлежащих Советскому государству, приближает эту форму предприятий к концессиям. При аренде также заключался договор, по которому предприниматель допускался к организации производства на определенных условиях и на определенный срок, в основном на шесть лет. Все операции, связанные с арендой, концентрировались в арендно-конфликтных отделах местных Советов.

Значительное число арендованных предприятий приходилось на каменноугольную промышленность. Арендаторами их были кооперативные артели и частные предприниматели, в основном, бывшие собственники. По угольным бассейнам основное количество предприятий, предназначенных для аренды, находилось на Дальнем Востоке, в Сибири и на Донбассе. По Северо-Кавказскому горному округу площадь арендованных рудников составляла 403,16 га. Валовая добыча угля на них достигала 26 430 тонн в год.

9 сентября 1921 года СТО утвердил соглашение с Донецким губернским экономическим совещанием – Донэкосо о мелких шахтах. В нем указывалось, что все шахты Донбасса, не эксплуатируемые и не подлежащие эксплуатации по пятилетней программе, сдаются в аренду через Донэкосо, за исключением тех шахт, аренда которых является нецелесообразной по техническим или организационным основаниям. Шахты, переданные Донэкосо, сдаются последним в аренду на возможно короткие сроки, но не более пяти лет с обязательством для арендаторов выполнения при эксплуатации всех горнотехнических правил.

В докладе на VII Московской губпартконференции 29–31 октября 1921 года В.И. Ленин отметил, что в Донбассе наблюдается *«особенно успешное развитие производства в мелких крестьянских шахтах, которые стали сдаваться в аренду. Мы видим развитие отношений государственного капитализма»* [3, с. 206].

В виде арендной платы 30% добычи угля должно было сдаваться Главтопу, при этом? каждой шахте устанавливался обязательный минимум добычи. Прочие 70% добытого угля на арендованных шахтах, за вычетом потребности Донецкой губернии, могли распродаваться Донэкосо по ценам вольного соглашения, но лишь тем из потребителей, которые будут иметь разрешения или наряды Главтопа, преимущественно – государственным учреждениям [6, л. 192].

На предприятия Донецкого округа приходилось 92,8% добычи угля в Северо-Кавказском округе. Наиболее крупными арендаторами в Донецком округе были кооперативная артель инвалидов «Красный труженик» и кооперативная артель «Пищевое объединение». Первая артель арендовала рудник «Красный труженик» в Шахтинском округе. Валовая добыча угля на руднике за год приближалась к 1917 тоннам. Вторая артель арендовала Бронницкий рудник в том же районе, валовая добыча угля равнялась 1791,3 тонны.

Из частных предпринимателей можно отметить Гончарова и Дьяченко, получивших в аренду рудник в Черкасском районе. Валовая добыча угля достигла на этом предприятии 855,5 т. На руднике, арендованном предпринимателем Каюджи, валовая добыча угля составила 530,5 т. в год. Остальные частные предприниматели арендовали более мелкие предприятия, где добыча угля была незначительной. Государственное предприятие, например, «Госречпароходство» – субарендатор Донугля, арендовавшее рудник в Шахтинском районе, добывало 18 066 т. угля в год, т.е. значительно больше, чем частные предприниматели [7, л. 33–34].

В Сибири наиболее крупным объектом аренды был Томско-Алтайский горный округ. Площадь арендованных рудников составляла 8802,07 га. Количество занятых на них рабочих было 7998 человек, из них 3975 человек, занятых на подземных работах. Валовая добыча угля достигала 984 564 т.

Среди арендаторов было 10 артелей углекопов, но арендовали они мелкие рудники, добыча в которых была невысокой. По всем артелям она составляла 7510 т, что не шло ни в какое сравнение с крупнейшим государственным трестом этого района – Кузбасстрестом, который имел 3760 человек рабочих и валовую выработку в год 541 777 т. Самая крупная Байкаимская артель имела 24 рабочих и добывала в год 2276 т. угля [7, л. 36–39].

На Дальнем Востоке выделялись два района – Приморский горный округ и Сахалинский горный округ. В Приморском горном округе имелись крупные арендаторы – частники и артели: артель рабочих, арендовавшая копи «Треугольник» во Владивостокском уезде, добывала в год 15835 т.; торговый дом «Наследники А.Д. Старцева», в ведении которого находилась Спасовская копь в том же уезде, имел 77 рабочих и добывал в год 15 663 т. угля; «Натановское товарищество», занимавшее Натановские копи в том же уезде Приморской губернии, имело 327 рабочих и добывало 22281 т. угля в год.

В целом по Приморскому округу площадь арендованных рудников составляла 7527 га, а валовая добыча угля – 613 529 т. [7, л. 38–39].

Частный капитал в угольной промышленности, как и в других отраслях, по своим размерам значительно уступал государственным вложениям, но играл некоторую положительную роль, поскольку арендовались бездействующие предприятия, восстановить которые государство не могло. Арендованная промышленность давала дополнительное количество угля, которое было необходимо стране.

Всего по РСФСР в 1924/25 году было добыто всякого рода ископаемых углей 3 965 300 т. По сравнению с предыдущим годом добыча увеличилась на 10,1% [7, л. 14]. Такой рост добычи угля относился за счет развития государственной угольной промышленности в Кузнецком бассейне, в Сибири, отчасти на Урале и в центральных губерниях. Наибольшее количество угля добывалось на Урале, где арендованная промышленность почти

отсутствовала, в Сибирском крае, третье место занимал Дальний Восток. Государственные объединения добывали 96,4% всего количества угля, на частные арендованные предприятия приходилось 3,1% и 0,5% добывалось угольными концессиями на Сахалине [7, л. 17].

На государственных предприятиях в РСФСР было занято 11857 рабочих, на частных арендованных предприятиях – 837 человек и на концессионных предприятиях – 262 рабочих. Ведущее и преобладающее место в этой отрасли тяжелой промышленности принадлежало государственному сектору.

Сдача шахт в аренду оставалась выгодной для государства до тех пор, пока государственная угольная промышленность была слабо развита. По мере восстановления угольной отрасли, арендованные шахты постепенно утрачивали свое значение. К концу 1920-х годов частная аренда в угольной промышленности была ликвидирована.

В другой ведущей отрасли промышленности – нефтяной – частный капитал арендовал незначительное количество промыслов. Добыча нефти на арендованных предприятиях составляла лишь 0,2% всей добычи, остальное количество нефти добывалось на государственных предприятиях. Среди частных арендаторов выделялось товарищество «Кубанская нефть», остальные 5 предприятий были совершенно незначительны [7, л. 43]. Так, по Кубано-Черноморскому горному округу всего было сдано в аренду 4374,4 га нефтеносной площади, валовая добыча в 1924/25 году составила 80 004 т., в том числе товариществу «Кубанская нефть» была отведена площадь в 160,6 га, валовая добыча составила 2767 т. [7, л. 43].

Некоторое количество арендованных предприятий приходилось и на золотодобывающую промышленность. Помимо общего декрета об аренде от 23 сентября 1924 года, СНК СССР принял 21 апреля 1925 года Постановление о мерах по подъему государственной и частной золотопромышленности. Государство приняло ряд мер по развитию этой отрасли, предоставило ряд льгот арендаторам, снизило налоговое обложение. Оно стало на 1,2% ниже, чем в дореволюционный период. Через год после издания этого Постановления частная аренда золотодобывающих участников возросла с 328 до 500 приисков, или на 52%, часть приисков была предоставлена для разработки концессионерам.

Доля приисков, арендованных частным капиталом, в добыче золота в 1923/24 году составила 19,4%, в 1924/25 году – 23%. Вся остальная добыча приходилась на государственные предприятия, так как концессии занимали ничтожный процент – 0,2 [7, л. 49]. В этой отрасли аренда имела большее распространение и значение, чем в других отраслях добывающей промышленности.

При аренде предприятий перед предпринимателями ставились определенные условия. Они касались организации процесса производства, вложений частного капитала, размера производства и обязательств перед государством в виде арендной платы, ремонта арендованного помещения.

Так, например, в договоре от 28 августа 1921 года о сдаче в аренду государственного завода типографских красок бывшему владельцу И.И. Бегрову указывалось, что цель договора – обязательное производство арендатором *«на свой счет, риск и страх»* типографских красок высшего качества. Производительность предприятия должна быть не менее 400 пудов в месяц в течение первого года аренды и 750 пудов в месяц в последующие годы. Арендная плата устанавливалась натурой в форме долевого отчисления арендатором части производимых им изделий, а именно – 80 пудов красок высшего качества в месяц в первый год, 100 пудов во второй год и 150 пудов в следующие годы [1, с. 339].

Аренда промышленных предприятий приняла довольно широкие размеры. Из намеченных ВСНХ к сдаче в аренду 11 432 промышленных предприятий к январю 1922 года были сданы 5253 предприятия, т.е. почти 50% [13].

На 1 октября 1923 года в аренде находилось 6220 предприятий, что составляло 72% арендного фонда. Кроме того, было сдано в аренду около 7 тыс. мельниц и крупорушек. Преобладающее число арендованных предприятий в 1922 году приходилось на центральные губернии России.

Так, в Центрально-нечерноземном районе страны находилось 47,6% всех арендованных предприятий, на Украине – 11,7 %, в Поволжье – 8,3%, на Северном Кавказе – 7,4%, в Казахстане – 1,09%, в западных губерниях – 0,8 % [8, с. 6]. Наибольшее количество

арендных договоров было заключено в 1923 году. Начиная с 1925 года число арендованных предприятий резко сокращается.

В цензовой промышленности насчитывалось значительно больше арендованных предприятий, чем частных. О роли арендованных предприятий можно судить по количеству занятых в них рабочих и по выпуску продукции за 1923/24 год – 25 780 человек производили продукции на 196 394 тыс. червонных рублей [10, с. 38].

Участие частного капитала в аренде ограничивалось главным образом предприятиями местной промышленности, не входящими в тресты и не эксплуатируемыми непосредственно местными органами промышленности по различным причинам.

Меньшая рентабельность вложений частного капитала в промышленность по сравнению с торговлей заставляла частных собственников искать приложение своему капиталу преимущественно в тех отраслях промышленности, которые требовали меньших затрат на дооборудование предприятий, имели быстрый оборот капитала и вырабатывали продукцию, имеющую спрос на местном рынке – в основном товары народного потребления.

В тяжелой индустрии, где более высокое органическое строение капитала, аренда предприятий была совершенно ничтожной [10, с. 287].

Так, сокращение числа рабочих на арендованных предприятиях силикатной промышленности объяснялось ее технической отсталостью. Это была малорентабельная отрасль, требующая больших вложений средств, которыми частный капитал не располагал. Развитие частного капитала в этой отрасли промышленности шло, главным образом по линии кустарной добычи и первичной обработки строительных материалов.

Гораздо больше арендовалось предприятий керамической промышленности, в частности по производству глиняных изделий, являющихся предметами широкого потребления, реализуемыми на местном рынке. То же явление наблюдалось в химической, мукомольной и других отраслях промышленности, где сокращение количества предприятий произошло из-за недостатка сырья или оборудования.

Если же сравнить арендную промышленность по РСФСР со всей фабрично-заводской промышленностью, то видно, что при преобладании по отношению к частной промышленности ее удельный вес в целом будет незначительным [10, с. 287].

На Украине аренда государственной собственности занимала более видное место. Арендная промышленность составляла 6,8% всей цензовой промышленности, а по отдельным отраслям значительно больше. Например, в мукомольной промышленности аренда занимала 30,6% всей цензовой промышленности, в пивоварении – 16,0, в махорочной – 15,5%.

Что касается нецензовой промышленности, то аренда являлась основной формой эксплуатации предприятий, находящихся в ведении уездных и волостных исполнительных комитетов, причем, на частных арендаторов приходилось около 36,8% всех предприятий низового подчинения. В частности, по Северо-Кавказскому краю арендная промышленность давала 38,1% всей продукции предприятий райисполкомов, кооперации и частной промышленности.

По Москве и Московской области предприятия по форме собственности распределялись следующим образом: государственные – 42, кооперативные – 214, частные – 151 [11].

Наибольший интерес у предпринимателей вызывала пищевая промышленность, и в особенности пекарни. Это объяснялось, прежде всего, конъюнктурой рынка, на котором находили спрос в первую очередь пищевые продукты, повышающиеся в цене значительно интенсивнее, чем изделия промышленности. Кроме того, для восстановления хлебопекарен нужно было иметь незначительный капитал и минимум рабочих. Быстрый оборот капитала в этих предприятиях приносил их арендатору большие прибыли. Поэтому вокруг аренды пекарен разыгрывалась наиболее оживленная конкуренция, особенно за помещения, расположенные в центральных районах города.

В отношении основных отраслей промышленности Москвы – металлической, текстильной и химической – можно отметить, что большинство их было арендовано либо непосредственно бывшими владельцами, либо при их ближайшем участии. Бывшие вла-

дельцы были и в так называемых кооперативных артелях, претендующих на аренду тех или иных предприятий.

В Москве из всех предназначенных к аренде предприятий только 10% поступило в распоряжение государственных организаций, а 90% перешло в руки частных предпринимателей.

Общая мощность арендованных предприятий в Москве по сравнению с государственной промышленностью составила мизерный процент – всего 1,04%, потребление топлива по сравнению с предприятиями, входящими в МСНХ, – 1,9%, а количество рабочих – всего 3,2% [11].

По выпуску продукции арендованная текстильная промышленность составляла 0,2% государственной, металлическая и машиностроительная – 0,014%, проволочно-гвоздильное производство – 0,004%, химическая промышленность (основная) – 0,43% и москательная – 1,2%.

По Москве и Московской области на арендованных предприятиях было занято небольшое количество рабочих – 4892 человека [13].

Наибольшее количество рабочих – 45% и служащих – 55% приходилось на арендованную пищевую промышленность, 17,8% и 10% – соответственно на полиграфическое производство, 10% и 9% – на химическую промышленность.

По Петрограду Советом народного хозяйства было намечено к сдаче в аренду 428 предприятий. По отдельным отраслям промышленности число этих предприятий распределялось так: металлообрабатывающих заводов – 120, минеральных – 48, химических – 23, жировых – 7, текстильных – 15, деревообделочных – 32, электрических – 8, кожевенных – 10, бумажных – 9, пищевых – 19, полиграфических – 130.

В Петрограде преобладали среди предназначенных к сдаче предприятий металлообрабатывающие и полиграфические, а в Москве – пекарни и текстильные предприятия.

За первые восемь месяцев после издания закона об аренде Бюро аренды Петроградского СНХ было сдано 102 предприятия. Контингент предпринимателей был весьма разнообразен. Среди них находились 80 прежних владельцев, 8 производственных артелей, 5 кооперативов, 7 потребительских союзов, 9 советских учреждений и 43 частных лица.

Сроки аренды были разными. Для государства был выгоден более длительный срок аренды, примерно 6 лет, так как в этом случае предприниматели были заинтересованы в капитальном ремонте предприятий и в их переоборудовании. Из приведенного количества арендованных предприятий по Петрограду сроком на 3 года сданы 42 предприятия, сроком на 5 лет – 55, на 5,5 года – 1 и на 6 лет – 4 предприятия.

На 1 февраля 1922 года на арендованных предприятиях Петрограда насчитывалось 2069 рабочих и 426 служащих – всего 2495 человек [12].

Самое большое количество рабочих приходилось на металлические и текстильные предприятия, а в химических предприятиях отмечался большой процент служащего персонала – почти 1/3 всех работающих.

К октябрю 1923 года в Петрограде в аренду было сдано 237 предприятий, из них бывшим владельцам и частникам – 136. На них насчитывалось 3480 человек рабочих, в среднем 32,6 человек на одно предприятие. На одно предприятие, арендованное государственными органами, приходилось 91,6 рабочих, кооперацией – 141,6 рабочих, что свидетельствовало о том, что частным лицам сдавались менее крупные предприятия [1, с. 336–337].

В 1921 году арендная плата, как правило, взыскивалась в виде долевого натурального отчисления с производимой продукции, а в 1922 году – в форме денежного отчисления. Средний размер долевого отчисления в виде платы за аренду государственной собственности был установлен в 10,8% производимой продукции. На условиях долевого отчисления изделий производства были сданы в Петрограде 92 предприятия, 5 предприятий вносили плату деньгами, а 4 предприятия отчасти деньгами, отчасти изделиями.

Общая сумма поступления арендной платы натурой была в 1922 году 375 880 руб., деньгами – 572861 руб., что составило всего в денежных знаках 1923 года 948 749 руб. [4, с. 14]. В 1922 году арендованные заводы Петрограда дали не более 3,5% продукции государственных заводов [1, с. 354–355].

Из сданных в аренду в Петрограде к концу 1923 года 237 заводов наибольшее количество приходилось: на металлообрабатывающую отрасль – 30, производство машин – 23, химическое производство – 26, обработку дерева – 12, полиграфическое производство – 74, обработку бумаги – 11 [1, с. 354–355].

В остальных губерниях и волостях России сдача в аренду предприятий не нашла широкого распространения. Были сданы мельницы, мелкие предприятия пищевой промышленности, мелкие деревообделочные предприятия.

Так, например, по Саратовской губернии были сданы в аренду 10 мельниц и кожевенный завод. Его арендатором явилось кооперативное товарищество «Труд» [7, л. 6]. По Смоленской губернии имелось 77 бездействующих предприятий – 11 кирпичных заводов, 2 металлообрабатывающих, 18 лесопильных, 8 кожевенных и 38 мукомольных. Все они были намечены к сдаче в аренду. Арендовано было всего 3 предприятия. Бочарно-клепочный завод сдан Заднянской деревообделочной артели, Белевский лесопильный завод сдан Белевской деревообделочной артели, сельскохозяйственная мастерская Тумановского волостного исполкома сдана Ельнинской артели.

Такое же положение наблюдалось и в других губерниях. В Самарской губернии было арендовано лишь 5 предприятий, из них 2 мельницы. По Крыму, например, было сдано в аренду 14 предприятий, из них табачных фабрик – 6, кожевенных заводов – 3, чугунолитейный завод – 1, макаронная фабрика – 1, мыловаренный завод – 1.

Рассмотренные примеры сдачи ряда объектов в аренду частным предпринимателям показывают, что пуск в ход бездействующих предприятий, дополнительное снабжение страны товарами были положительными явлениями.

Вместе с тем аренда как форма частной торгово-промышленной деятельности стояла ниже других форм. Аренда была связана в основном с небольшими предприятиями. При сдаче их частным лицам в договоре предусматривались определенные обязательства сторон. Но частным предпринимателям было не под силу коренное переоборудование предприятий, внедрение современной техники и новейшей технологии. Поэтому, при переходе в руки государства, арендованные в прошлом предприятия нуждались в концентрации и переоборудовании.

Иное положение было с концессиями, как правило, крупными предприятиями. Их переход от концессионера к государству не был связан с коренным переоборудованием и осуществлялся как переход от одной формы крупного производства к другой его форме.

15 мая 1928 года СНК СССР отменил Постановление СНК РСФСР от 5 июля 1921 года «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ».

К началу 1930-х годов частная аренда была полностью ликвидирована.

Источники и литература.

1. Восстановление промышленности Ленинграда (1921–1924 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ. Т. 1. 1963.
2. Известия. 1921. 10 июля.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 44. Июнь 1921 – март 1922. 726 с.
4. Промышленность и торговля. 1923. № 1.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 427, 429.
6. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 265.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 17. Д. 14.
8. Русская промышленность в 1922 г. Материалы к 10-му съезду Советов. Пг.: Редакционно-издательский отдел ВСНХ, 1923. 445 с.
9. СУ. 118. № 47.
10. Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М.–Л.: Промиздат, 1927. 572 с.
11. Экономическая жизнь. 1922. 22 марта.
12. Экономическая жизнь. 1922. 22 марта.
13. Экономическая жизнь. 1922. 6 апреля.

УДК 94(477.75)

**ПРОФЕССОР И.А. ЛИННИЧЕНКО В КРЫМУ:
НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА УЧЕНОГО**

ЛАЗАРЕВА О.Г.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Среди знаменитых историков-крымоведов конца XIX – начала XX века особое место занимает профессор Иван Андреевич Линниченко (12 октября 1857 – 9 июня 1926 гг.). Он преподавал историю России и славянских народов в Московском, Новороссийском и Таврическом университетах. Как историк И.А. Линниченко, стал известен благодаря исследованию социально-правовых отношений в Галицко-Волынской земле времен позднего средневековья. Ученый также интересовался археологией, историографией, библиографией, художественной литературой, театром и музеями. И.А. Линниченко имел разносторонние связи внутри и за границами Российской империи, был членом многих авторитетных научных обществ. Впервые Крым он посетил в 1881 г. и после этого постоянно интересовался историей края, принимал активное участие в его культурной и научной жизни. В 1916 году на страницах «Крымского вестника» И.А. Линниченко опубликовал статью «Какой тип высшей научной школы желателен в Тавриде?», где ратовал за открытие в Симферополе «народного» университета с уклоном на аграрные науки [6, с. 219]. В личном фонде ученого в Государственном архиве Республики Крым сохранился ряд заметок, в которых он писал о том, что Крым – неподходящее для университета место, тем не менее, он был согласен с открытием медицинского факультета, который бы готовил кадры для лечения легочных больных на юге полуострова, а в филологах, историках, лингвистах, юристах в аграрной Таврической губернии он не видел смысла [1, л. 22]. 14 октября 1918 года состоялось торжественное открытие Таврического университета. Качеством кадров ученый не был доволен. В ноябре 1919 г. Иван Андреевич, спасаясь от большевиков, переехал из Одессы в Крым, где и провел последние годы.

Крымский период жизни ученого недостаточно изучен и требует дополнительных исследований. Известно, что И.А. Линниченко работал в Таврическом университете. Документы из личного фонда в Государственном архиве Республики Крым способствуют изучению последних лет жизни профессора. Большую часть документов по данной теме составляют воспоминания и дневниковые записи ученого, письма, справки, удостоверения.

Из эпистолярия мы узнаем, что место на историко-филологическом факультете ученому удалось получить не сразу. 27 ноября 1919 г. Арсений Иванович Маркевич писал ему: *«Вы правы, что курса здесь не удастся Вам прочесть, кроме указанной Вами причины есть и другая – полное безденежье университета. Что касается цикла публичных лекций, то думаю, что они прошли бы здесь успешно. Темы Ваши в высшей степени интересны и заманчивы»*. Только настойчивые просьбы авторитетного крымского историка А.И. Маркевича помогли положительно решить вопрос о работе. 2 декабря 1919 г. он сообщал И.А. Линниченко: *«В январе 1920 г. Вы могли бы прочесть рекомендованный курс в качестве приват-доцента, до этого времени я не теряю надежду на одоление большевизма и возрождение России, но сейчас печально»* [7, с. 35]. Преподавательская деятельность ученого началась в октябре 1920 года. И.А. Линниченко читал курс русской истории, которой отводилось по 3 часа. В справке № 61, датированной 26 апреля 1922 года, подписанной деканом факультета общественных наук Крымского университета профессору И.А. Линниченко сообщалось, что экономико-правовая предметная комиссия постановила обратиться с просьбой принять чтение лекций по истории русского права в течение двух триместров в количестве четырех лекций в неделю [2, л. 28].

Положение в университете в последующее время было тяжелым. Это нашло отражение в воспоминаниях профессора. В ряде заметок описывается реформирование университета советской властью: образование общественного факультета, открытие восточного отделения, изменение качества профессуры [1, л. 21; 3, л. 2–3]. Ученым было составлено письмо-обращение об эвакуации ученых, датированное 5 марта 1920 года. В нем описывается положение ученых, профессоров, живших исключительно на казенное жалование и теперь лишенных его, в связи с переездом из мест, захваченных большевиками. Нигде, кроме высших учебных заведений, профессора не имели возможности зарабатывать своими знаниями. Таким образом, для интеллектуальной элиты общества оказались закрыты источники материального существования. В обращении была предложена эвакуация за границу не на «хлеба из милости», а с возможностью уплачивать за свое содержание своими специальными знаниями – знанием России во всех отношениях – экономическом, политическом, историческом и т.д. и знанием славянских языков [5, л. 25]. В это же время И.А. Линниченко сообщал о невозможности заработать публикацией статей: *«В Одессе я мог бы жить газетной работой, мои статьи охотно печатаются, от 3–5 т[ысяч] в месяц можно было заработать. Здесь газеты очень мелки, помещают всякую дребедень своих сотрудников, мне еле удалось напечатать 3 статьи, да гонорара за них я до с[их] пор не получил»* [5, л. 26].

Голод в Крыму 1921–1923 гг. усугубил положение в университете. *«Кажется, и я начну лекции на рабфаке, где дают 1 фунт хлеба и тарелку борща – как прежде нищим в Лавре Киевской на Успение»*, – писал И.А. Линниченко в 1921 г. [6, с. 220]. Профессор выступил инициатором от группы ученых с заявлением, датированным 3 октября 1921 года заведующему продотделом университета с просьбой принять систему алфавита при выдаче преподавателям пайков и утвердить даты получения, что упростит технику выдачи [2, л. 15]. В связи с неустойчивым положением в стране, происходит обесценивание денег. Ученый отмечал в заметках: *«<...> ф[унт] хлеба благо стоил здесь 5 к[опеек] теперь – 5500 р[ублей] итого цена выросла в 110 тыс. раз во столько же упал рубль»* [3, л. 1]. *«Выпустили новые деньги <неразб.>. Старые оказались слишком дорогими – дороже их стоимости. Новые – просто бумаги – так немного больше вершка в квадрате – на интимное употребление не годятся. Появление новых денег повлияло на падение их цены, а кажется дальше уже падать трудно – постное масло 25 т[ысяч], хлеб черный 3 т[ысячи]»* [3, л. 23]. Кроме добывания еды, профессор упоминал о такой необходимости, как лампочка, которая поможет продлить утро на час, а вечер – часов на 5. И это будет стоить каких-нибудь 40–50 тысяч [3, л. 4]. Что касается зарплаты профессуры, Иван Андреевич записал 12 августа 1921 года: *«Мое основное жал[ованье] 206.250 в м[есяц] – а с премиальными 618.750 в месяц»* [3, л. 1]. Руководству вуза приходилось постоянно отстаивать право на занимаемые им здания. В воспоминаниях И.А. Линниченко за август и сентябрь 1921 г. было выявлено несколько записей о борьбе за здание семинарии и ее состоянии [1, л. 9; 3, л. 5].

Не менее тяжелым для ученого оказался и 1922 год. В «Картинках с натуры: День русского профессора (Брюзжание контрреволюционного профессора)», датированных 31 января 1922 г., с сарказмом и горечью ученый привел описание убогого быта служителя науки при большевистской власти. Он повествует о сне *«на кровати без матраца, в сырой нетопленной комнате под покровом лохмотьев»*, об очередях в университете *«на фуражирование»*: *«дадут или не дадут $\frac{3}{4}$ фунта замазки, которую даже свиньи есть не хотят»*; лекции в нетопленных аудиториях и теплые воспоминания о чае, *«счастье, не каждому профессору теперь доступному»* [8, с. 181–182]. Сохранилась и составленная И.А. Линниченко записка, подготовленная, очевидно, для представителей власти, в которой ученый вопиет о трагическом положении профессоров, *«обреченных на голодную смерть за неполучением содержания (вот уже 3 месяца) и пайков продовольственных. Уже отдельные профессора живут работой, с наукой ничего общего не имеющей – шьют сапоги, сторожат сады»* [8, с. 183]. Иван Андреевич выступил инициатором и составителем обращения «От группы русских ученых, находящихся в Крыму профессорам и ученым Запада». В обращении описывается катастрофическое положение профессорско-преподавательского состава Крымского

университета. В послании говорилось: *«Мы не просим даровой подачки, а лишь временной ссуды, которую мы надеемся уплатить с возвращением некогда богатой родины нашей к твердой денежной валюте»* [6, с. 221].

Интересным сюжетом биографии И.А. Линниченко является его участие в становлении местного архива. Так, переехав в Симферополь, не имея своего жилья и получая мизерное содержание, И.А. Линниченко очень рассчитывал на место в КрымЦентрархиве. После отъезда Б.Д. Грекова в Петроград 25 августа 1921 г. Иван Андреевич записал в своем ежедневнике «Хроника событий»: *«Есть основания думать, что Б.Д. Греков вернется сюда для того чтобы забрать жену. С отъездом Грекова я бы мог занять его место зав. архивом, но на это место претендует А.И. М[аркевич] – человек очень обидчивый и самлюбивый. <...> Он отлично понимает неловкость своего положения в Университете, называет себя сам маргариновым профессором. Но это ему и обидно. <...> Это маленький провинциальный ученый, способный написать статью, часто описательного характера – он очень трудолюбив, но не способен к исследовательской работе, а более того, к широким историческим взглядам, окинуть взором уходящую эпоху. Судя по тому, как он вообще рассказывает разные эпизоды из своего прошлого, лекции его должны быть нестерпимо скучными, часто факты излагаются без общих лейтмотивов»*. 28 августа 1921 г., продолжая эту тему, И.А. Линниченко записал в дневнике: *«Когда Г. [Б.Д. Греков] уехал в Петербург, я, по соглашению с ним, начал переговоры с А.И. [Арсением Ивановичем] по поводу вакантной должности»*. А.И. Маркевич тогда недвусмысленно дал понять Ивану Андреевичу, что, отдав большую часть своей жизни собиранию этого архива, он сам, находясь в стесненных материальных обстоятельствах, претендует на место заведующего. И.А. Линниченко отметил в дневнике 28 августа 1921 г.: *«Для него [А.И. Маркевича] нет большей обиды, чем непризнание его рекомендации. Дома он деспот <...> бывает начальственно-невыносим»*. Заметим, однако, что это писалось в доме «деспота», где Ивану Андреевичу была предоставлена отдельная комната. Заканчивая запись, И.А. Линниченко констатировал: *«Маркевич станет моим врагом»*. Столкновение двух ученых по поводу вакансии в КрымЦентрархиве стало началом глубокого личного конфликта между ними, разгоревшегося в последующие два года. Сохранившаяся переписка краеведов за этот период наполнена взаимными обидами и обвинениями [6, с. 222].

Оценивая данную ситуацию, читая страницы дневников Ивана Андреевича Линниченко за эти годы, анализируя часто встречающиеся там едкие характеристики современников, следует учесть, что одесский профессор тяжело перенес состоявшийся на его глазах крах Отечества. Глубокие потрясения, связанные с революционными перипетиями, потеря работы, жилья в Одессе, а главное, устоявшегося социального статуса, полное неприятие им советской системы, умноженные на солидный возраст ученого, привели к определенному психическому расстройству [6, с. 222].

В это весьма тяжелое время для профессуры и ученых предоставлялась возможность провести некоторое время в санаториях. Таким местом была Гаспра, которая начала действовать в июне 1922 года. И.А. Линниченко приехал в этот санаторий в августе 1922 года. В воспоминаниях «Отдых ученых в Гаспре» он подробно описал положение в санатории, список написанных там заметок, состав отдыхающих, выразил сожаление об отсутствии настоящих ученых, особое внимание уделялось воспоминаниям о хорошем питании, большой библиотеке, прогулкам [4, л. 1–9].

Кроме чтения лекционных курсов, И.А. Линниченко выполнял некоторые поручения руководства Крымского университета. В личном фонде ученого в ГАРК выявлено удостоверение Крымского университета им. Фрунзе от 16 июня 1923 года № 1773, по которому профессор Иван Андреевич Линниченко командировался с научной целью в Одессу, Ялту, Алупку и Гаспру для занятий в библиотеках и для разбора библиотек, находящихся на Южном берегу Крыма [2, л. 56]. А удостоверение от 24 сентября 1923 г. сообщает о том, что И.А. Линниченко реэвакуируется по окончании срока пребывания в санатории Гаспра в город Симферополь [2, л. 66]. Также ученому выдавались академические пайки согласно постановлению Крымской комиссии по улучшению быта ученых, что подтверждено соответствующими справками [2, л. 36, 62].

С 1925 года Крымский университет им. М.В. Фрунзе стал Крымским государственным пединститутом им. М.В. Фрунзе. Штат сотрудников сокращался. В этой связи И.А. Линниченко не был принят на работу. В личном фонде ученого выявлена справка Крымского университета им. М.В. Фрунзе № 349 от 21 февраля 1925 г., в которой сообщалось, что И.А. Линниченко назначена пенсия в размере 48 руб. в месяц с 1 января 1925 г. и за ее получением надлежало обратиться в Крымский наркомат социального обеспечения [2, л. 63]. Также отрезные купоны от управления делами ЦеКУБУ, датированные 1926 г. о ежемесячном акобеспечении в размере 60 рублей, за вычетом почтовых расходов в 40 к. [2, л. 52, 57–61] информируют нас о финансовом положении ученого.

Все же голод, тяжелое материальное и моральное положение отразились на ученом. 9 июня 1926 года историк умер.

Источники и литература.

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 538. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАРК. Ф. 538. Оп.1. Д. 66.
3. ГАРК. Ф. 538. Оп.1. Д. 33.
4. ГАРК. Ф. 538. Оп.1. Д. 72.
5. ГАРК. Ф. 538. Оп.1. Д. 84.
6. Непомнящий А.А. И.А. Линниченко: от прославленного в Новороссии профессора до нищеты Таврического университета // Пространство и время. Москва. 2014. № 2. С. 216–224.
7. Непомнящий А.А. И.А. Линниченко и Крым: от первого путешествия до профессора Крымского пединститута // Пилигримы Крыма – Осень'99: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: IV Крымская Международная научно-практическая конференция. Симферополь: Крымский архив, 2000. Т. 1. С. 29–41.
8. Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Симферополь: СГТ, 2006. Т. 1. 324 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 7).

УДК 94(477.75)"19"

СЕЛО ЧОРГУНЬ В 1921–1941 ГОДАХ

НЕДЕЛЬКИН Е.В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

После того, как в Крыму в ноябре 1920 г. окончательно утвердилась Советская власть, Таврическая губерния была упразднена, а полномочия по управлению полуостровом перешли к Крымскому революционному комитету. На местах были созданы уездные, городские, волостные и сельские революционные комитеты [43, с. 132]. 15 декабря 1920 г. выделен Севастопольский уезд [72, с. 178]. В его составе 23 января 1921 г. был образован Балаклавский район. В состав района вошли населенные пункты: Балаклава, Бельбек (Фруктовое), хут. Манухина, хут. Кокораки, Камышлы, Шули (Терновка), Ай-Тодор (Гористое), Уппа (Родное), Чоргунь (Черноречье), Узенбаш (Хворостянка), Алсу (Морозовка), хут. Носова, Бага (Новобобровское), Саватка (Россошанка), Узунджа (Колхозное), эк. Мордвинова, Календо (Подгорное), Сахтик (Павловка), Байдары (Орлиное), Биюк-Мускомья (Широкое), Варнутка (Гончарное), ст. Укрепление, Кадыкой (Пригородное), Камара (Оборонное), Карань (Флотское) [81, с. 16]. Самыми крупными населенными пунктами района, помимо Балаклавы (2750 чел.) [32, л. 14], были с. Чоргунь (1336 чел.), Шули (1270 чел.) и Уппа (600 чел.) [53, л. 1].

Острым вопросом в первой половине 1921 г. оставалось снабжение Балаклавского района и Севастополя топливом. Для его решения в районе была проведена специальная топливная кампания – «неделя топлива» [82, с. 61]. Начало ей положил Приказ № 25 Севастопольского Уездного Военно-Революционного комитета от 14 января 1921 г. в котором говорилось:

«§ 1. Все средства передвижения и рабочая сила сего числа мобилизуются для заготовки и перевозки топлива и поступают в ведение Рай-Вол-Сел-Ревкомов.

§ 6. В отношении § 1 настоящего приказа к Байдарскому подрайону прикрепляются: Биюк-Мускомья, Байдары, Скеля, Узунджа, Сахтик, Бага, Хайто, Календо, Саватка, Уркуста, хутора: Авлоха и Николаевка.

К прибрежному подрайону прикрепляются: с. Кадыковка, Камара, Балаклава, Варнутка, Кайто, Ласпи, Тессели и Форос.

К железнодорожному подрайону прикрепляются: Чоргунь (Верхний и Нижний), Шули, Кучки, Уппа, Инкерман, Бельбек, Камышлы, Узенбаш, Ай-Тодор, Хаджа-Сала, Каралез, Сюрень (Верхняя и Нижняя), Теберти, Отаркой, Биюк-Отаркой, Заланкой, Черкез-Кермен, Сююрташ, Дуванкой, Адым-Чокрак, Маркур, Коккозы, Коклуз и Янджу, Алсу» [29, л. 5].

Одним из первых мероприятий советской власти в Чоргуне была организация одноименного совхоза. Событие, казалось бы, положительное, направленное на благо народа, но на практике все оказалось иначе. О неотлаженности управления такими вопросами, а может быть и бездарности руководства свидетельствует обращение в Балаклавский Продком управляющего совхозом «Чоргунь» от 25 февраля 1921 г., в котором говорится, что в это время в нем было 96 чел. (служащие, рабочие и их семьи) и, хотя они и состояли на довольствии «при Севастопольском Уземотделе, но до настоящего времени, кроме продовольственной муки и табака, ничего не получали». Далее следует, что всего один раз был выдан сахар «на едаков» по ½ фунта. Из повседневной пищи была одна мука. Люди начали болеть, «все истощены от работы и без пищи», опасались начала эпидемий и цинги. Были также проблемы с одеждой и обувью [31, л. 37].

30 марта 1922 г. совхоз «Чоргунь» (в документах также встречается название «Бекорюково») был передан в арендное пользование Севастопольскому морскому заводу на основании соответствующего договора с Крымсовхозом. Данный участок был сдан в аренду

сроком до 1 ноября 1930 г. 26–28 апреля 1923 г. совхоз был обследован инспектором Представительства НК РКК по Севастопольскому округу.

В это время под пашней находилось 94 дес. земли, под сенокосом – 28 дес., под выгоном – 26 дес., под виноградником – 10 дес., под плодовыми садами – 34 дес., под огородами – 28 дес. Общая площадь засева озимых и яровых хлебов составляла, на момент обследования, 38% общей площади пахотной земли. Озимой пшеницы было засеяно 13 дес., ячменя – 5 дес., ярового овса – 18 дес. Остальные земли были заняты под усадьбой и хозяйственными постройками (7 дес.) и под кустарником. Неудобной земли насчитывалось 3 дес. Общая площадь совхоза была 507 дес.

В совхозе было 4 лошади и 8 волов. Из рабочего инвентаря имелось: плугов лемешных – 2 шт. и одноконных – 2 шт., борон – 2 шт., борон с железными зубцами – 4 шт., почвоуглубителей – 3 шт., сенокосилок – 1 шт., молотилок – 2 шт., сортировок – 2 шт., веялок – 2 шт., соломорезок с приводом – 1 шт., двигателей: дизель в 14 л/с (значится в документах, но отсутствует), «Триумф» в 10 л/с (передан на мельницу соседнего бывшего хутора Колбасьева, находящегося в ведении Винтреста), «Болиндер» в 8 л/с, центробежных насосов – 2 шт.

Постройки совхоза «Чоргунь» состояли из 3 каменных флигелей, 1 каменной казармы (общежития), 1 амбара, конюшни на 8 лошадей, загона и навеса для скота, свинарни, птичника, подвалов: 1 винного и 1 продуктового, навеса, мучного амбара, гаража, плотницкой мастерской и винодельни. В совхозе было 2 «неисчерпаемых» колодца. Виноградник имел ограду – часть из камня, а часть – проволочную.

Административно-технический персонал совхоза: уполномоченный представитель Севморзавода, управляющий, конторщик, виноградарь (он же винодел), 3 садовника. Постоянных работников в совхозе было 31 чел., число временных рабочих достигало 70 чел. Сроки и размер выдаваемой заработной платы рабочим и служащим регулировался коллективным договором, заключенным с союзом «Рабземлес» [52, л. 13].

В апреле 1921 г. в доме Демотаса разместили читальню и канцелярию сельского Ревкома, а мельницы Лашкова и Александрова должны были быть взяты на баланс Упродкомом с назначением контролеров для *«правильного распределения помольщиков»* [31, л. 45]. В августе сельсовет просил передать бывшие мельницы Лашкова, Колбасьева и Александрова для осуществления помола, при этом сельсовет обязался выполнить их ремонт [31, л. 157].

Упоминается Чоргунь и в приказе № 203 Севастопольского Уездревкома, изданного в апреле 1921 г., который касается распределения уроков на заготовку и вывоз топлива (дров) и «делового леса» на май–июнь. В частности, Верхнему и Нижнему Чоргуню было отведено 18000 уроков на заготовку и 18000 уроков на вывоз [32, л. 100].

Важным событием в жизни села были выборы президиума в райсельревком. Так, «общее» собрание граждан Чоргуня (81 чел. от Чоргуня и 3 чел. от Алсу, 1 чел. от Кара-Кобы) избрало: предревком – Апас Ибраим, тов. предревкома – Умер Мемет, секретарь – Пинчук Тит, уполномоченный от с. Алсу – Русенко Владимир, уполномоченный от с. Кара-Коба – Павленко Иван [30, л. 116].

На заседании районной избирательной комиссии по выборам в сельские Советы 30 июля 1921 г. были определены границы каждого сельского Исполкома. В результате Чоргунь объединили с селами Алсу и Кара-Коба (общее количество населения которых составило 1605 чел.) [1, л. 17]. Выборы членов сельсовета Чоргуня состоялись 2 августа. На них явилось 250 чел. из 747 чел., имевших право голоса [1, л. 25]. По их результатам в сельсовет были выбраны: Михаил Забияко, Халил Куртумер, Сулейман Садула, Тит Пинчук, Джемил Хайредин, Эмирсен Абдураман, Ефим Федорченко, Григорий Забияко, Фепен Пересыпкин, Семен Калабухин, Константин Яни. Председателем сельского Совета был избран Михаил Забияко, зам. предсовета – Сулейман Садула, секретарем – Ефим Федорченко [30, л. 159].

Не забыла советская власть провести в 1921 г. детальную перепись населения и хозяйства Чоргуня. В этот период в селе было 243 двора, в которых проживало:

- мужчин: детей моложе 8 лет – 142 чел., от 8 до 15 лет – 126 чел., от 16 до 49 лет – 277 чел., 50 и более лет – 95 чел.;

- женщин: детей моложе 8 лет – 146 чел., от 8 до 15 лет – 130 чел., от 16 до 49 лет – 258 чел., 50 и более лет – 70 чел.

Общее число населения Чоргуня составляло 1244 чел. (640 мужчин и 604 женщины). 3 человека на момент составления ведомости служили в Красной армии.

Также за жителями Чоргуня числилось 222 рабочих и выездных лошади, 5 подростков старше одного года, 7 жеребят до одного года; 145 коров и 102 теленка до одного года. Из мелкого рогатого скота было 722 овцы и барашка, 222 козы и козла. Было и небольшое количество свиней, а именно: боровов старше одного года – 3, подростков старше четырех месяцев – 24, поросят моложе четырех месяцев – 44. Из птицы имелось 5 индеек, 152 куры, 10 гусей, 19 уток. Имелось у чоргунцев и 32 рамочных пчелиных улья.

Из «посевов хлебов» было: яровой и озимой ржи 20½ дес., пшеницы озимой 69¼ дес. и яровой 4½ дес., 2½ дес. овса и 117 дес. ячменя. Имелись и небольшие посадки картофеля в 2½ дес. Под садами было 215 дес., а под усадьбами 16 дес. земли. Всего же Чоргуню принадлежало 447¼ дес. земли, на которой находилось 463 строения жителей, как самого села, так и подчиненных ему хуторов. Из рабочего инвентаря было 59 плугов, 2 молотильных катка, 157 лопат, 285 цапок, 69 кос и 84 вил.

В это же время в организованном при Чоргуне одноименном совхозе было 5 дворов (22 строения). Общее число жителей совхоза составляло 169 чел., из которых мужчин: детей до 8 лет – 9 чел., от 8 до 15 лет – 7 чел., от 16 до 49 лет – 90 чел., 50 и более лет – 1 чел.; женщин: детей до 8 лет – 6 чел., от 8 до 15 лет – 4 чел., от 16 до 49 лет – 51 чел., 50 и более лет – 1 чел.

В совхозе было 5 рабочих лошадей, 2 вола, 7 коров и 1 подросток старше одного года. Также имелось 8 свиней старше одного года, 10 старше четырех месяцев и 7 поросят моложе, 3 индейки, 31 кура, 5 уток и 23 рамочных пчелиных улья. Под посевами ячменя находилось 28 дес. земли, под картофелем – 1½ дес., под огородами – 2 дес., под виноградниками – 13 дес., под садами – 93 дес., под сенокосами – 35 дес., под паром – 103 дес., под усадьбами – 16¼ дес. Рабочий инвентарь составляли 5 плугов, 1 сеялка, 3 веялки, 350 лопат, 30 цапок, 1 коса, 3 бороны, 4 вил [34, л. 87].

К осени 1921 г. положение населения ухудшилось: не смогли собрать натуральный налог с 68 домохозяйств [36, л. 22], как было запланировано ранее. Хорошо иллюстрирует сложившиеся тяжелые условия протокол общественного собрания жителей Чоргуня от 24 ноября, где значится, что продналог на масло население выплатить не в состоянии, *«мясо и шерсть некоторые лица не несут. Однокоровные хозяйства платить как масло, так и мясо не в состоянии, потому, что скотина стоит без корма, а люди голодают без хлеба»* [31, л. 59]. Решение о невозможности выплаты продналога на масло было подтверждено и на собрании 5 декабря [30, л. 31].

В результате с Чоргуня, Алсу и Кара-Кобы в 1921 г. был собран следующий продналог: из положенных 68 п. 17 ф. зерна было собрано 21 п. 27 ф., из 9 п. 20 ф. масла – 19¾ ф. (поступило от Кара-Кобы), из 14 п. 28 ф. шерсти – 8 п. 48 ф., из 491 яиц – 360 шт. (109 шт. внесено Кара-Кобой), из 90000 шт. орехов – 4300 шт. Из причитавшихся 6600 п. овощей собрали: 3 (?) п. яблок, 86 п. 18 ф. капусты, 3 п. 24 ф. картофеля, 1310 п. 22 ф. свеклы, 120 п. 22 ф. моркови, 113 п. 19 ф. тыквы. Также было сдано 7 п. 10 ф. петрушки [35, л. 18; 37, л. 5; 38, л. 143–144].

18 октября 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали декрет об образовании автономной Крымской ССР в составе РСФСР. Ее территория была разделена на 7 округов (Джанкойский, Евпаторийский, Керченский, Севастопольский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский) [41, с. 11; 97, с. 5], 20 районов и 298 сельревкомов [54, л. 192]. В составе Севастопольского округа был выделен Чоргунский район, который состоял из Алсуйского (175 чел.), Каракубского (94 чел.), Кучского (400 чел.), Изенбашского (530 чел.), Ай-Тодорского (981 чел.), Уппского (600 чел.), Инкерманского (1080 чел.) и Шульского (1260 чел.) сельских Советов [53, л. 3, 6].

Тяжелый для села 1922 г. начался с незаконной вырубке садов, что впоследствии еще больше отяжеляло жизнь крестьян, так как они потеряли часть будущего урожая фруктов. Однако мародер был арестован, а для его содержания первоначально использовали средневековую Чоргунскую башню. В качестве надзирателей были избраны П. Дейнеко, И. Приходько, С. Забияко [33, л. 2].

Уже 22 января на общем собрании граждан Чоргуня председателем был избран Абибула Муждаба, а секретарем Ф. Приходько. 29 января секретарем избрали Загробскую Веру. Однако в начале марта от Балрайисполкома было получено извещение, что перевыборы проводятся только с разрешения Райисполкома, *«чем и предлагает руководствоваться»* [33, л. 3–4, 7]. Также 17 марта милиционером был избран Халил Ибрагимов, а кандидатом – Смаил Ибрагимов. Но уже 17 апреля милиционером избрали Юнуса Радлу [33, л. 10, 12].

1922 г. для жителей Чоргуня был не менее тяжелым, чем прошлый. Поэтому, 20 февраля было постановлено общим собранием села, чтобы *«с сегодняшнего дня не пускать барашек на огороды, в случае нарушения взымалось 2 барашки в пользу голодающих»*. 25 марта председателем взаимопомощи избрали Асана Мемета [33, л. 6, 13].

Дальше – хуже. На посевы в Балаклавском районе напала саранча. Все села района находились в критическом положении. В этот период в качестве помощи Чоргуню было выдано 70 продовольственных пайков [95, с. 192–193].

Новый 1923 г. ознаменовался административно-территориальными изменениями, коснувшимися Чоргуня. 16 октября на заседании пленума Севастопольского окружного исполнительного комитета было постановлено упразднить Чоргунский район, а вместо него создать сельсоветы. Первоначально в Чоргунский сельский Совет входил Чоргунь (1359 чел.), Инкерман (1080 чел.), Алсу (175 чел.) и Кара-Коба (94 чел.) [53, л. 55]. Однако вскоре в его состав были включены еще 5 сел и количество населения увеличилось до 4877 чел., из которых мужчин – 979 чел., женщин – 1751 чел., детей до 18 лет – 2147 чел. В этническом плане население сельсовета было смешанным [51, л. 348].

Для организации помощи голодающим, в 1923 г. все вакуфные земли были конфискованы и переданы в распоряжение Комитетов Взаимопомощи на местах. В начале февраля 1924 г. было удовлетворено заявление «бедных граждан» Верхнего и Нижнего Чоргуня о помощи продовольствием – постановили выдать с мельницы ржаной муки: Магбубе Эмир Усеинову на 3 души – 1 п. 20 ф.; Хатадже Вели на 4 души – 1 п. 20 ф.; Арзы Муждабе на 2 души – 1 п.; Айше Ягъя на 1 душу – 20 ф.; Марии Даниловой на 2 души – 1 п. [8, л. 12, 16].

Были, однако, и положительные моменты. Так, жителей села обязали убрать все нечистоты «со дворов и улиц». Сельсовет ходатайствовал перед Севрайисполкомом о сооружении водопровода, который бы питал водой жителей Чоргуня из источника, находившегося на расстоянии не менее 100 саж.² от центра села. Причиной этого, в частности, было большое количество заболевших малярией (до 20%) и глазными инфекциями (до 15%) в результате употребления воды из р. Черной. Также говорилось о необходимости обследования детей и остального населения и принятия мер по борьбе с комарами [8, л. 33–34].

В мае был решен вопрос о поливе водой Суук-Су: с 20 мая жители с. Шули должны были пропускать воду в Чоргунь через каждые шесть дней на двое суток. Положительным моментом был и ремонт всех школ в селах сельсовета, выполненный к началу учебного года, и открытие в Чоргуне дошкольной группы [8, л. 47, 61, 70]. В это время в селе уже существовал участок Балаклавского отделения уголовного розыска [84, с. 97] и даже филиал Севастопольского музея краеведения [44, с. 82; 45, с. 4; 87, с. 178].

1924 г. для истории Чоргуня ознаменовался еще и периодом активного перераспределения собственности бывших «эксплуататоров». В марте было разрешено временно поселиться на даче Леибмана Мурату Каджаеву, а на даче Дематаса – Григорию Складенко. В апреле сельсоветом был составлен план по использованию усадеб «неблагонадежных», который предусматривал:

1. Хутора Сапонько и Вязмитинова со всеми строениями и 12 дес. сада передать обществу Чоргуня для организации школы садоводства и огородничества.

2. Хутор Дематаса с «удобной землей» передать обществу для организации школы полеводства.

3. Хутор Колбасьева на данный момент конфискации не подлежал, а водяная мельница «ввиду денационализации» должна была быть возвращена прежнему хозяину.

4. Дом Леибмана и деревянный навес передавались под склад сельсовета.

5. Усадьба Лашкова и Чоргунская башня передавались под общественный семенной фонд¹.

¹ Спустя более чем 20 лет – в 1946 г., Чоргунская башня числилась среди имущества, закрепленного за колхозом «12-я годовщина Октября» в Черноречье [7, л. 10].

6. Дом Дематаса передать официально под школу, которая в нем уже находилась.

7. Дача Каириса не имела общественной и сельскохозяйственной важности [8, л. 24, 38].

В ноябре сельсовет просил Райисполком пересмотреть вопрос о ранее переданных бывшим владельцам мельницах. В частности, предлагалось отобрать мельницу Ислямова, происходившего из семьи бывшего муллы, которой *«сами не пользуются и получают проценты»*. Также просили передать дома бывшего земначальника Мартынина и Вагнера в распоряжение общества, для школы и клуба [8, л. 87]. С муллой Абдул Вели Усеином комитет взаимопомощи заключил договор на аренду его дома *«как удобного для открытия дома Крестьянина»* [8, л. 70].

1924 г. принес добрые вести в семьи Забияко Федора, Бари Смаила, Ваапа Меина, Сефля Муждабы, Эмурсиина Абдурамана, Абдул Вели Усеина, Абдулы Амета, Колбасьева Евгения Евгеньевича, которые были восстановлены в избирательных правах. В это же время в Чоргунском сельсовете числилось 77 человек, лишенных избирательных прав [8, л. 77]. В данный период лишение избирательных прав существенно влияло на положение человека в советском обществе. Списки лиц, лишенных избирательных прав, печатались в типографии и развешивались по всему городу. Всех «лишенцев» увольняли с работы, лишали имущества, выселяли из собственных домов, часто – за пределы Крыма. Им отказывали в получении хлебных (продуктовых) карточек, пособий, пенсий, завышали ставки налогообложения, отказывали в трудоустройстве в госпредприятиях и учреждениях, лишали возможности поступления в ВУЗы, получения бесплатной медицинской помощи, зачисления в Красную армию [88, с. 294, 297; 94, с. 91–92]. Также лишение избирательного права автоматически распространялось на членов семьи, находящихся на иждивении у данного лица, зависящих от него экономически [98, с. 490].

Во второй половине 1920-х гг. доля лиц, лишенных избирательных прав, среди взрослого населения полуострова достигла максимальных показателей: в 1927 г. 7,8% (17193 чел.) от сельского и 8,7% (17543 чел.) от городского населения, а в 1929 г. – 8,7% (19661 чел.) и 9,5% (18658 чел.) соответственно. Однако в 1930–1931 гг. число «лишенцев» значительно уменьшилось и составляло 2,5% (4422 чел.) от сельского и 4,4% (9212 чел.) от городского населения [64, л. 15]. В 1928–1929 гг. общее число сельских жителей Севастопольского района старше 18 лет составляло 10267 чел., из них избирательных прав были лишены 820 чел. (494 крымских татарина, 228 русских, 53 грека, 22 украинца, 7 немцев, 4 еврея, 4 армянина, 1 болгарин и 7 представителей других национальностей) [57, л. 3]. В 1930–1931 гг. в Балаклавском районе проживало 7454 чел. старше 18 лет, из них 73 чел. были лишены избирательных прав (63 крымских татарина, 6 русских, 3 грека и 1 представитель другой национальности) [60, л. 12].

В мае 1924 г. Севземотдел проводил распределение яровой семян ячменя, в результате чего населенные пункты Чоргунского сельсовета получили: Чоргунь – 192 п., Инкерман – 176 п. (от ссуды отказался), Шули – 172 п., Уппа – 168 п., Ай-Тодор – 48 п., Кучки – 40 п., Узенбашик – 40 п., Алсу – 32 п., Кара-Коба – 32 п. [8, л. 25]. К 30-му июня был составлен отчет с предполагаемыми цифрами урожайности сельхозкультур в 1924 г. (1 пуд с 1 десятины). Планировалось собрать 351 пуд озимой пшеницы, 92 пуда яровой пшеницы, 146 пудов табака и 2544 пуда картофеля. По Чоргуню, в частности, планировалось собрать 48 пудов озимой пшеницы, 10 пудов яровой пшеницы, 26 пудов табака и 414 пудов картофеля [8, л. 50].

Из-за заморозков в садах севастопольского региона замерзло около 35–40% косточковых растений, а семечковых – 90%. Способствовали снижению урожайности фруктов и морские туманы, ветряные бури и ураганы. Также прохладное лето 1925 г. сказалось на уменьшении сахаристости винограда – на 10–12% [103, с. 294].

В это время председателем сельсовета по-прежнему оставался Ибрагимов Апас, а секретарем был Никифоров Агафон. Делопроизводителем 9 августа был назначен Спригов, а практикантом Бекиров Нафе, которые приступили к выполнению своих обязанностей 11 августа. Но 5 ноября сельсовет просил назначить нового практиканта, так как Бекирова призвали в Красную армию. Соответственно, делопроизводителем был назначен Смирнов Александр, а практикантом – Амет Абдулла, сторожем-уборщиком – Кубедин Мустафа. Почтальоном чоргунского вспомогательного почтового отделения был назначен Григорьев Марк [8, л. 94; 9, л. 56, 64, 68, 95].

В 1925 г. население Чоргунского сельсовета составляло 4372 чел. (мужчин – 1741 чел., женщин – 2631 чел.). По социальному положению оно разделялось следующим образом: 42% бедняков, 38% середняков, 15% кулаков, 5% батраков. Общая площадь сельсовета, по данным отчета о деятельности сельсовета с 1 января по 1 апреля 1925 г., была 9043 дес. Из которых под посевами было 1139 дес., под лесом – 5300 дес., под лугами – 221 дес., под фруктовыми садами – 219 дес., под огородами – 142 дес., под виноградниками – 17,5 дес., 2005 дес. земли были непригодными для обработки. Также сельсовет имел 485 коров, 412 лошадей, 408 волов [71, л. 5].

Однако в конце 1925 г. Чоргунский сельсовет был разукрупнен, в результате чего в его составе остался сам Чоргунь и село Кучки, жители которого на общем собрании 20 октября приняли решение просить Севастопольский горрайисполком присоединить селение к бедствующему разукрупненному сельскому Совету. В это время в Чоргуне в 350 домохозяйствах проживало 1078 чел. (503 муж. и 575 жен.); национальный состав населения был следующий: крымские татары – 621 чел., русские – 400 чел., греки – 31 чел., немцы – 6 чел., представители других национальностей – 20 чел. В Кучках в 68 домохозяйствах проживало 307 крымских татар (149 муж. и 158 жен.). В сельсовете было 2 школы первой ступени, изба-читальня, врачебный пункт, почтово-телеграфное отделение [55, л. 11, 22, 37]. К 1926 г. в Севастопольском районе были разукрупнены 4 сельсовета, в результате чего было образовано 22 новых сельсовета [55, л. 42].

Важным событием в жизни тогда еще довольно многочисленной мусульманской общины Чоргуня было официальное разрешение власти на создание мусульманских религиозных обществ в Верхнем и Нижнем Чоргуне. Так, 14 мая ЦАУ автономной Крымской ССР препроводило утвержденный устав мусульманского религиозного общества «Ашага-Маале» при пятивременной мечети Нижнего Чоргуня. Правление этого религиозного общества состояло из 5 чел. (Гафар Мемет, Осман Каяли, Муедин Эбу-Бекир, Зекерия Лятиф, Ибрагим Али), а его членами были 51 чел. Однако, впоследствии, мулла мечети подал список, в котором числится только 42 чел. [11, л. 3, 6, 9, 11, 32].

Также 14 мая 1925 г. устав получило и мусульманское религиозное общество «Юхари-Маале» при Соборной мечети Верхнего Чоргуня. Правление общества состояло из 5 чел. (Джемиль Хайреддин, Ислям Кайли, Сюин Али, Шерфеддин Халиль, Таир Сеитслям), муллами были Сеит Таир и Сеит Суфьян, а муэдзином – Шваит Эсаат. Членами этого религиозного общества были 62 чел. [14, л. 3, 5–6, 32–33].

Следует также упомянуть, что 23 января 1918 г. был издан Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [75, с. 373–374]. Вся церковная собственность перешла в распоряжение государства, а национализированные культовые сооружения различных конфессий были переданы на баланс местных органов власти. Имущество, согласно договорам, передавалось религиозным общинам в бесплатное пользование для культовых целей. После окончательного установления советской власти на полуострове, здания мечетей были переданы в пользование религиозным общинам селения в соответствии с договором от 25 ноября 1922 г. При их страховании в 1928 г., здание мечети Верхнего Чоргуня было оценено в 1320 руб., а Нижнего Чоргуня – 2111 руб. [2, л. 363].

Позднее, 10 мая 1926 г., в Чоргуне было официально зарегистрировано религиозное общество баптистов-евангелистов. Его членами были 16 чел. В графе «Конкретное сжатое описание сущности культа и цели данной группы» значилось, что общество «*объединяет своих членов для достижения учения Христа*» [10, л. 163, 187].

В «списке представителей и членов земельных советов деревень Чоргунского сельсовета» по состоянию на 1 августа 1925 г. значились:

1. Асан Мемет, 37 лет, крестьянин, образование низшее, председатель земсовета.
2. Амза Булгаков, 30 лет, дворянин, секретарь.
3. Умер Мемет, 33 года, крестьянин, образование среднее, член Совработника, член земства, в партии не состоит.
4. Аким Абибула, 26 лет, образование низшее, член земства.
5. Федорченко Касьяна, 48 лет, член земства [70, л. 42, 44].

Также интерес представляет «список бывших помещиков проживавших в Чоргунском имении». В нем значится два человека:

1. Вагнер Александр Павлович, мещанин, 6 душ семейства, 100 дес. леса, 7 дес. виноградников, 3 дес. фруктовых садов. До революции весь лес продал крестьянам, в кооперации с 1921 по 1924 гг., в 1921–1922 гг. стал членом сельсовета, имел двух постоянных работников и двадцать сезонных.

2. Ягъя Аджи Али, турецкий подданный, 2 чел. семьи, плантации табака и леса ок. 500 дес., 10 дес. под посевами, 1 дес. фруктового сада, постоянных работников 4 чел., а сезонных – 15 чел. [70, л. 4].

Однако, несмотря на положительный рост благосостояния населения сельсовета, в этот период существовал и ряд проблем. Среди них были слабая работа кооперации, крестьянский долг в 13 тыс. руб. (1925 г.) который «долго тянулся», несвоевременная полная выплата сельхозналога, уменьшение численности мелкого рогатого скота на 30% из-за отсутствия достаточного количества пастбищ. В 1925 г. в Чоргунском сельсовете числилось 64 человека, лишенных избирательного права, из которых в Чоргуне проживало 11 чел. Лишенными права голоса были, в основном, священнослужители, помещики, дворяне, «царские» военнослужащие и их родственники [70, л. 21–22, 27, 33, 42; 71, л. 5].

В январе 1926 г. состоялись выборы в сельсовет. Для этого еще в конце 1925 г. был составлен список жителей села, лишенных избирательного права, в котором значилось 14 чел.: Чернов Зейбулла Исеин (торговец, патент 2 разряда), Риориади Павло (торговец, патент 2 разряда), Скарпафелов Алексей (торговец, патент 2 разряда), Скарпафелова София (жена), Смаил Миедин, Суаде Смаил (жена), Асие Смаил, С. Таир Суфьян, Зайнет Суфьян, Гафар Мемет, Зайде Гафар, С. Асан Эмир Усеин, Фатиме С. Асеин, Смаил Халиль [13, л. 4]. Число жителей, имеющих право голоса по Нижнему Чоргуню и хуторам, было 657 чел., из них голосующих 391 чел. (200 муж. и 191 жен.), по Верхнему Чоргуню – из 470 чел., не лишенных права голоса, было 221 чел. голосующих (99 муж. и 122 жен.) [13, л. 11].

Выборы проходили с 27 по 29 января 1926 г., на них явилось избирателей по Нижнему Чоргуню – 306 чел. (186 муж. и 120 жен.), по Верхнему Чоргуню – 199 чел. (97 муж. и 102 жен.) [13, л. 27]. Результаты выборов были обнародованы 30 января. Председателем был переизбран Ибрагимов Апас (36 лет, образование низшее, бедняк), зам. председателя стал Сулейман Садла (38 лет), секретарем – Смирнов Александр (27 лет) [13, л. 14, 35].

Не забыла в этом году Советская власть и о «неблагонадежных» гражданах. В мае было постановлено конфисковать имущество неплательщиков сельскохозяйственного налога Бари Исмаила, Бекира Османа, Байдаева Ивана, торги по которому были назначены на 20 мая. Сельсовет просил РАЙЗО закрепить за обществом села 2-х этажный дом Демотаса в Верхнем Чоргуне, в котором находилась школа. Для организации питомника просили закрепить дом Лейбмана, а под клуб и избы-читальню или школу для хуторян и Новых Шулей – дом Манько [15, л. 12, 25].

В июне Чоргунский сельсовет ходатайствовал в Севастопольский РИК «о расширении Чоргунского врачебного пункта за счет жилого помещения для медперсонала на пункте с пристройкой помещения для квартир взамен занятого под пункт или обратно, то есть устройство специальной пристройки к имеющемуся зданию пункта». Также говорилось о необходимости устройства 6 койко-мест для рожениц [12, л. 9]. Впоследствии, власти решили перенести медпункт в Шули, что вызвало резкий протест местных жителей [12, л. 23–24].

Довольно важным событием в жизни селения было присвоение его улицам названий. В Верхнем Чоргуне появились улицы Кучкинская, Пролетарская, Ленинская, Бомбы, а в Нижнем Чоргуне – Суук-Су, Сазлык, переулки Канпалык, Чоргунский и Крымский [15, л. 28].

Однако, несмотря на ряд улучшений в жизни населения Чоргуня, существовали и проблемы. Одной из них была организация нормальной работы избы-читальни, так как к августу 1926 г. она превратилась в трактир, «где проходят пьянства». В это же время сельсовет предлагал передать под читальню помещение, в котором жил мулла Гафар Мемет; на его достройку требовалось 300 руб. В связи с этим, в Политпросвет был отправлен соответствующий документ с просьбой прислать техника для составления сметы [15, л. 40–41]. Но позднее сельсовет снял помещение для читальни на год у Ф. Забияко, по цене 5 руб. в месяц [15, л. 55].

Были проблемы и с работой клуба. Так, из-за халатного отношения, в августе ночью в клуб легко проникли хулиганы, разбили зеркала, вазу «альпийской породы». Акт о вандализме был передан в милицию, а при поддержке с/х товарищества «Ярым» в клубе вставили 27 стекол [15, л. 42]. Из других проблем была необходимость обустройства скотомогильников Юш-дере (Верхний Чоргунь) и Козак-ел (Нижний Чоргунь), которые необходимо было огородить рвом и поставить столб с соответствующей надписью [15, л. 28; 16, л. 16]. В то же время, положительным моментом для животноводства в сельсовете было открытие в апреле этого года ветеринарного пункта в с. Шули, который обслуживал села Ай-Тодорского и Чоргунского сельсоветов [76]. По данным на 1 октября 1926 г., в районе Чоргуня *«оставалось 6% неликвидированной малярии»*. Во время заседания торгово-кооперативной секции при сельсовете, одним из рассмотренных был вопрос о том, что *«в лавке д. Чоргун стоит бочка с порченной камсой, которая по нераспорядительности правления не изъята»*, в связи, с чем просили сельсовет принять меры по данному вопросу [16, л. 1, 18]. Были проблемы и с помещением для милицейского участка [16, л. 16].

Теперь следует сказать о положительных изменениях в жизни чоргунцев. Увеличилась посещаемость школ в селе¹, дети из хуторов получили возможность ходить в школу Нижнего Чоргуня. В это время в селе существовала одна русская школа с 1 учителем, в которой училось 60 детей², организованных в 4 группы. Также была татарская школа, педагогический состав которой насчитывал 3 учителей (один из них преподавал русский язык), учащихся же было 130 чел., организованных в 5 групп. При этом каждая из школ просила прислать еще по одному учителю и одного уборщика на две школы. Однако существовала проблема с обеспечением школ топливом [12, л. 16].

В сельсовете Люман Али, Смирнов, Чакириди Г., Сулейман Садла, Умер Мемет, Ибрагимов А. и Милютин совместными усилиями учредили радиокружок. По данным на 7 ноября в него записалось 22 чел. [12, л. 20]. Были приняты меры по улучшению работы избы-читальни, увеличилась посещаемость библиотеки. В клубе открыли спортивные секции, начали ставить спектакли. В Верхнем Чоргуне в доме Сабиатова Мемета открыли Красный уголок. При избе-читальне организовали кружок по военизации, для чего от Физкультуры получили 2 винтовки и 2 тыс. патронов [15, л. 76–77].

В октябре 1926 г. сельсовет постановил отвести помещение для женуголка. По согласованию с его представительницей Перельман занятия женщин должны были проходить по вечерам в татарской школе (имела 5 больших и 2 маленьких помещения) [12, л. 16]. В августе сельсовет ходатайствовал об открытии дошкольной группы на 80 чел. для девушек татарской, русской и др. национальностей, с 2 воспитателями. Для обеспечения доставки почты по Чоргунскому району до 6 октября временно был нанят Али Меметов, а *«по истечению этого срока в Чоргуне планировалось открыть агентство с доставкой корреспонденции в близлежащие населенные пункты»* [19, л. 76, 116].

Сложнее обстоят дела со статистическими данными по Чоргуню в 1926 г. Так, по данным на апрель 1926 г. в селе проживало 1282 чел. (636 муж. и 646 жен.), в этом же документе в графе «национальность» значится: 892 крымских татарина, 440 русских, 20 греков и 2 немца, что в общей сумме составляет 1354 чел. [17, л. 20]. Общая площадь земель, принадлежащих Чоргуню, составляла 2400 дес., из которой под пашней было 701,53 дес., под лесом и кустарником – 667 дес., под садами – 122,22 дес., под огородами – 44,42 дес., прочей «удобной» земли было 79,46 дес., а «неудобной» – 57,83 дес. Также в данном документе значится, что в сельсовете было 300 индивидуальных хозяйств, 1 колхоз, 1 с/х кооперативное товарищество, 1 потребительский кооператив, 3 школы I ступени, 1 изба-читальня, 1 врачебный пункт, 1 почтово-телеграфное отделение, 1 ликпункт, 1 библиотека, 1 амбулатория, 1 акушерско-гинекологический пункт. Населению принадлежало 159 коров, 157 лошадей, 70 волов, 1183 овцы и козы [17, л. 20–21].

Однако в докладе от 4 апреля значится, что на момент его составления площадь земель, принадлежащих Чоргуню, была 2400 дес., из которых под пашней – 178 дес., под

¹ В тяжелом для Крыма 1922 г. в Чоргунском сельсовете уже насчитывалось 5 школ I ступени, в которых училось 220 детей и работало 6 педагогов [104, с. 303].

² В школе вместе с русскими учились и греческие дети.

садами – 122,47 дес., под виноградниками – 15,94 дес., под огородами – 62,08 дес., под табак – 3,66 дес., 667 дес. под лесом, а остальная земля была «неудобной». Обществу села принадлежало 204 коровы, 174 лошади, 116 волов, 1285 овец. Также в докладе говорилось, что председателем сельсовета был татарин, членами сельсовета были 8 татар (7 муж. и 1 жен.) и 6 русских (5 муж. и 1 жен.), а кандидатами – 1 грек и 1 караимка [17, л. 23]. Такое соотношение национальностей среди членов сельсовета обусловлено политикой «коренизации», которая приобрела, в первую очередь, вид «татаризации», проводившейся на территории автономной Крымской ССР в этот период [77, с. 30–32; 78, с. 45].

Большой интерес также представляет отчетный доклад о работе Чоргунского сельсовета с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. В нем содержится информация о том, что население Чоргуня (Верхнего и Нижнего), Кучек, Новых Шулей с хуторами и артелями «Крым-Елдызы», «Олду» и «Дружба» составляло 1406 чел. (684 муж. и 722 жен.). По социальному составу население делилось следующим образом: 234 двора бедняков, 51 двор середняков, 17 дворов зажиточных. В Чоргуне имелось 3 мельницы: первая – «при сельсовете», вторая – «при Чоргунском КОВ», третья принадлежала гр. Александровой (на тот момент была сдана в аренду гр. Забияко). Также в селе был «устроен водопровод» (установлено 3 крана и оборудовано 2 колодца). Открыта новая русская школа, здание для которой было предварительно отремонтировано [17, л. 27–28].

По данным Чоргунского ЗАГСа, с 1 января по 1 июля 1926 г. в селе родились 61 чел., и умерло 9 чел., а с 1 июля по 1 января 1927 г., соответственно, родились 41 чел. (23 мальчика и 18 девочек), умерло – 5 чел. (4 мужчины и 1 женщина). Также с 1 января 1926 г. по 1 января 1927 г. было заключено 19 браков [23, л. 7]. Из этого следует, что в 1926 г. количество рожденных превысило количество умерших более чем в 7 раз. Для сравнения, в 1910 г. в Чоргуне родилось 14 чел. (8 муж. и 6 жен.), столько же умерло (7 муж. и 7 жен.) [47, л. 19], а спустя сто лет, в 2012 г., естественный прирост населения Севастопольского региона, на каждую 1000 чел., составлял минус 1,7 [96; 102, с. 13].

Завершает приведенный выше пассаж, связанный со статистическими показателями, Всесоюзная перепись, проходившая в декабре 1926 г. В период ее проведения в составе Чоргунского сельсовета был 21 населенный пункт с 368 домохозяйствами [86, с. 36]. В самом Чоргуне (с арт. «Дружба») числилось 238 дворов, в которых проживало 1079 чел. (526 муж. и 553 жен.). По национальному составу население состояло из 686 крымских татар, 228 русских, 127 украинцев, 26 греков, 3 немцев, 2 белорусов, 1 армянина, 1 латыша и 5 представителей других национальностей. В селе действовали русская и татарская школы [92, с. 112–121]. Хотя следует заметить, что в списке сельсоветов и горсоветов автономной Крымской ССР по состоянию на 15 марта 1927 г., значится, что население Чоргунского сельсовета составляет 1618 чел. (из них 1040 крымские татары) [56, л. 87].

В январе 1927 г. сельсоветом был составлен отчетный доклад о работе в 1926 г. В нем важными пунктами выделено следующее:

1. Проведено «шоссирование дороги на 3 версты от Ялтинского шоссе до р. Черной».
2. Приняты меры по продолжению строительства шоссе и моста через р. Черную. Это обуславливалось тем, что население, которое и осуществляло строительные работы, в это же время было занято обработкой огородов и садов [15, л. 27]. Данное обстоятельство в значительной мере тормозило строительство.
3. Создано сельскохозяйственное товарищество «Ярдым».
4. Созданы 2 школы: татарская и русская (с предоставлением отремонтированного помещения для последней).
5. «Капитально отремонтирована мельница сельсовета с заменой одного камня постава».
6. Изба-читальня и врачебный пункт были в удовлетворительном состоянии [23, л. 18].

Одним из первых мероприятий советской власти, проведенных в 1927 г., были выборы в сельский Совет. Для этого еще 28 декабря 1926 г. была создана изберкомиссия, которая состояла из председателя комиссии Милютин (ячейка ВКП (б)), секретаря комиссии Смирнов (от сельсовета), члена комиссии Сулеймана Садла (от сельсовета), члена комиссии Чакириди Григория (от ККОВ), члена комиссии Земине Наргус (от Рабземлеса), члена комиссии Лапуненко Марии (от женделегаток) [23, л. 30].

Выборы проводились с 25 февраля по 3 марта 1927 г. В это время в сельсовете проживало 1564 чел., из которых в возрасте от 18 лет – 804 чел. Лишены избирательного права были 74 чел., избирателей было соответственно 730 чел. (357 муж. и 373 жен.). Из общего числа жителей 666 чел. были крестьяне-землевладельцы, 516 чел. – бедняки, 150 чел. – середняки. В этническом плане избиратели были представлены 498 крымскими татарами, 254 русскими, 23 греками и 32 представителями других национальностей [23, л. 60].

На выборы всего явилось 465 чел. (275 муж. и 190 жен.). По их результатам в Чоргунский сельсовет вошло 20 чел. (14 муж. и 6 жен.), из которых членами стали 15 чел. (7 татар, 6 русских, 2 грека), а кандидатами – 5 чел. (3 татарина, 2 русских). В Президиум сельсовета избрали 2 русских и 1 татарина. Председателем избрали Шерфедина Халиля [23, л. 60].

В 1927 г. было продолжено строительство вышеупомянутого Чоргунского шоссе. Так, в январе СевРИК обязал Чоргунский сельсовет высыпать вдоль полотна новой дороги 100 м³ мелкого щебня *«для предотвращения разрушения и укрепления»*. 13 марта началась *«вывозка камня на шоссе»* [22, л. 4, 18]. Впоследствии, для строительства моста через р. Черную, в ее русле была насыпана специальная дамба. С помощью местного населения района были заготовлены лесоматериалы для моста и песок для завершения строительства его опор. К осени 1927 г. строительство моста и прилегающей части шоссе было выполнено на 60% [18, л. 32].

К этому же времени относится довольно тревожное сообщение, в котором говорится, что *«производятся работы по углублению канала р. Черной в Верхнем Чоргуне для отвода русла реки от обрыва, имеющего около себя невдалеке историческую (Греческой эпохи) башню. Расстояние обрыва от башни с каждым годом уменьшается. Вода реки все больше подмывает обрыв и башне грозит катастрофа. Население срочно работы по ликвидации обрыва выполнить не может из-за нагрузки общественными работами... Требуются неотложные работы по ликвидации обрыва во избежание дальнейшего приближения обрыва к башне колоссальной величины»* [18, л. 33].

Впоследствии строительство шоссе продвигалось медленно, а в 1932 г. строительство 3-х километрового участка дороги Чоргунь–Шули даже было одной из приоритетных задач по дорожному строительству в регионе. Однако работы по прокладке дороги почти не велись. В связи с этим, 8 июля 1932 г. президиум Балаклавского РИКа постановил срочно приступить к организации строительных работ.

Одной из проблем, причем естественного характера, принесшей ущерб населению, было падение уровня воды в р. Черной до *«одной цапки»*, что привело к недостаточному поливу и гибели части огородов. Из-за этого же не действовала мельница при сельсовете. 25 июля уровень воды в реке резко увеличился до *«двадцати пяти цапок»* [22, л. 75, 80].

Не обошло Чоргунь стороной и Крымское землетрясение, произошедшее в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г., сила толчков которого в эпицентре достигала 8 баллов [74, с. 133; 85, с. 17]. В районе самого селения ощущались подземные толчки силой в 7 баллов. Часть каменных стен заборов и сараев была разрушена, появились трещины в стенах домов [83, с. 76; 89, с. 112]. По данным сельсовета, начиная с 12 числа, несколько дней ощущалась серия толчков, особенно *«в предрассветное время»*. 16 сентября в 10 часов 20 минут были ощутимы толчки, вызвавшие *«сотрясение стен и чернильных приборов»* [22, л. 85]. После землетрясения провели дополнительное обследование татарской школы, в ремонте нуждалось здание сельсовета и врачебного пункта [18, л. 33].

Важной проблемой, от решения которой зависела нормальная жизнь населения в холодный период года, было обеспечение топливом. В связи с этим сельсоветом было составлено ходатайство, с просьбой обеспечить население достаточным количеством топлива, так как Севастопольское лесничество выделило на 310 дворов сельсовета всего 24 куба хвороста, валежника и пеньков [22, л. 99].

В октябре 1927 г. был составлен годовой отчетный доклад Чоргунского сельсовета за время с 1 октября 1926 г. до 1 октября 1927 г., в котором говорится, что за это время было построено 8 км шоссе Чоргунь – Шули. В трех селах сельсовета имелось 25 копанных колодцев, в двух – 6 родников и прудов, в одном – водопровод. В ремонте нуждался мост

(длина 12 м, ширина 3 м) на дороге Верхний Чоргунь – Алсу [18, л. 30]. В плане работы сельсовета на третий квартал 1927–1928 гг. значилось:

1. Продолжить работы по постройке моста на р. Черной и шоссе на с. Шули.
2. После поступления средств по самообложению провести следующие работы: произвести ремонт моста в Верхнем Чоргуне, мельничных канав и водопровода; расширить врачебный пункт для подготовки помещения родильного отделения на 6 коек.
3. Ходатайствовать об открытии русско-татарской школы в поселке Новые Шули при условии материальной поддержки со стороны населения данного селения.
4. Оказать содействие работе сельскохозяйственных артелей «Олду», «Новая Жизнь», «Крым-Елдызы» и «Дружба» [26, л. 5].

Новый 1928 г. начался с положительной новости для неимущей части населения Чоргуня, а именно: 25 января на заседании президиума Чоргунского сельсовета было принято решение о наделении безземельных жителей земельными участками [21, л. 64]. 15 февраля Управление связи и СевРИК заключили договор, по которому Управление связи обязывалось в течение 1928 г. телефонизировать Чоргунский сельсовет [25, л. 54].

В марте 1928 г. состав сельсовета выглядел следующим образом: председателем был Шерфедин Халиль, заместителем председателя – Титоренко Максим, секретарем – Смирнов Александр; членами сельсовета от Верхнего Чоргуня, помимо вышеупомянутых, были Сулейман Садла, Соколова Евдокия и Хатидже Сулейман, от Нижнего Чоргуня – Таир Ягъя, Чакириди Яни, Семерджиди Харлампий, Мерзие Э. Сале и Андриющенко Елена. Членами сельсовета от Кучек были Таилио Баирам, Юсуф Мустафа и Фетта Джемаледдин, от Новых Шулей – Кисель Семен. Кандидатами в члены сельсовета были Титоренко Мария и Рукуе Ислямова. В состав ревкомиссии сельсовета входили Погребняк Александр, Якуб Абдувелиев и Колпакчи Бима, а кандидатами в члены комиссии были Федорченко Илья и Акмаев Абдулла [26, л. 7].

На пленуме сельсовета 21 марта 1928 г. большинством голосов было постановлено передать бывшие мельницы Лашкова и двигательную Колбасьева *«без взимания арендной платы Чоргунскому КОВ и ввиду ухода главного источника дохода в бесплатное пользование»*. В это же время была утверждена расходно-приходная смета *«из расчета 35% сельхоз налога денежными взносами»*, по которой Чоргунь получал 1242 руб., из которых 350 руб. – на больницу, 350 руб. на ремонт мостов, 50 руб. на ремонт водопровода, 142 руб. 38 коп. – на избу-читальню, 400 руб. – на русскую школу [20, л. 43, 45]. Эта же смета содержит данные о том, что на с. Кучки отводилось от суммы самообложения 55 руб. 21 коп., из которых 10 руб. – на больницу, 10 руб. – на красный уголок, 25 руб. – на школу и 10 руб. 21 коп. на дорогу и колодец. На пос. Новые Шули и хутора отводилось 233 руб. 20 коп., из которых 75 руб. – на больницу, 75 руб. – на ремонт и строительство дороги, 83 руб. 20 коп. – на красный уголок и другие *«культурные нужды»* [24, л. 125].

В это же время был составлен список *«строений Чоргунского сельсовета по коммунальному хозяйству»*, в котором значились: бывшие мельницы Колбасьева и Лашкова, бывший двухэтажный дом Демотаса, бывшие дома Колбасьева, Лейбмана, Манько, Фердинанда, Чумакова и Сапунько, калыбные¹ дома Демотаса в Верхнем и Нижнем Чоргуне, два бывших сарая Колбасьева, бывший гараж Врангеля, здание врачебного пункта, здание русской школы и клуба, здание татарской школы в с. Кучки, здание сельсовета, здание бывшего мектебе Нижнего Чоргуня [20, л. 44].

Значительный интерес представляет протокол заседания президиума Чоргунского сельсовета от 1 августа 1928 г., который отчасти иллюстрирует сложившуюся к этому времени ситуацию с культурно-образовательным сектором. В нем говорится о том, что сельсовет просил СеврайОНО и Политпросвет об отпуске 500 руб. на ремонт здания бывшего мектебе в Нижнем Чоргуне, так как местные органы власти средств на это не имели. Здание, строительство которого началось в 1913 г. [80, с. 172], имело две комнаты и зал, но *«стоит с войны, нет полов, не отштукатурено, нет стекол»*. В этом здании предпо-

¹ Калыбный камень – кирпичи, сделанные из глины и волокнистого наполнителя, в основном, навоза, высушенные на солнце.

лагали открыть читальню, потому что «в помещении, ранее заимствованном читальным залом владельцем такового отказано» и читальню пришлось закрыть.

В протоколе также значится, что сельсовет просил РайОНО отремонтировать татарскую школу в Верхнем Чоргуне до начала учебного года. Причиной этого было повреждение школы во время землетрясения 1927 г. из-за чего она была «опасна для учеников». Здание русской школы к этому времени было уже отремонтировано, но она нуждалась еще в одном учителе [21, л. 94].

Не миновала в конце 1928 г. Чоргунь и «проверка и чистка советского аппарата». В список лиц, подлежащих проверке Севастопольской Райкомиссией по чистке советского аппарата, попали чоргунцы:

1. Ротар Василий Давыдович, румын, агроном, работал в Агropункте. Бывший эсер, служил у белых, связь с помещиками, с работы не снят.

2. Штальберг П.К., русский, бухгалтер, работал в Потребительском обществе. Связь с помещиками, сын управляющего имением, убийство бедняка, с должности не снят.

3. Асан Мемет, крымский татарин, член контрольного совета Потребительского общества, бывший растратчик, переизбран.

4. Мелков Георгий, русский, растратчик, подделка документов, предан суду, снят с должности [27, л. 2, 4, 13; 28, л. 33–34].

Однако больший масштаб «чистка» приобрела в 1930 г. Мелкие чиновники, как правило, не вникая в суть дела, ставили на бумагах резолюцию: считать проверенным [94, с. 92]. На заседании «комиссии по чистке Советского аппарата» по селу Чоргунь, которое состоялось 25–28 марта 1930 г., были проверены:

1. Сулейман Али. 1900 г.р., председатель сельсовета, в армии не служил, бедняк, беспартийный. Постановили: *считать проверенным. Объявили выговор.*

2. Титоренко Максим. 1901 г.р., секретарь сельсовета, служил в Красной Армии с 1921 по 1925 гг., бедняк, кандидат ВКП (б). Постановили: *считать проверенным. Объявили выговор.*

3. Сулейман Садла. 1888 г.р., член сельсовета, служил в армии с 1911 по 1918 гг., был в плену, член секции РКИ, беспартийный. Постановили: *считать проверенным. Объявили выговор.*

4. Ислямова Эмине. 1906 г.р., член сельсовета, середнячка, руководила культурно-просветительской секцией, работала по самообложению, принимала участие в раскулачивании. Ее отец отказался от сана муллы в 1914 г., умер в 1917 г. Постановили: *считать проверенной.*

5. Скляренок Василий. 1884 г.р., член сельсовета, служил в армии с 1910 по 1913 гг. и с 1914 по 1917 гг., середняк, завхоз колхоза. Постановили: *считать проверенным.*

6. Белоусов Пантелеймон. 1906 г.р., член сельсовета, в армии не служил, батрак, член ВКП (б), член сельскохозяйственной секции. Получил 4 мес. принудительных работ за невыполнение агроминимума и 6 мес. за присвоение имущества раскулаченных. Постановили: *отозвать из членов сельсовета, считая снятым по 2-й категории без использования в с. Чоргунь и колхозе «Большевик».*

7. Забияко Леонтий. 1904 г.р., заместитель председателя П.О., служил в Красной Армии с 1926 по 1928 гг., служащий, кандидат ВКП (б). Постановили: *считать проверенным.*

8. Котолупенко Николай. 1902 г.р., кандидат в члены сельсовета, служил в Красной Армии с 1923 по 1925 гг., бедняк, член ВКП (б). Получил 6 мес. принудительных работ за присвоение имущества раскулаченных. Постановили: *отозвать из кандидатов в члены сельсовета, считая снятым по 2-й категории без использования в колхозе «Большевик».*

9. Дейнеко Игнат. 1892 г.р., председатель Ревкомиссии сельсовета, служил в армии с 1913 по 1917 гг., член ВКП (б). Получил 6 мес. за присвоение имущества раскулаченных. Постановили: *отозвать из Ревкомиссии сельсовета, считая снятым по 2-й категории без использования в колхозе «Большевик».*

10. Алиева Бима. 1903 г.р., член Ревкомиссии сельсовета, учительница, беспартийная. Постановили: *считать проверенной.*

11. Чекириди Иван. 1893 г.р., зав. ларьком П.О., бедняк, греческоподданный, с 1917 г. в СССР. Постановили: *считать проверенным.*

12. Титоренко Михаил. 1896 г.р., зав. ларьком П.О. в Верхнем Чоргуне, служил в армии с 1916 по 1918 гг., бедняк. Постановили: *считать проверенным*.

13. Муртазаев Абдураман. 1893 г.р., член сельсовета, заведующий татарской школой. До 1912 г. учился в медресе, служил в армии с 1916 по 1917 гг., с 1921 г. председатель Ревкома, с 1923 г. учитель, член ВКП (б) (с 1926 г.). Постановили: *считать проверенным*.

14. Афизе Усеин. 32 года, нарзаседатель, беднячка, член колхоза. Постановили: *считать проверенной*.

15. Тадифе Ибраим. 33 года, нарзаседатель, беднячка, член колхоза. Постановили: *считать проверенной*.

16. Тагар Сефислям. 60 лет, нарзаседатель, бедняк, член колхоза. Постановили: *считать проверенным*.

17. Тензиле Марзале. 27 лет, нарзаседатель, беднячка, член колхоза. Постановили: *считать проверенной*.

18. Хатидже Осман. 18 лет, нарзаседатель, беднячка, работала в колхозе. Постановили: *считать проверенной*.

19. Эдиэ Мемед. 36 лет, нарзаседатель, беднячка. Постановили: *считать проверенной*.

20. Лупаненко Мария. 1907 г.р., член Ревкомиссии сельсовета, нарзаседатель, батрачка, работала в колхозе, кандидат ВКП (б). Постановили: *считать проверенной*.

21. Марченко Федор Семенович. 1906 г.р., надзиратель 9-го участка милиции, служащий, образование низшее, служил в Красной Армии с 1921 по 1923 гг., член ВЛКСМ. Постановили: *считать проверенным*.

22. Умер Сулейман. 1899 г.р., председатель ККОВ, работал в колхозе, в армии не служил. Постановили: *считать проверенным*.

23. Сеид Асан Самдин. 1901 г.р., пред. ККОВ, батрак, служил в Красной Армии с 1922 по 1924 гг., кандидат ВКП (б). Постановили: *считать проверенным*.

24. Белоусов Семен. 1908 г.р., член ККОВ, батрак, член колхоза, член ВЛКСМ, кандидат ВКП (б). Постановили: *считать проверенным*.

25. Али Смаил. 1911 г.р., член ККОВ, середняк, член колхоза, член ВЛКСМ. Постановили: *считать проверенным. Предложить оживить и развернуть работу ОСО[А]ВИАХИМА*.

26. Леман Али. 1895 г.р., член КОВ, служил в армии с 1914 по 1917 гг., середняк. Постановили: *считать проверенным*.

27. Иванов Дмитрий. 1869 г.р., член ККОВ, служил на флоте с 1891 по 1898 гг., с 1917 г. член Ревкома, работал по раскулачиванию. Постановили: *считать проверенным*.

28. Танзилина Лидия Александровна. 1909 г.р., подручный приказчик ларька П.О., служащая, член колхоза, член ВЛКСМ. Постановили: *считать проверенной*.

29. Девлет Усеин. 1910 г.р., член Ревкомиссии сельсовета, кустарь, член ВЛКСМ. Постановили: *считать проверенным*.

30. Земине Юнус. 35 лет, кандидат в члены сельсовета, беднячка, член колхоза. Постановили: *считать проверенной*.

31. Эмиров Алим. 1902 г.р., нарзаседатель, служил в Красной Армии 2 года, бедняк. Постановили: *считать проверенным*.

32. Данилова Елена. 1889 г.р., нарзаседатель, беднячка. Постановили: *считать проверенной*.

33. Нурье Юнус. Член сельсовета, беднячка. Пленумом сельского Совета выведена из состава сельсовета как балласт. Постановили: *считать снятой по 2-й категории, как балласт, сроком на 1 год*.

34. Федорченко Елена Ивановна. 32 года, член КОВ, беднячка. Постановили: *считать проверенной*.

35. Смаил Ибраим. 37 лет, кандидат в члены сельсовета, служил в армии с 1915 по 1917 гг., бедняк. Постановили: *считать проверенным*.

36. Мевлют Кубедин. 1893 г.р., кандидат в члены сельсовета, служил в армии с 1914 по 1918 гг., с 1923 г. член союза, батрак. Постановили: *считать проверенным* [6, л. 27–35].

По данным на апрель 1929 г. Чоргунский сельсовет включал в себя села Чоргунь, Кучки и Новые Шули, в которых проживало 1751 чел. (из них 1135 крымских татар).

Общая площадь сельсовета составляла 26,23 км² [56, л. 95]. Однако в 1929 г., который стал годом «великого перелома» [93, с. 118], жители Чоргуня, помимо репрессий со стороны Советской власти, подверглись уже массовой принудительной коллективизации с внедрением в ведение сельского хозяйства командно-административных методов. То же самое постигло и другие села Севастопольского региона. В этом году в Чоргуне был организован колхоз «12-я годовщина Октября». В 1930 г. из 354 хозяйств села 321 имело право вступления в этот колхоз [58, л. 70]. Весной 1931 г. коллективизация была в основном завершена [90]. По данным Райколхозсоюза о ходе коллективизации Балаклавского района на 1 января 1931 г., на его территории было образовано 37 колхозов, в которые входило 3004 хозяйства, 2 совхоза (44 хозяйства), 1 поселковое товарищество (21 хозяйство). В общей сложности было коллективизировано 84,5% хозяйств района [4, л. 14].

По данным на май 1930 г. общая площадь Чоргунского сельсовета составляла 1500 га. Население самого Чоргуня составляло 1046 чел. (561 крымский татарин, 460 русских и 25 греков). Площадь садов, принадлежащих населению, составляла 120 га, а огородов – 135 га. В селе имелось 2 школы I ступени, изба-читальня, «Красный угол», врачебный пункт и 2 лавки потребительской кооперации [62, л. 77]. В марте 1930 г. в частной собственности населения числилось 378 овец (280 овец и 98 ягнят) [63, л. 12], а в 1931 г. в колхозе «12-я годовщина Октября» было 422 овцы и 29 голов крупного рогатого скота [64, л. 74].

Конец 20-х – начало 30-гг. XX в. является и еще одной «черной» страницей в истории церкви в период существования СССР. В 1928 г. в Севастополе числилась 1 мечеть и 24 мечети по району, было зарегистрировано 25 религиозных обществ, в которых состояли 70 чел. по городу и 1820 чел. по району. В городе и районе было 3 имама, 24 муллы и 9 муэдзинов. К концу 1930 г., в связи с проводимой кампанией по раскулачиванию крестьянства, практически все мечети в селах были закрыты. Однако в 1931 г. самовольно в селах было открыто 14 мечетей, но так как все духовники были лишены избирательных прав и выселены из Севастополя, обряды совершали сами верующие [99, с. 144; 101, с. 204].

Не обошли эти драматические события и Чоргунь. 28 октября 1928 г. отрекся от сана муэдзин Шваит Эсаат [3, л. 51], а в следующем году, по заранее подготовленному соответствующими советскими органами тексту, отрекся от сана чоргунский мулла с 25-ти летним стажем Хатиб Таир Суфьянов (Суфьян) [79, с. 1; 100, с. 261]. В этом же году мулла был выселен из вакуфного дома [73, с. 243]. Не забыли ликвидировать и находившееся в селе здание баптистской церкви.

В 1931 г. был составлен подробный отчет о состоянии всех храмовых зданий Севастополя и Балаклавского района, среди которых значатся и мечети Верхнего и Нижнего Чоргуня.

О мечети Верхнего Чоргуня в документе говорится, что она была закрыта один год, но *«после раскулачивания верующие сами открыли»*. В момент составления ведомости служащего духовенства не было. В будние дни храм посещало по 10–15 чел., в пятницу – 30–45 чел. В основном прихожанами были старики, но ходила и молодежь, хотя и реже. Материалы о перерегистрации религиозной общины представлены не были. Сама мечеть нуждалась в замене черепицы на крыше. 19 членов религиозного общества работали в колхозе. Один раз учитель школы проводил беседу на антирелигиозную тему, но *«старик ушли с беседы и на него были сердиты»*. Сельсовет категорически отвергал возможность ликвидации мечети [5, л. 15].

В отношении мечети Нижнего Чоргуня в документе значилось, что она стояла закрытой уже 2,5 года. Служащего духовенства не было, перерегистрацию религиозная община не проводила. Служба в мечети проводилась только по пятницам, на ней бывало от 20 до 40 чел., в основном, старики, но приходила и молодежь. Новое каменное здание мечети на тот момент было самым лучшим в селе. При необходимости прихожане делали денежные сборы. Многие из прихожан состояли в колхозе, но антирелигиозных бесед среди них ни разу не проводилось. Сельский Совет категорически отвергал мысль о ликвидации мечети Нижнего Чоргуня [5, л. 16].

2 октября 1930 г. произошло изменение административно-территориального деления Крымской АССР¹. Были образованы 16 административных районов: Ак-Мечетский, Евпаторийский, Фрайдорфский, Ишуньский, Джанкойский, Биюк-Онларский, Сейтлерский, Феодосийский, Ленинский, Симферопольский, Бахчисарайский, Карасубазарский, Балаклавский, Ялтинский, Алуштинский и Судакский. Города Симферополь, Севастополь, Керчь, Феодосия и Ялта были выделены в самостоятельные административные единицы [91, с. 39]. Балаклавский район, вместе с Чоргунем, был создан в качестве татарского национального образования, что было обусловлено политикой приближения власти «к нуждам трудящихся» и политикой коренизации. Численность крымскотатарского населения района составляла 56,5% [91, с. 44] (10396 чел.) от общей (русских и украинцев – 33,5% (6164 чел.), прочих 10% (1840 чел.)) [48, л. 1]. В 1934 г. в Балаклавском районе было 29 колхозов, из которых: 24 крымскотатарских, 3 греческих, 1 русский и 1 греко-крымскотатарский. Все они обслуживались Балаклавской МТС Спецкультуртрактороцентра [68, л. 28].

На заседании административной комиссии при КрымЦИКе по районированию Крымской АССР от 14 декабря 1930 г. были утверждены проекты РИКов о реорганизации сельсоветов. В частности, по Балаклавскому району были образованы: Бельбекский, Байдарский, Биюк-Мускомский, Багинский, Варнутский, Каранский, Камарский, Кадыковский, Камышловский, Окольский, Уркустинский, Узунджинский, Шульский, Чоргунский, Уппинский и Ай-Тодорский сельсоветы [59, л. 15].

При исследовании истории Чоргуня в 30-е гг. XX в. остро встает проблема практически полного отсутствия архивных источников. Это связано с тем, что большая часть материалов фондов архива г. Севастополя соответствующего периода погибла в период Великой Отечественной войны. Безвозвратно было утеряно большинство документов дореволюционного периода и за 1920–1938 гг. в количестве 320 фондов (95357 единиц хранения) [42]. Но все же сохранилась небольшая часть источников, содержащих информацию о селении в данный период.

В 1932 г. численность сельского населения Балаклавского района составляла около 16 тыс. чел. В самой Балаклаве проживало 2600 чел., из которых 25% греков и 8% крымских татар. Поскольку Балаклавский район был создан в качестве татарского национального образования, на его территории проводилась активная политика «коренизации». Из 17 сельсоветов на территории района 12 были крымскотатарскими. К 1 июля 1931 г. все делопроизводство в них было переведено на крымскотатарский язык. В 1931 г. на территории района было 29 колхозов, в которые входило 2790 хозяйств (площадь 11427 га), а также 195 хозяйств единоличников (площадь 478 га). Президиум РИКа в 1932 г. состоял из 18 крымских татар, 2 русских и 1 грека. По состоянию на 1 января 1933 г. из 68 членов советского аппарата 38 были крымские татары (56%), из 24 ответственных работников – 19 крымских татар (80%), а из 8 специалистов – 2 крымских татарина (25%). В районе было 28 школ I ступени (1932 г.): 20 крымскотатарских, 6 русских и 2 греческих. Также было 2 школы II ступени: школа крестьянской молодежи и фабрично-заводская семилетка [64, л. 19; 65, л. 30, 32, 40, 45].

На выездном заседании президиума Балаклавского райисполкома 8 декабря 1932 г. в с. Карань (Флотское) было постановлено: в целях расширения врачебных пунктов Балаклавского района и обеспечения населения медицинской помощью, Чоргунский врачебный пункт переведен в с. Шули (Терновка), а в Чоргуне оставлен только медицинский пункт первой помощи.

Согласно постановлению РИКа и РК ВКП (б) Балаклавского района «О помощи бескоровным колхозам и обзаведении коровами» по плану на 1933 г. в колхоз «12-я годовщина Октября» было выделено 23 коровы, приобретенных на льготных условиях. При этом, для обеспечения колхозников коровами в полной мере обязали колхоз приобрести 9 голов в Биюк-Мускомье (Широком) [66, л. 79]. В 1934 г. колхоз обязали высеять 8 га вор-

¹ Название автономной республики «Крымская ССР», введенное ее первой конституцией в 1921 г., было изменено на «Крымская АССР» с принятием новой конституции Крыма в 1929 году (прим. ред.).

совальной шишки¹, а в 1935 г. – 12 га (из них 9 га на поливных землях) [67, л. 38, 144]. Сохранились данные и о том, что в этом году в колхозе было 3 жеребенка, 36 бычков на тягло и 20 – на мясо [67, л. 129].

В 1934 г. состоялись выборы в Чоргунский сельсовет. Общее число избирателей по сельсовету составляло 886 чел. (475 муж. и 411 жен.). Явилось на выборы 831 чел. (431 муж. и 400 жен.), что составляло 93,5%. Однако в итоговой сводке «О явке избирателей на отчетные собрания по Балаклавскому району» значится, что в Чоргунском сельсовете было 934 чел. имевших право голоса (652 крымских татарина, 273 русских, 8 греков, 1 представитель другой национальности). По социальному положению они делились следующим образом: 772 крестьянина, 89 рабочих, 46 единоличников и 23 служащих. На отчетное собрание явилось 916 чел. (774 колхозника, 81 рабочий, 38 единоличников и 23 служащих) [69, л. 26, 28].

Однако в этот период существовали и значительные проблемы в работе колхозов сельсовета. Так, выполнение плана на I и II квартал 1933 г. по молокодаче по сельсовету составляло на 1 июня лишь 13%, заготовительные организации Сев. Отд. Крыммолптицы и база Крымсоюза не обеспечивали приемку молока на местах, приемные пункты были не обеспечены необходимой тарой, отсутствовало руководство со стороны Крыммолптицы и района. Также колхоз «12-я годовщина Октября» *«отставляя в сторону Государственные задания по сдаче плодоовощей»* регулярно вывозил их на собственном транспорте на колхозные рынки [66, л. 41, 67]. В марте 1934 г. работа по заготовке молока, масла и мяса в Чоргунском сельсовете проводилась «крайне плохо», а в ноябре колхозы «12-я годовщина Октября», «Коммунар» и «Инкляб» так и не выполнили план по сдаче овощей [67, л. 55, 171].

Не обошла стороной Чоргунь чистка рядов ВКП (б) в 1934 г. В колхозе «12-я годовщина Октября» была проведена широкая разъяснительная работа, подготовлены лозунги и плакаты, выпущены специальные стенгазеты и бригадные газеты. Председатель Чоргунского сельсовета Исмаил Шаип был подвергнут критике за то, что *«очень слабо руководит единоличными хозяйствами»* и *«не помог колхозу освободить свою землю от единоличников, занявших ее без разрешения»* [46, с. 13, 15]. Были осуждены и работники сельского врачебного пункта, так как они *«в разгар сельскохозяйственных работ выдавали массовые справки колхозникам о болезни, что тормозило работу и создавало целые группы симулянтов»* [46, с. 18].

Упоминался Чоргунь и на пленуме Балаклавского Райкома ВКП (б) 25 января 1937 г., в связи с тем, что ни сельский Совет, ни парторганизация не занимались «изучением» Конституции СССР 1936 г., при этом ничего не делая для изменения существующего положения вещей [49, л. 2].

К 1939 г. на территории Чоргунского сельсовета существовало 3 колхоза со 100% уровнем коллективизации. В этом году посевные площади колхоза «12-я годовщина Октября» (председатель Мустафа К.) достигли 501,3 га, а площадь 185 [50, л. 12] хозяйств колхозников – 30 га. Посев озимых 1938 г. под урожай 1939 г. составил 247 га. В этом году также было высажено 40 га технических культур, 77,3 га огородно-бахчевых культур и 46 га картофеля. Кормовых на самостоятельной площади был 91 га, а естественных сенокосов – 144 га. По животноводству в колхозе были следующие показатели: лошадей – 130 голов, крупного рогатого скота – 127, кроликов – 620, пчел – 208 ульев.

Сев озимых 1939 г. под урожай 1940 г. составил 207 га. В 1940 г. техническими культурами был занят 31 га, огородно-бахчевыми культурами – 85,15 га, картофелем – 43,5 га². Кормовых на самостоятельной площади было 47 га. Площадь естественных сенокосов – 111 га. В 1940 г. в колхозе числилось: 138 лошадей, 159 голов крупного рогатого скота, 230 кроликов и 242 пчелиных улья. [39, л. 107–112]. В 1941 г. площадь, занятая под посевами и посадками, составила 215 га: пшеница – 100 га, ячмень – 70 га, бобовые – 25 га, картофель – 10 га, овощи – 10 га. Площадь садов составляла 138 га, а виноградников – 43 га [40, л. 75].

¹ Ворсовальная шишка (ворсянка, ворсовка) – двухлетнее средиземноморское растение, соплодие которого имеет вид жесткой колючей шишки, использовавшейся для ворсования тканей. Отсюда – название (прим. ред.).

² В этом году площадь посадок картофеля в хозяйствах колхозников составила 6 га.

Проведенные при подготовке настоящей статьи архивные изыскания дают возможность установить, как в одном из самых крупных на тот момент сел Балаклавского района протекали процессы установления советской власти, трансформации общественно-экономического уклада, формирования новых государственных и общественных институций. Также изучены демографические процессы: как в самом селе, так и в Балаклавском районе в целом. Отдельно рассмотрен вопрос административных изменений, затронувших Чоргунь в рассматриваемый период. Показан процесс преодоления продовольственного кризиса начала 20-х гг. XX в., пик которого пришелся на 1921–1923 гг. Исследован процесс коллективизации сельского хозяйства региона и чистки советского аппарата, которые проходили в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. Немаловажным является и тот факт, что, как показали изученные документы, в формировании и организации работы советских органов власти принимали участие как представители крымскотатарского, так и русского населения села, но руководящие должности занимали, в основном, крымские татары, что отвечало проводимой в тот период политике «коренизации».

Источники и литература.

1. АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 16.
2. АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 316.
3. АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 317.
4. АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 633.
5. АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 676.
6. АГС. Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 41.
7. АГС. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 133.
8. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 215.
9. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 219.
10. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 226.
11. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 241.
12. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 354.
13. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 384.
14. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 420.
15. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 618.
16. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 619.
17. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 620.
18. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 621.
19. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 654.
20. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 888.
21. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 889.
22. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 905.
23. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 936.
24. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 1014.
25. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 1020.
26. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 1044.
27. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 1057.
28. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 1058.
29. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 21.
30. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 23.
31. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 27.
32. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 28.
33. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 36.
34. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 47.
35. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 52.
36. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 53.
37. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 55.
38. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 57.
39. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 3а.
40. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 13.
41. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник / под ред. Л.В. Гурбовой. Симферополь: Таврия–Плюс, 1999. 464 с.
42. Артизов А.Н., Захаров В.Е., Капустин А.А. Интеграция крымских архивов в архивную отрасль Российской Федерации // Отечественные архивы. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

- http://www.rusarchives.ru/publication/publ_2014_N04_integraciya-krymskih-arhivov-v-arhivnuu-otrasl-rf.shtml
43. Бикова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). К.: Інститут історії України НАН України, 2011. 247 с.
 44. Бойцова Е.Е., Онучина М.В. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. Севастополь: Рибэст, 2001. 116 с.
 45. Веникеев Е.В. Большинство экспонатов погибло // Таврические ведомости. 1993. № 36 (94). 10 сентября. С. 4.
 46. Выводы районной комиссии о чистке рядов ВКП (б) по Балаклавскому району. [Балаклава]: Издание Балаклавской райгазеты «Назик–культура», 1934. 43 с.
 47. ГАРК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 690.
 48. ГАРК. Ф. П-101. Оп. 1. Д. 10.
 49. ГАРК. Ф. П-101. Оп. 1. Д. 30.
 50. ГАРК. Ф. П-101. Оп. 1. Д. 38.
 51. ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 4. Д. 453.
 52. ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 4. Д. 580.
 53. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 87.
 54. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 425.
 55. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 448.
 56. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1298.
 57. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1366.
 58. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1775.
 59. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 98.
 60. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 192.
 61. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 194.
 62. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 332.
 63. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 504.
 64. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 546.
 65. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 3. Д. 416.
 66. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 5. Д. 265.
 67. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 6. Д. 365.
 68. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 6. Д. 382.
 69. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 6. Д. 397.
 70. ГАРК. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 1.
 71. ГАРК. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 2.
 72. Государственный архив города Севастополя. Краткий справочник / под ред. В.В. Крестьянникова. Севастополь: ГАГС, 2000. 189 с.
 73. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // Севастополь: взгляд в прошлое / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 238–246.
 74. Двойченко П.А. Черноморские землетрясения в Крыму // ЗКОЕЛП. 1928. Т. X. С. 118–143.
 75. Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. 626 с.
 76. История ветеринарной службы в городе Севастополе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sevastopol.gov.ru/government/podrazdeleniya/vet-upr/history/>
 77. Кондратюк Г.Н. Крымские татары в условиях политики коренизации межвоенного периода (20–30-е годы XX века) // КНП. 2011. № 199. С. 30–34.
 78. Кондратюк Г.Н. Национальные отношения на Левобережной Украине и Крыму в контексте политики коренизации (20-е – начало 30-х гг. XX в.) // Ніжинська старовина. 2012. Вип. 14 (17). С. 44–53.
 79. Маяк Коммуны. 1929. № 137 (2503). 20 июня. С. 1.
 80. Неделькин Е.В. Мектебе деревни Чоргунь Каралезской волости Симферопольского уезда // Социосфера. 2013. № 3. С. 172–173.
 81. Никитина И.В. Балаклавский район г. Севастополя. К вопросу об истории административно-территориальных изменений. (1921 год – настоящее время) // VIII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 1 июня 2007 г.) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: ЧП «Еврострой», 2007. Ч. 2. С. 15–21.
 82. Никитина И.В. Балаклава: 1921-й год в архивных документах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 60–64.
 83. Никонов А.А. Уточненные решения макросейсмического поля и механизма очагов Крымского землетрясения 1927 г. // Геофизические исследования. 2012. Т. 13. № 1. С. 50–78.
 84. Пашеня В.Н. Влияние этнонационального фактора на ход советизации Крыма (1920–1945 гг.) // КНП. 2006. № 90. С. 71–117.
 85. Полумб А.Х. Очерк крымских землетрясений. Симферополь: Государственное издательство Крым-АССР, 1933. 80 с.

86. Предварительные итоги всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года по Крымской АССР Республики. Симферополь: Издание Крымского Центрального Статистического Управления, 1927. 52 с.
87. Радионова Т.В. Последний священник Спасской церкви в селе Усово К.Г. Махаев и его потомки. В поисках родословной. М.: ОГИ, 2011. 216 с.
88. Серокурова Л.А. Проблема «лишенцев» в Севастопольском регионе в 1920–1930-е годы // Социальная история. Ежегодник 2008 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2009. С. 281–302.
89. Скляр А.М., Князева В.С., Королев В.А. Макросейсмический эффект землетрясений 26 июня и 11 сентября 1927 года в Крыму // Сейсмологический бюллетень Украины за 1998 год. Симферополь, 2000. С. 90–119.
90. Соколов Д. Трагедия крымской деревни. Крым в годы коллективизации и «великого перелома». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=112394>
91. Софийский П. Новое административно-территориальное деление КрымАССР // Экономика и культура Крыма. 1930. № 2. С. 37–49.
92. Список населенных пунктов Крымской А.С.С.Р по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Симферополь: Крымское Центральное Статистическое Управление, 1927. 220 с.
93. Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 12. 398 с.
94. Терещук А.М. Греки Севастополя в 20-х годах XX столетия (по материалам Государственного архива Севастополя) // Греция и славянский мир. Симферополь: Крымский архив, 2002. Вып. 1. С. 85–93.
95. Терещук Н.М., Шемякова Д.П. Голод в Севастополе в 1920 – 1930-е годы // Память о прошлом. Сборник научных статей сотрудников Гос. архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арефьева, 2007. С. 192–197.
96. Управління статистики у м. Севастополі. Населення (1995–2012 pp.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sb.ukrstat.gov.ua/statist_info/demografia/naselenie/nasel_1995-2012_.pdf
97. Федоров А.В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М.: Изд-во МГУ, 1999. 56 с.
98. Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 483–496.
99. Фесенко А.А. Лишение избирательных прав мусульманских священнослужителей в Севастополе в 20–30-е годы XX столетия // V Таврические научные чтения (г. Симферополь, 21 мая 2004 г.) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: ООО «Мустанг», 2005. С. 142–146.
100. Фесенко А.А. Лишение избирательных прав крымских татар в 20–30-е годы XX столетия в г. Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 257–263.
101. Фесенко А.А. Влияние ислама на будничное мироотношение мусульман Севастополя (сопоставление традиций XIX–XX в. и практики начала XXI в.) // Sacrum et Profanum / ред.–сост. Н.А. Алексеенко, Х. Хоффманн. Севастополь: СПД Арефьев, 2009. Вып. IV. Религия в жизни человека и общества. С. 201–208.
102. Чисельність наявного населення України на 1 січня 2013 року. К.: Державна служба статистики України, 2013. 112 с.
103. Юрченко В.С. Развитие сельского хозяйства в Севастопольском районе в 20-е годы XX века // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2012 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012» / под ред. М.Э. Соколова, Г.А. Голубева, В.А. Иванова и др. Севастополь: ООО «Экспресс-печать», 2012. С. 294–295.
104. Юрченко В.С. Развитие школьного дела в Севастополе в 1921–1924 годах // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014» / под ред. М.Э. Соколова, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко и др. Севастополь: ООО «Экспресс-печать», 2014. С. 303–304.

Список сокращений.

АГС –	Архив города Севастополя
ГАРК –	Государственный архив Республики Крым
ЗКОЕЛП –	Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы
КНП –	Культура народов Причерноморья

УДК 94(47).084.9

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БАЛАКЛАВСКОМ РАЙОНЕ В 1944–1955 ГГ.

НИКИТИНА И.В.

Государственный музей обороны и освобождения Севастополя

Экономические отношения в Балаклавском районе в первое послевоенное десятилетие сыграли большую роль в его восстановлении после окончания Великой Отечественной войны. Это относится и к земельным отношениям.

Данный раздел экономической жизни района практически не отражен в научных публикациях. В нашем небольшом исследовании мы попытались проследить характер таких отношений, были уяснены основные аспекты в земельных отношениях между районными властями и предприятиями, колхозами, подразделениями Черноморского флота. Исследование проведено на основе материалов Архива г. Севастополя (АГС).

Земельные отношения – это общественные отношения между органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, гражданами по поводу пользования и распоряжения землями, а также по поводу государственного управления земельными ресурсами.

Рассматривая механизмы земельных отношений в Балаклавском районе в 1944–1955 гг., следует отметить, что выявленные документы раскрывают их опосредованно. Однако на их основе мы смогли проследить некоторые особенности этих механизмов. Так, право пользования земельными участками в районе закреплялось за пользователями участков на основе госактов на землю. Решения о выделении того или иного участка из земельного фонда Балаклавского района решались преимущественно Исполкомом Балаклавского районного совета депутатов трудящихся. При необходимости исполком запрашивал исполком Крымского областного совета депутатов трудящихся о поддержании того или иного земельного решения или же о ходатайстве перед вышестоящими органами власти об утверждении решения данного вопроса. В ряде случаев, если вопрос о выделении или передаче участка касался земельного фонда колхозов района, первоначальное решение по такому участку принималась на правлении колхоза. Изъятие земельных участков в большинстве случаев производилось с номинального согласия пользователей участка и обычно с компенсацией изъятых участка равноценным участком земли. Без компенсации мог быть изъят участок в случае размещения на нем стратегически важного объекта, причем, такое изъятие могло быть инициировано вышестоящими органами власти. По возможности для строительства новых объектов старались выделять свободные участки земли.

Что же касается основных тенденций в деле распоряжения властями района земельным фондом в 1944–1955 гг., то документы позволили выявить следующие моменты.

После освобождения Балаклавского района от немецко-фашистских захватчиков в апреле 1944 г., местные органы власти провели работу по учету земель и их состояния. Одновременно был подсчитан размер ущерба, нанесенного району, его предприятиям, организациям, сельскохозяйственным артелям немецко-фашистской оккупацией.

Затем начался процесс восстановления госактов на землю тех или иных организаций, прежде всего колхозов Балаклавского района.

Также в данный период наблюдалось некоторое перераспределение земельных участков между различными структурами, выделение свободных участков из общего земельного фонда для строительства новых объектов. Это и новые дома, как в Балаклаве, так и в районе; новые предприятия (Балаклавский кирпично-черепичный завод, Кадыковский комбинат строительных материалов), это и начало формирования в Балаклаве мощной военно-морской базы.

Так, летом 1944 г. для формирования в бухте базы для подводных лодок ЧФ СНК СССР принял решение о размещении ее береговой базы на западном берегу бухты. В связи с чем предписывалось в короткий срок освободить большую часть помещений в данной части Балаклавы, что повлекло за собой переезд в другие помещения ряда государственных учреждений, в том числе балаклавской поликлиники. Одновременно рассматривались вопросы о бесперебойном снабжении Балаклавы водой и электричеством, так как территории электростанции и насосной станции отводились под строительство морской базы Черноморского флота [1, л. 2, 4]. Была ли предпринята попытка передать под контроль флота данные объекты, неизвестно; впоследствии они были закреплены за Водоканалом.

И все же одним из основных направлений развития земельных отношений в районе во второй половине 1940-х гг. стало подтверждение прав различных организаций на те участки, которыми они пользовались до 1941 г. В основном большая часть таких вопросов была разрешена в 1944–1947 гг., причем далеко не всегда в пользу старых «владельцев» с учетом новых задач развития района.

С прибытием в Балаклавский район колхозников-переселенцев и постепенным увеличением сельского населения района к концу 1940-х гг., перед районом встала еще одна земельная проблема – наделение колхозников приусадебными участками.

16 января 1950 г. исполком Балаклавского районного совета депутатов трудящихся принял Постановление № 10 «О выделении части общинных земель колхозов в приусадебный фонд для наделения приусадебными участками колхозников-переселенцев». Необходимость в новом выделении земли для таких нужд возникла в связи с тем, что в 1949 г. в район стали прибывать колхозники-переселенцы «второй волны», которых требовалось наделить приусадебными участками, а приусадебный фонд земли в районе на тот момент уже был исчерпан. Для реализации этой задачи исполкомом предлагал выделить из общего земельного фонда колхозов 68 га, от колхозов требовали предложений о том, какие именно участки земли они готовы выделить [2, л. 9].

Увеличение числа жителей в сельской местности района вызвало также необходимость перепланировки сел, было намечено строительство домов для новых переселенцев.

Что касается вопросов изменения состава пользователей участков земли, то окончательное утверждение таких изменений обычно находилось в ведении Балаклавского райисполкома. Например, подтверждение границ полосы отчуждения для промышленной ветки Балаклавского рудоуправления. На основе Решения Балаклавского райисполкома № 3/2 от 8 января 1950 г. Балаклавскому рудоуправлению имени А.М. Горького было подтверждено право на такое отчуждение на его железнодорожной ветке от станции Инкерман до станции Балаклава. Общая площадь отчуждения в данном случае устанавливалась в 61,37 га., были уточнены вопросы разграничения данной полосы в месте соприкосновения с территорией местной МТС, решено также *«указать БРУ о необходимости восстановить границу полосы отчуждения в натуре, поскольку межевые знаки в большинстве случаев на местности уничтожены»* [2, л. 10]

В документах архива за 1950 г. нами был также обнаружен документ, который свидетельствует о том, что даже к этому времени далеко не все права на участки были подтверждены и упорядочение землепользования в данном направлении на тот момент продолжалось.

Речь идет о Решении Исполкома Балаклавского районного совета депутатов трудящихся № 9/7 от 7 апреля 1950 г. «О подтверждении прав промысловой артели «Крымский мраморщик» на участок земли для добычи мрамора внутри землепользования, отведенного колхозу «Большевик». В нем указывалось, что при рассмотрении данного вопроса исполкомом было выявлено – при восстановлении госакта на вечное пользования землей колхоза «Большевик» (район 10-го км. Балаклавского шоссе) в 1948 г. участки карьеров «Крымского мраморщика» были исключены из колхозной земли как постороннее землепользование, в связи с чем было установлено *«считать участки площадью 200 га, занятые карьерами «Крымского мраморщика», разработанные на землях колхоза «Большевик» как постороннее землепользование по отношению к земельной площади колхоза «Большевик»»*, указанные участки приписывалось числить за артелью «Крымский мраморщик».

морщик», районный отдел по сельскому хозяйству должен был провести соответствующие исправления в земельных документах с указанием границ участков [2, л. 18].

Формирование в Балаклавском районе в 1944–1954 гг. промышленной базы достаточно часто приводило к ситуациям, когда участки для новых предприятий выделялись из земель, закрепленных за колхозами района. В таких случаях обычно сельхозартелю получали компенсацию за изъятые участки равноценными свободными участками земли, что часто позволяло упорядочить землепользование и избежать чересполосицы. На рубеже 1940–1950-х гг. в системе землепользования в Балаклавском районе происходит и укрупнение сельхозартелей. Данный процесс проходил на основе решений правлений тех хозяйств, которые объединялись в одно, затем данное решение об объединении утверждал исполком Балаклавского районного совета. В ходе такого объединения, безусловно, пересматривались и акты на пользование землей, проводились новые работы по переучету всех участков объединяющихся хозяйств.

В конце 1940-х гг. Совет Министров СССР инициирует начало работ по созданию на территории Байдарской долины, входящей в состав Балаклавского района, Чернорченского водохранилища для снабжения водными ресурсами всего современного Севастопольского региона. Для этих целей, согласно Постановлению Совета Министров СССР от 26 апреля 1949 г. № 5538-р, из землепользования колхозов Балаклавского района было отчуждено 656,9 га. Однако и среди документов 1951 г., а также 1953 г. встречаются сведения о требовании дополнительного изъятия земель для водохранилища. Одновременно анализ документов, связанных с данным вопросом, показал, что непосредственно к сооружению водохранилища в первой половине 1950-х гг. так и не приступили.

В этот же период активизировался и процесс формирования на территории района новых подразделений Черноморского флота. В связи с чем, Балаклавский райисполком утверждал выделение участков для этих подразделений. Например, в июне 1950 г. было принято решение о выделении земли войсковой части 2343 для размещения нефетезаза. Участок выделялся площадью 150 кв.м. из полосы отчуждения шоссеной дороги Балаклава-Ялта у железнодорожного переезда, разрешение было выдано временно вплоть до того времени, когда в данном участке дороги должны были бы начаться дорожные работы [2, л. 37].

Дальнейшее расширение присутствия на территории района подразделений ЧФ привело к отчуждению достаточно больших участков земли из земельного фонда района в пользу военных. Основной массив выявленных документов, подтверждающий данный вопрос, имеет датировку 1954, 1955 гг. Встречаются документы и за более поздний срок. Причем решения о выделении земли для военных нужд принимались как Балаклавским райисполкомом, так и самими колхозами. Так, 9 августа 1955 г. на правлении колхоза «Большевик» было принято решение о выделении 25 га ЧФ в районе между с. Флотское и пос. Ушаковка (11 км.) для строительства спецобъекта [3, л. 11].

В 1954 г. Балаклавский райисполком принял решение отвести Инженерному Управлению ЧФ участок земли в 140 га, из них за счет колхоза «Коммунар» – 94 га., за счет совхоза «Профинтерн» – 46 га. Было предложено просить Крымский облсовет разрешить компенсировать колхозу «Коммунар» землями совхоза № 10, расположенными в границах г. Севастополя смешанно с землями колхоза «Коммунар». В решении уточнялось, что нужно «*принять к сведению заявление Инженерного Управления ЧФ о том, что испрашиваемый участок предназначен под строительство объектов в 1955–1956 гг. и никакого ущерба зерновым посевам ими на отводимых землях в 1954 г. причинено не будет*». Также предлагалось возместить колхозу «Коммунар» убытки, связанные с этим отведением в сумме 5126 руб., Балаклавский райисполком также намеревался обратиться в исполком Крымского областного совета депутатов трудящихся с просьбой ходатайствовать перед Советом Министров УССР об утверждении данного решения [3, л. 2]. В ноябре того же года решение было скорректировано, принято решение о безоговорочной передаче Инженерному Управлению ЧФ 94 га земли, закрепленной за колхозом «Коммунар», компенсацию за данный участок предлагалось дать за счет равнозначного участка из госземфонда, «*просить исполком Крымского областного совета депутатов трудящихся включить в план*

на 1955 г. строительство средней школы в колхозе «Коммунар» в связи с тем, что отчуждаемые 94 га перекрывали дорогу школьникам из пос. Штурмовое, учившимся в г. Балаклава» [4, л. 26].

Рассмотрев основные аспекты земельных отношений в Балаклавском районе в 1944–1955 гг., необходимо отметить, что механизмы таких отношений просматриваются нечетко. Одновременно анализ документов и характер подобных отношений в рамках советского государства позволяет считать, что земельные отношения в Балаклавском районе носили спокойный характер, все возникавшие вопросы по выделению земли под те или иные нужды решались довольно оперативно, вопросы компенсации земельных участков были также четко отработаны.

Приведенные примеры распределения земельных участков в районе позволяют очертить определенные тенденции дальнейшего его развития. Это – укрупнение аграрного сектора, развитие промышленной базы, активное формирование в Балаклаве и ее окрестностях мощной военной базы.

Источники и литература.

1. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1.
2. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 61.
3. АГС. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 38.
4. АГС. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 36.

УДК 94(477).084.8

**СОЗДАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ
В ОСАЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ (ЯНВАРЬ-МАЙ 1942 Г.)****РУЗАЕВ С.В.****Музей военной техники УГМК
(г. Верхняя Пышма, Свердловская область)**

В январе 1942 г. завершился второй штурм Севастополя. Ценой невероятных усилий воины Севастопольского оборонительного района (далее – СОР) смогли отстоять город. Наступило долгожданное затишье, периодически прерываемое боями местного значения.

Одной из самых острых проблем, вставших перед руководством города, было резкое ухудшение продовольственного снабжения населения. Несмотря на массированную эвакуацию в ноябре–декабре 1941 г. в городе оставалось более 60 тыс. жителей. При этом, после проведения Керченско-Феодосийской операции, сократились объемы грузовых перевозок между Кавказом и Севастополем, что не позволяло создать устойчивые запасы продовольствия. Основу ежедневного рациона горожан и воинов СОР составляли хлеб, крупа и макароны.

Хлебная норма для населения была установлена еще 30 ноября 1941 г.: рабочие и ИТР – 800 г., служащие, пенсионеры и главы семей, призванных в РККА и ВМФ – 600 г., иждивенцы – 300 г. [1, с.78]. Особенно большая потребность была в свежих овощах (заменились крупами и сушеными овощами) и свежем мясе (заменилось консервами, селедкой и солониной).

Военное командование и городское руководство, наряду с работой по организации подвоза продовольствия, приняли решение форсировать создание местной продовольственной базы. В первую очередь значительные усилия были направлены на развитие коллективного и индивидуального огородничества. В перспективе это позволяло значительно расширить рацион питания, как жителей города, так и военнослужащих.

9 января 1942 г., на первом после долгого перерыва заседании городского комитета обороны было принято решение о восстановлении сельскохозяйственных предприятий и подготовке к севу [3, л. 15]. До войны в окрестностях Севастополя работали два крупных винсовхоза – имени Софьи Перовской (на Северной стороне) и «Профинтерн» (у Балаклавы). В районе Инкермана располагались обширные владения садово-овощеводческого совхоза № 10, который поставлял городу овощи, бахчевые культуры и фрукты. Имелись подсобные хозяйства на некоторых предприятиях, а также при управлении тыла Черноморского флота. В ноябре–декабре 1941 г. сельскому хозяйству был нанесен значительный ущерб: совхозные поля и виноградники стали ареной ожесточенных боев, подвергались обстрелам и бомбардировкам. Многие работники были направлены в армию, добровольческие формирования или в партизанские отряды.

В соответствии с постановлением комитета обороны, разворачивается работа по заготовке семян, ремонту инвентаря, изготовлению парниковых рам. Возглавил ее опытный агроном, директор винодельческого завода «Массандра», Николай Константинович Соболев. Первые итоги были представлены в передовице номера газеты «Красный Крым» от 18 февраля 1942 г. В статье под названием «По-боевому подготовиться к севу» сообщалось, что в совхозе им. С. Перовской под овощи освоено 50 га земли, в совхозе «Профинтерн» – 25 га. [5]. В то же время, в совхозе № 10 было заложено 950 парниковых рам, посеяно 5 га лука, посажено 3,5 га картофеля [11, с. 296].

В феврале начинается процесс закрепления земельных участков за предприятиями и учреждениями города с целью улучшения питания рабочих и служащих, занятых на обо-

ронном производстве. Так, 11 февраля постановлением СНК Крымской АССР исправительно-трудовой колонии № 7 было выделено 100 га земли, а 29 февраля за Военфлотторгом закреплялось 100 га земли и 35 га поливного огорода [4, л. 168, 208]. Земельные участки получили многие воинские части СОР, а также госпитали.

Постановлением СНК Крымской АССР от 16 февраля 1942 г. был утвержден план весенних сельскохозяйственных работ на 1942 г. Согласно ему совхозы им. С. Перовской, «Профинтерн», № 10, подсобные хозяйства СевГРЭС, треста столовых, Зеленстреста, Спецстроя, Промкомбината и ИТК № 7, а также колхозы Балаклавского района (д. Шули и д. Карань) должны были освоить 818 га земли, в том числе 224 га под овощи, 150 га под картофель и 444 га под зерновые [4, л. 178].

В том же постановлении СНК КАСР предлагалось *«обязать Севастопольский горисполком обеспечить максимальное развитие индивидуальных огородов рабочих и служащих»*, для чего выделялось 20 га земли. В периодической печати появились статьи, где звучал призыв: *«особое внимание нужно уделить созданию индивидуальных огородов... это огромной важности дело и недооценивать его нельзя»* [5].

Горожане охотно откликнулись на призыв: весной в городе и окрестностях практически повсеместно появились грядки с луком, редисом, морковью. К 14 марта только под индивидуальные огороды горисполкомом было отведено более 700 участков [6]. Были организованы пункты выдачи семян. Существенную помощь оказали Краснодарский край и Грузинская ССР, которые выделили семенной фонд. Только из Краснодара 16 марта 1942 г. были доставлены 40 тонн семян различных растений, чуть позже – еще 100 кг. семян редиса [11, с. 289].

Старший агроном города Никольский и агроном «Зеленстроя» Швидков за слишком «вялую» работу были отстранены от своих должностей, а вместо них назначены Алукер (курировал Центральную часть города) и Н.К. Соболев (курировал Северную и Корабельную стороны, Инкерман). Под их руководством проводилась консультационная работа на базе Центрального агитационного пункта горкома партии. В газете «Красный Крым» периодически публиковались соответствующие материалы. Например, по итогам совещания огородников в Центральном райсовете населению рекомендовалось при посадке картофеля использовать метод академика Лысенко [7].

Несмотря на принятые меры, с середины марта ситуация с продовольственным обеспечением населения продолжала ухудшаться: с наступлением весны ночи стали короче, поэтому, транспорту было все сложнее приходить в город (с января по март было доставлено всего 22 тыс. тонн продовольствия). В это же время возникли затруднения с топливом, что оказывало отрицательное влияние на работу мельницы и хлебозавода. В связи с указанием Военного Совета флота, 1 апреля 1942 г. было принято постановление бюро горкома партии о сокращении норм снабжения хлебом: рабочие предприятий стали получать 600 г., служащие – 400 г., иждивенцы – 300 г. [10, л. 53–54].

Тяжелым последствием нехватки свежих овощей и мяса стало массовое распространение авитаминоза и цинги среди жителей Севастополя и военнослужащих. Из ситуации вышли изготовлением и выдачей профилактических настоев из пихты, шиповника, можжевельника, виноградных листьев и барбариса, подкисленных соляной кислотой. Их заготовкой занимались специальные отряды из школьников, а изготовлением – городские аптеки совместно с работниками совхоза им. С. Перовской.

На заседании городского комитета обороны 22 марта 1942 г. были выработаны меры по дальнейшему развитию продовольственной базы, прежде всего, через распространение индивидуального огородничества. Констатировалось, что несмотря на постановление городского комитета обороны от 9 января 1942 г., *«партийные и профсоюзные организации еще недостаточно организовали разъяснение решения ВЦСПС трудящихся и не оказывают соответствующей помощи желающим иметь индивидуальные огороды»* [3, л. 34–35].

Был выдвинут лозунг «Каждому двору – огородную грядку!». Районные Советы депутатов взяли на учет всю землю, пригодную под огороды, и распределили ее между воинскими частями, предприятиями, учреждениями и отдельными гражданами. Продолжала проводиться консультационная работа, выдача населению инвентаря и семян (по состоянию на 16 апреля семена выданы 647 индивидуальным огородникам) [9].

В первой декаде апреля 1942 г. благодатный крымский климат позволил получить свежие овощи и зелень: зеленый лук, петрушку, шпинат, редис, что явилось существенной добавкой в рацион питания населения и войск. Успешное развитие огородничества, организация ловли рыбы, а также помощь флотского командования позволили к середине апреля несколько стабилизировать положение в области обеспечения населения продовольствием [2, л. 8].

По состоянию на 19 апреля 1942 г. в Севастополе было создано 73 подсобных хозяйств, в том числе 22 при предприятиях и 51 при воинских частях. Под огороды было занято около 818 га земли, в том числе посажено 60 га картофеля, 20 га лука, посеяно 140 га овса. Еще 981 га земли было занято виноградниками [8, с. 123–124]. К маю 1942 г. было задействовано уже до 1 тыс. га земли, из которых индивидуальные участки заняли 140–160 гектаров земли (до 7 тыс. огородов) [11, с.304–305].

По сравнению с весенним планом сельскохозяйственных работ общая посевная площадь к маю увеличилась незначительно, при этом значительно возросла площадь земель, задействованных под индивидуальные участки (с планируемых 20 га в феврале до фактических 160 га в мае). Несмотря на большой объем проведенных работ, план был выполнен не полностью. Например, из планируемых 150 га под картофель освоено всего 60 га ко второй половине апреля. В условиях третьего штурма, когда была разрушена система обеспечения населения продуктами питания, зелень и овощи, выращенные в подсобных хозяйствах и на индивидуальных огородах, стали существенным подспорьем для городского населения.

Источники и литература.

1. Ванев Г.И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. К.: Украина, 1995. Кн. 1. (30.10.1941–02.01.1942). 253 с.
2. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234.
3. ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1.
5. Красный Крым. 18 февраля 1942 г. № 48.
6. Красный Крым. 14 марта 1942 г. № 73.
7. Красный Крым. 20 марта 1942 г. № 79.
8. Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов / сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь: Таврия, 1973. 487с.
9. Маяк Коммуны. 16 апреля 1942 г. № 6.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046.
11. Соболев Н.К. Люди, которых я знал... Из записок о сельском хозяйстве осажденного Севастополя в 1941–1942 гг. Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. 1959 г. Партизанская. Учреждения и предприятия С. 283–320 / Рукописный фонд НМГОиОС.

Список сокращений.

ГАРК –	Государственный архив Республики Крым
НМГОиОС –	Национальный музей героической обороны и освобождения города Севастополя (с 2016 г. – Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя)
РГАСПИ –	Российский государственный архив социально-политической истории

УДК 355.354“1941”

**РУМЫНСКАЯ И НЕМЕЦКАЯ ВОЕННАЯ АВИАЦИЯ
В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ НАКАНУНЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ (1941 г.)**

ТКАЧЕНКО С.Н.

**«Научно-исследовательский центр
«Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (г. Феодосия)**

Представляется важным с точки зрения истории борьбы на Черноморском театре военных действий в период Великой Отечественной войны оценить военно-воздушные силы и средства противников СССР – Германии и союзной ей Румынии. В отечественной литературе этот вопрос рассмотрен явно недостаточно, поэтому, предлагается на основе архивных документов и научных исследований, прежде всего зарубежных, провести анализ состояния авиации, привлекаемой для войны с Советским Союзом на южном участке фронта.

На 1 мая 1941 г., по оценкам советской военной разведки, Румыния имела 1100–1260 самолетов (540–580 разведчиков, 200–250 бомбардировщиков, 300–350 истребителей, 60–80 гидросамолетов), а учитывая наличие в общем количестве учебные самолеты и неисправные до 20–25%, рассчитывали на 825–900 действующих самолетов; при этом, с учетом базирования на территории страны IV-го воздушного флота люфтваффе из двух дивизий (авиакорпусов) по пять эскадр каждая, рассчитывалось, что против Одесского военного округа и ВВС ЧФ будет задействовано до 1800 самолетов разных типов с возможностями усиления; Румыния имела около 54 аэродромов и 30 посадочных площадок, причем в приграничной зоне до 250 км от госграницы было до 30 аэродромов и 27 посадочных площадок [3, с.4–5]. По данным разведывательного управления Главного Морского Штаба Военно-Морского Флота, перед началом боевых действий против Советского Союза на аэродромах Румынии было сосредоточено 1195 румынских и немецких самолетов [4, с.6; 5, с.5]. Румынская авиация всего имела 745 самолетов, из них: бомбардировщиков – 150, истребителей – 250, разведчиков – 335, гидросамолетов – 10 [1, л. 4]. В оценке численности летательных аппаратов советские и румынские источники практически совпадают, хотя довоенные данные разведки СССР несколько завышены.

Румынская военная авиация была выделена в самостоятельный вид вооруженных сил страны – *Forțele Aeronautice Regală Română* (FARR) [14, р. 19]. Румынские военно-воздушные силы были подчинены субсекретариату министерства национальной обороны, который был организован перед началом войны с Советским Союзом. Военно-воздушные силы Румынии включали в себя одну гидроавиационную эскадру, девять авиаэскадр сухопутной авиации (три истребительные, три бомбардировочные и три разведывательные) и одну эскадру аэростатов заграждения. По количеству самолетов FARR занимали первое место среди ВВС союзных Германии балканских стран [7, с. 179].

Румынские ВВС, несмотря на изношенность, устарелость и многотипность материальной части, в 1941–1943 годах участвовали в боевых действиях на советско-германском фронте. Летная подготовка в румынской авиации была ниже уровня подготовки люфтваффе. Групповая слетанность, полеты в сложных метеорологических условиях были отработаны недостаточно. Огневая и бомбардировочная подготовка была слабой. Причиной этого была жесткая экономия боеприпасов, ввиду чего практическое бомбометание и стрельбы проводились редко [5, с. 7].

В 1940 г. и в начале 1941 г. в строевых частях и авиационных школах под руководством немецких специалистов была проведена переподготовка личного состава военно-воздушных сил. Обучение велось по немецким наставлениям и инструкциям. В ходе войны немцы создали при штабах румынских авиасоединений команды немецких офицеров связи, которые обеспечивали взаимодействие румынской авиации с германскими ВВС [10].

С целью лучшей организации ПВО и более четкого управления военно-воздушными силами и их обслуживания территория Румынии была разделена на три воздушных района [1, л. 8].:

- I район с центром в г. Сибиу,
- II район с центром в г. Яссы,
- III район с центром в г. Бухаресте.

Все военно-воздушные силы были распределены между этими тремя районами. В каждом районе имелись по штату одна истребительная, одна бомбардировочная и одна разведывательная авиафлотилии. Авиафлотилия была высшим однородным соединением военно-воздушных сил, в которую входили четыре эскадрильи, сведенные в две авиагруппы. В каждой группе 15 самолетов, включая самолет командира. В разведывательных и бомбардировочных эскадрильях имелось по 7–8 самолетов; в истребительных – до 10 самолетов [8, с. 46–47].

Организация противовоздушной обороны к началу войны еще не была закончена и продолжала совершенствоваться. Во главе противовоздушной обороны стоял командующий ПВО, подчинявшийся непосредственно командующему военно-воздушными силами. К началу 1940 г. противовоздушная оборона включала одну бригаду ПВО, состоявшую из четырех группировок (Бухарест, Яссы, Клыж, Брашов). Еще две группы формирования не закончили. Предполагалась организация групп ПВО при воздушном подрайоне морского побережья [5, с. 8].

Румыния выставила для войны с СССР более 400 самолетов из FARR и авиачастей, приданных сухопутным войскам (всего в составе BBC было 672 исправных самолета [18, р. 8–10]). Это – 162 бомбардировщика: 36 немецких Heinkel H-111H-3, 36 итальянских Savoia-Marchetti SM. 79B, 24 французских Potez-633B-2 и 12 Bloch-210, 40 английских Bristol "Blenheim" Mk I, 24 польских PZLP.37B «Loś», 36 румынских IAR-37. Эти машины, хотя и не последнее слово авиации, но и старыми их назвать никак нельзя: данные типы или их аналоги состояли на вооружении воюющих стран Европы в 1939–1941 годах и никак не уступали основным советским фронтовым бомбардировщикам. По 116 румынским истребителям ситуация такова: 40 немецких «Messerschmitt» Bf-109E и 28 Heinkel H-112, 12 английских Hawker «Hurricane» Mk I, 36 румынских IAR-80, чьи ТТХ лучше, чем у наших И-16 и И-153, а у «мессершмиттов» – никак не хуже новейших МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3. Истребители польского производства PZL.P.11 и PZL.P.24 (еще 120 шт.) – устарели не более советских И-15, И-153 и И-16, но и в боях участвовали редко. Разведчики «Blenheim», IAR-39, гидросамолеты «Cant» Z501 и «Savoia» SM.55 и SM.62 однозначно не хуже по характеристикам, чем P-5 или МБР-2 [11].

Вся наступательная мощь FARR была сосредоточена в специально сформированной для участия в боевых действиях на Восточном фронте авиационной боевой группировке (Gruparea Aeriana de Luptă, сокр. GAL) под командованием генерала де эскадра Константина Келыреану (general de escadra Constantin Celăreanu) [15, с. 12–13].

Всего эта румынская авиационная группировка, созданная для действий на Восточном фронте, располагала 253 самолетами [13, р. 10–11]. В оперативном отношении она была подчинена командующему IV-м воздушным флотом Люфтваффе генерал-oberсту А. Лёру.

Войсковой авиации, которая органически входила бы в состав армейских соединений сухопутной армии, в Румынии не было. Для поддержки наземных войск выделялись отдельные эскадрильи из разведывательных авиафлотилий, которые временно подчинялись штабам армейских корпусов. В нападении на Советский Союз также принимали участие воздушные силы, подчиненные оперативно наземным войскам – эскадрильи, приданные 3-й и 4-й румынским полевым армиям и 1-й бронетанковой дивизии [12, с. 15].

Каждая флотилия имела свой центр с сетью постоянных аэродромов. При убытии флотилии на фронт на ее аэродромах велась подготовка пополнения как личного состава, так и материальной части [2, л. 12–13].

Группировка румынской авиации на советско-германском фронте часто менялась в силу многократного перераспределения сил, вызываемого малочисленностью годных к использованию самолетов.

Находясь в союзе с фашистской Германией и готовясь к войне против Советского Союза, румынское правительство заблаговременно приступило к постройке новых аэродромов, а также к расширению существующих. К началу 1939 г. в Румынии было до 45 аэродромов и 90 посадочных площадок, из них 12 оборудованных военных аэродромов и 15 оборудованных аэропортов; имелось 4 аэродрома для морской авиации [1, л. 9]. Такое количество аэродромов, их оборудование и компактное базирование на них авиации благоприятствовало решению стоящих перед авиацией задач.

Кроме собственной авиации, на румынских аэродромах была сосредоточена также немецкая авиация, которая имела в своем составе до 450 самолетов, из них: 270 бомбардировщиков, 150 истребителей и 30 гидросамолетов [9]. В зависимости от активности действий наземных войск указанное количество немецких самолетов, действовавших на южном фронте и против Черноморского флота, в отдельные периоды менялось, так как противник широко применял маневр авиацией, перебрасывая ее с одного участка фронта на другой.

В полосе наступления южной группы армий действовал IV-й воздушный флот в составе 4-го и 5-го авиакорпусов. Кроме того, в него входили отдельные боевые авиационные части, части противовоздушной обороны и войск связи [6, с. 36–37].

Авиационный корпус люфтваффе (Fliegerkorps) – смешанное оперативное соединение – состоял из 5–6 эскадр и одной разведывательной группы [9].

Эскадра – высшее оперативно-тактическое соединение однородного состава. Истребительная эскадра (Jagdgeschwader – или соответственно, JG) состояла из двух–трех действующих групп, резервной группы, штаба, в составе которого имелся штабной патруль (четыре самолета) и рота связи. Группа состояла из трех отрядов (по 12 самолетов в каждом), штабного патруля (два самолета) и технической роты [9].

Эскадра двухмоторных самолетов-истребителей (Zerstörergeschwader – ZG) состояла из трех-пяти действующих групп, резервной группы, штаба, в составе которого имелся штабной патруль (четыре самолета) и рота связи [9].

Группа (Gruppe) состояла из трех отрядов (по 9 самолетов в каждом), штабного патруля (два самолета) и технической роты [9].

Бомбардировочная эскадра (Kampfgeschwader – KG) и эскадра пикирующих бомбардировщиков (Sturzkampfgeschwader – St.G) состояла из трех действующих групп, резервной группы, штаба со штабным отрядом и роты связи. Группа состояла из трех отрядов (по 9 самолетов в каждом), штабного звена (три самолета) и технической роты. Технические роты при группах состояли из авиационных специалистов и обеспечивали обслуживание материальной части и мелкий ремонт самолетов, моторов, вооружения приборов [9].

В противоположность румынской авиации, в немецкой авиации на вооружении состояли вполне современные по тому времени самолеты – как бомбардировщики, так и истребители, которые прошли боевую проверку в войне против Польши, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции и Англии. Пилоты имели достаточно высокий уровень летной подготовки. Более трети из них считались летчиками повышенного разряда, то есть подготовленными к полетам днем и ночью в сложных метеоусловиях [10]. Средний налет выпускников учебных заведений люфтваффе был достаточно высок: более 400 часов, что соответствовало нормам, принятым в то время в ВВС крупных авиационных держав (в США, к примеру, 450 часов) [15, р. 378]. Вместе с тем, как отмечают специалисты, немецкие самолеты не были приспособлены к ведению боевых действий с грунтовых аэродромов [10]. Это был существенный просчет специалистов и руководителей люфтваффе.

На Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг. бывший начальник генерального штаба люфтваффе фельдмаршал А. Кессельринг так оценил состояние ВВС Германии в период, предшествующий нападению на Советский Союз: *«Все было сделано для того, чтобы сделать германский воздушный флот в отношении его личного состава, боевых качеств самолетов, зенитной артиллерии, службы воздушной связи и т.д. наиболее грозным флотом в мире. Это усилие привело к тому, что в начале войны или, самое позднее, в 1940 г. мы имели исключительно высококачественный флот»* [20, р. 260].

Таким образом, военно-воздушная машина люфтваффе и FARR была отлажена и готова к нападению на СССР. Количественный и качественный состав авиатехники позволял выполнять широкий спектр боевых и специальных задач.

Источники и литература.

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12450. Д. 106. Данные о вооруженных силах Румынии, действующих против Советского Союза с 22.06.1941 г. по 31.12.1942 г.; 1944 г. (на немец. языке).
2. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 118. Материалы о потерях вооруженных сил Румынии, замене и пополнении их с 22.06.1941 г. по 25.02.1944 г.; 1944 г. (на немец. языке).
3. Записка по плану действий войск Одесского военного округа в прикрытии госграницы согласно директивы НКО от 6 мая 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 3–15.
4. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. М.–Л.: Военмориздат, 1945. Вып. 1. 352 с.
5. Боевая деятельность авиации Военно-Морского Флота Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1963. Ч.3. ВВС Черноморского Флота в Великой Отечественной войне. 280 с.
6. Залесский К.А. Люфтваффе. Военно-воздушные силы Третьего рейха. М.: Эксмо, 2005. 736 с.
7. Зефилов М.В. Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе: Венгрия. Румыния. Болгария. Хорватия. Словакия. Испания. М.: АСТ, 2002. 526 с.
8. Жирохов М.А. Союзники Люфтваффе. М.: Вече, 2011. 336 с.
9. Кольга Г.И. Организация военно-воздушных сил Германии в годы второй мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5 (15). С. 27–34.
10. Литвин Г.А. Люфтваффе накануне вторжения // Авиация и космонавтика. 1991. № 6. С. 4–6.
11. Ткаченко С.Н. Военно-воздушные силы Румынии и Хорватии в 1941–1942 г.: битва в небе Крыма // Великая Победа: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Минск, 14–15 мая 2015 г.) / ред. В.И. Адамушко. Минск: А.Н. Вараксин. 2015. С. 343–349.
12. Avram Valeriu Aviația de asalt – G8. Documente și memorii Grupul 8. Bucharest: Modelism International, 1994. 36 p.
13. Axworthy M. Scafes Cornel, Craciunoiu Cristian. Third Axis Fourth Ally: Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945. London: Arms and Armour Press, 1995. 368 p.
14. Axworthy M., Șerbănescu H. The Romanian Army of World War 2 [Osprey Men-at-Arms 246]. London: Osprey Publishing Ltd., 1991. 48 p.
15. Davies W. J.K. German Army Handbook 1939–1945. New York: Arco Publishing Company INC., 1973. 789 p.
16. Denes B. Rumanian Air Force: The Prime Decade, 1938–1947. Carrollton: Squadron/Signal Publications, 1999. 81 s.
17. Craciunoiu C. Roba J.L. Romanian Aeronautics in the Second World War 1941–1945. Bucharest: Modelism International, 2003. 150 p.
18. Roba J.L., Craciunoiu C. Hidroavioanele din Marea Neagra. Operatiunile Germano-romane. 1941–1944. Bucharest: Editura Modelism, 1995. 96 s.
19. Ion Gudju, Gheorghe Iacobescu, Ovidiu Ionescu. Romanian aeronautical constructions. 1905–1974. Bucharest: Military Publishing House, 1974. 387 p.
20. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal 1947–1949. Nuremberg: The International Military Tribunal, 1947. Vol. 9. 365 p.

III

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ ВСЛЕДСТВИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА (ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

БАРАНОВ А.В.

Кубанский государственный университет

Крым является ключевым элементом обеспечения национальной безопасности России в Черноморском регионе. Его центральное расположение позволяет контролировать коммуникации на Южном стратегическом направлении. Воссоединение Республики Крым и г. Севастополя с Россией, состоявшееся на основе референдума 16 марта 2014 г., стало итогом длительного и сложного противостояния, развивавшегося в течение всего постсоветского периода. Предметом конфликта был и остаётся политический статус Крыма. На всех этапах противоборства в нём активно участвовали органы государственной власти Российской Федерации, Украины, США, Европейского Союза, Турции. Акторами менее значимого уровня выступают страны Восточной Европы и Южного Кавказа.

Цель статьи – выявить закономерности геополитической трансформации международных отношений в Черноморском регионе вследствие Украинского кризиса и воссоединения Крыма с Россией.

В научной литературе нет единства в определении территориальных рамок региона. А.А. Самохин использует термин «Средиземноморско-Черноморский регион» [25], как и специалисты Института Европы РАН [26]. В.Н. Рябцев обосновывает категорию «Черноморско-Каспийский регион» [24, с. 21–24]. В монографии С.Р. Гриневецкого, С.С. Жильцова и И.С. Зонна применяется термин «Черноморский регион» [2, с. 5–10, 131–180, 331–350]. Последний стал наиболее употребительным. Внутри него можно выделить геополитическую «ось нестабильности», которую аналитики США провели от зоны действия экстремистов Исламского государства к Крыму [5, с. 46–56].

Эксперты Института Европы РАН анализируют вопросы военно-политического баланса сил в Черноморском регионе, морской безопасности [7]. Можно отметить также работы С.С. Жильцова, И.С. Зонна и С.Р. Гриневецкого [2], А.Л. Мошеса [13, с. 194–203]. Политика стран НАТО интерпретирована Т.Ю. Журженко [8], Э. Пилем, П. Шульце и Х. Тиммерманном [18]. Новейшие тенденции международных отношений в Черномор-

ском регионе, проявившиеся после 22 февраля 2014 г., еще не стали объектом профессионального политического анализа. Их исследуют в основном публицисты, например, А. Широкоград [29] и П. Данилин [4].

США и Европейский Союз проводят целенаправленную экономическую, политическую и культурную экспансию в Черноморском регионе. Румыния и Болгария в 2007 г. стали членами НАТО и ЕС. Американские военные базы созданы в Грузии, проводятся военные учения «Блэксифор» и обучение военнослужащих причерноморских стран по стандартам НАТО. С началом «оранжевой революции» 2004 г. ускорилась евроатлантическая интеграция Украины, что создало принципиально новый уровень рисков и угроз национальной безопасности России в Черноморском регионе. По мнению участников Гарвардской программы по Черноморской безопасности А. Коэна и К. Ирвина, регион может быть «плацдармом для проведения военных, восстановительных и миротворческих операций в Афганистане, Ираке и, возможно, в Иране» [30]. Европейский Союз в 2008 г. принял региональную стратегию «Черноморская синергия» в экономической и политической сферах. США продвигают проект создания системы противоракетной обороны на Черноморском театре военных действий, программу «Партнерство ради мира» применительно к Грузии, Молдове и Украине. Индикаторы и процедуры военного и дипломатического проникновения НАТО на Украину раскрыты в аналитическом обзоре Центра международной журналистики и исследований [28, с. 16–33].

Украинский кризис начался с отказа Президента Украины В.Ф. Януковича подписать соглашение об ассоциации с Европейским Союзом. 22 февраля 2014 г. власть на Украине захватили незаконным, насильственным путём национал-радикальные группировки. Процедуры избрания и.о. президента и председателя Верховной Рады, премьер-министра являлись незаконными. В стране возник вакуум легитимной власти. Стал весьма вероятным ввод в Крым военного контингента НАТО, что лишило бы Российскую Федерацию базы Черноморского флота и привело к утрате боеспособности последнего. 22 февраля начался ввод в Черное море эскадры ВМС США. По мнению П. Данилина, базирование военного флота США в Севастополе позволило бы держать под угрозой применения ракет «Томагавк» всю Европейскую часть России [4, с. 3–8].

В условиях нараставшего хаоса на полуострове Черноморский флот России перевел свои воинские части в Крыму на усиленный режим охраны. Из Севастополя в направлении Феодосии и аэродромов морской авиации ЧФ в с. Каче и Гвардейское выдвинулись бронетранспортеры, предназначенные для того, чтобы укрепить охрану флотских объектов [9]. На массовом митинге 23 февраля избран «народный мэр» Севастополя А.М. Чалый. В тот же день Черноморский флот РФ установил несколько БТР на въездах в город [11]. Эскадра Черноморского флота РФ 25 февраля доставила в Крым дополнительные воинские контингенты [3]. Они были введены в основные города. По договорам 1997 и 2010 гг., Россия имела право содержать на полуострове до 25 тыс. солдат и офицеров. На деле контингент составлял 16 тыс. (из них 2 тыс. морских пехотинцев) [15], то есть лимит не был нарушен. Президент РФ В.В. Путин 26 февраля поручил Министерству обороны провести внезапную комплексную проверку боеготовности войск и сил Западного и Центрального военных округов, а также отдельных родов войск [12].

Ранним утром 27 февраля 2014 г. подразделения Вооруженных Сил РФ и отряды крымской самообороны заняли здания Верховного Совета Автономной Республики Крым (АРК) и Совета министров АРК, предотвратив эскалацию конфликта. Российские подразделения и отряды крымской самообороны 28 февраля взяли под контроль гражданский аэропорт Симферополь, военный аэропорт Бельбек, Керченскую переправу. Подразделения украинских вооруженных сил в Крыму (до 25 тыс. чел.) были блокированы и через три недели согласились на вывод с территории полуострова без серьезного сопротивления [27]. Большая часть кораблей и личного состава военно-морских сил Украины в Крыму, как и командующий ВМС Украины Д.В. Березовский, перешла на сторону АРК [10]. Президент РФ В.В. Путин 1 марта 2014 г. внёс обращение в Совет Федерации об использовании Вооружённых Сил РФ на территории Украины и получил соответствующее разрешение верхней палаты парламента [20].

Успех российских действий во многом обеспечен благодаря массовой поддержке крымского сообщества, что подтвердили итоги референдума 16 марта 2014 г. о государственном статусе Республики Крым и г. Севастополя. Президент РФ В.В. Путин 17 марта 2014 г. подписал Указ о признании Республики Крым как суверенного и независимого государства, в котором город Севастополь имеет особый статус [19]. Российская Федерация и Республика Крым 18 марта подписали договор о вхождении РК в состав РФ. В итоге образованы два новых субъекта Российской Федерации – Республика Крым и город федерального значения Севастополь [6]. Президент Российской Федерации 21 марта 2014 г. подписал федеральный конституционный закон о вступлении Крыма в состав России и образовании новых субъектов федерации [16]. Одновременно создан Крымский федеральный округ [17].

Большинство стран мира под давлением США и Евросоюза не признали воссоединение Крыма с Россией. Иного в однополярной международной системе ожидать не следовало. В условиях международных санкций ключевым стал вопрос о гарантиях суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, о поддержании её самостоятельной геополитической и цивилизационной роли в мире.

Базирование Черноморского флота РФ в Крыму (Севастополь, Донузлав и др.) служит несущей опорой российского влияния в регионе. Чтобы отразить возможное вторжение вооруженных сил НАТО и Украины в Крым, на полуострове интенсивно развивается российская военная группировка. Республика Крым и г. Севастополь включены в состав Южного военного округа РФ. Черноморский флот в Крыму усилен стратегической авиацией, более мощным надводным и подводным флотом, на вооружении которого может быть ядерное оружие. Состоялось размещение в Крыму оперативно-стратегических бомбардировщиков Ту-22М3 и современных ракетных комплексов «Искандер-М». И те, и другие способны нести высокоточное и ядерное оружие [14].

Для России возможность размещения ядерного оружия на носителях ЧФ – вынужденная и асимметричная ответная мера. США готовы использовать близ границ РФ в акватории Черного моря (с территории Румынии и Украины) ударные беспилотники, которые подпадают под определение крылатых ракет наземного базирования. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров подчеркнул 15 декабря 2014 г., что *«термин „безъядерная зона“ никогда к Крыму не применялся... Государство российское имеет в соответствии с международным правом все основания распоряжаться своим легитимным ядерным арсеналом в соответствии со своими интересами и в соответствии со своими международно-правовыми обязательствами»* [22]. По сообщению представителя штаба Черноморского флота 21 декабря 2014 г., Крымская военно-морская база, входившая в состав флота РФ до 1996 г., воссоздана и начала действовать [1]. Предстоит модернизация военно-морской базы, судоремонтных заводов и военной инфраструктуры Крыма.

Благодаря воссоединению Крыма облегчен выход российской эскадры в Средиземное море, стала возможной модернизация вооружений Черноморского флота. Как полагает главный редактор журнала «Military Крым» С. Ченнык, в свете военно-политических событий в Сирии и Йемене *«усиление военной группировки в Крыму следует рассматривать как стратегическую задачу по решению вопросов политического влияния России на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке»* [21]. По мнению руководителя подкомитета по тактическим и наземным силам Палаты представителей Конгресса США М. Тернера, размещенные в Крыму ракетные комплексы «Искандер-М» способны наносить удары высокоточными крылатыми ракетами на дальность до 2600 км [14]. Важную роль в обеспечении военно-политического баланса играют оперативно-стратегические бомбардировщики Ту-22 М3, истребители Су-27 и Су-30, строящиеся фрегаты и атомные подводные лодки, ракетные комплексы «Бастион-П» и «Бал», оснащенные противокорабельными ракетами [23]. Необходима ускоренная реконструкция инфраструктуры: аэродромов, морских портов, транспортных путей, информационных и энергетических сетей.

Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение конвенции Монре́, установившей предельное количество и тоннаж иностранных военных кораблей, до-

пускаемых в Чёрное море. В последние годы конвенция грубо нарушается ВМФ стран НАТО, прежде всего – США. Ключевой в данном аспекте выступает позиция Турции, контролирующей черноморские проливы.

В ситуации, возникшей после агрессивных действий Турции против российской авиации в Сирии (ноябрь 2015 г.), приоритетны следующие аспекты российско-турецких взаимоотношений: обеспечение беспрепятственного прохода Черноморского флота РФ через Босфор и Дарданеллы; наращивание военного потенциала и боеготовности Черноморского флота РФ; предотвращение возможных военных и террористических провокаций на российско-украинской границе; уменьшение негативных последствий поддержки Турцией радикальных националистических и исламистских группировок, в том числе – с участием крымскотатарской диаспоры. Не секрет, что в период украинского правления в Крыму беспрепятственно действовали экстремистские группировки «Хизб ут-Тахрир аль Исламия», «Нурджулар» и др., многие активисты которых участвовали позже в террористических действиях в Сирии против законного правительства и в «блокаде Крыма», объявленной лидерами незарегистрированного Меджлиса крымскотатарского народа. Таким образом, задачи политического обеспечения территориальной целостности Российской Федерации и геополитические, военно-политические задачи РФ в Черноморском регионе составляют неразрывную единую систему.

Необходима диверсификация маршрутов нефте- и газопроводов из России на внешние рынки, что уменьшит значение Турции, а также балканских и центральноевропейских стран НАТО в качестве транзитных стран. Такую роль могут выполнить маршрут «Северный поток» в Балтийском бассейне, российско-иранский проект в Каспийском бассейне, маршруты экспорта энергоресурсов из России в страны Дальнего Востока.

Сдерживание НАТО, обеспечение надежного базирования Черноморского флота РФ, потребностей военно-космических войск и противоракетной обороны, недопущение агрессии киевского режима против Крыма, – таковы текущие задачи российской геополитики в конкуренции с НАТО в Черноморском регионе. Данный регион выступает ключевым внутригосударственным сегментом поддержания геополитического влияния РФ на Южном стратегическом направлении по оси Средиземноморья, Балкан и Кавказа.

Источники и литература.

1. Воссоздана Крымская военно-морская база. [Электронный ресурс] // Сайт ИТАР-ТАСС: Режим доступа: <http://itar-tass.com/armiya-i-opk/1662861>
2. Гринецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. М.: Восток-Запад, 2009. 352 с.
3. Гундлах А.В. Севастополь эскадра Черноморского флота Российской Федерации доставила 11 тысяч десантников. [Электронный ресурс] // Сайт «15 минут»: Режим доступа: <http://15minut.org/article/v-sevastopol-dostavili-11-tysjach-rossijskih-desantnikov-istochnik-2014-02-25-1>
4. Данилин П. Воссоединение. М.: ЗАО «Изд. дом «Аргументы недели», 2015. 304 с.
5. Дергачев В.А. Пиратская геополитическая технология «управляемого» хаоса // Вестник аналитики. 2014. № 3 (57). С. 46–56.
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (подписан в г. Москве 18.03.2014). [Электронный ресурс] // Сайт «Консультант.ру»: Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/32296.html>
7. Европа и Россия: проблемы южного направления: Средиземноморье–Черноморье–Каспий / под ред. В.В. Журкина, Н.А. Ковальского. М.: Интердиалект+, 1999. 658 с.
8. Журженко Т.Ю. Евразийцы без энтузиазма, европейцы без приглашения: дилеммы украинской геополитической идентичности // Политическая наука. 2006. № 2. С. 7–28.
9. Ищенко С., Полуниин А. Третья оборона Севастополя началась. Город русской славы объявил о неподчинении Киеву и надеется на помощь России. [Электронный ресурс] // Сайт «Свободная пресса»: Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/82801/>
10. Командующий флота Украины присягнул на верность народу Крыма. [Электронный ресурс] // Сайт «Регнум»: Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1773266.html
11. Луценко: на въезде в Севастополь Черноморский флот России выставил БТРы. [Электронный ресурс] // Сайт «Главное»: Режим доступа: <http://glavnoe.ua/news/n166652>
12. МИД РФ: Черноморский флот придерживается базовых соглашений. [Электронный ресурс] // Сайт «Регнум»: Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1772490.html

13. Мошес А.Л. Новые аспекты военно-политической ситуации в Черноморском регионе // Глобализация и регионализм: Черноморский регион. Балканы. М.: Интердиалект+, 2001. С. 194–203.
14. Мухин В. Крым не нуждается в ядерных боеприпасах // Независимая газета. 2014. 22 окт.
15. Нерсисян Л. ВС Украины будут сметены при попытке силового захвата Крыма – военный эксперт. [Электронный ресурс] // Сайт «Регнум»: Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraine/1773159.html
16. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ от 21 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Консультант.ру»: Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172909/
17. Об образовании Крымского федерального округа: Указ Президента Российской Федерации от 21.03.2014 № 168. [Электронный ресурс] // Сайт «Консультант.ру»: Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4cb1349c4325d7681.pdf>
18. Пиль Э., Шульце П., Тиммерманн Х. Открытый фланг Европейского союза: РФ, Беларусь, Украина и Молдавия // Политическая наука. 2006. № 2. С. 169–174.
19. Подписан Указ о признании Республики Крым. [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/20596>
20. Путин внес в Совет Федерации обращение об использовании ВС РФ на территории Украины. [Электронный ресурс] // Сайт «Регнум»: Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraine/1773172.html
21. Российская военная группировка в Крыму будет усиливаться. [Электронный ресурс] // Сайт «Весь Крым»: Режим доступа: <http://news.allcrimea.net/news/2015/4/7/rossiiskaya-voennaya-gruppirovka-v-krymu-budet-usilivatsya-34554/>
22. Россия может разместить в Крыму ядерное оружие, – Лавров. [Электронный ресурс] // Сайт «Русская весна»: Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1418659501>
23. Рябов К. Развитие группировки вооруженных сил России в Крыму. [Электронный ресурс] // Сайт «Военное обозрение»: Режим доступа: <http://topwar.ru/71349-razvitie-gruppirovki-vooruzhennyh-sil-rossii-v-krymu.html>
24. Рябцев В.Н. Геополитические особенности Черноморско-Каспийского региона в условиях постбиполярного мира. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 172 с.
25. Самохин А.А. НАТО и формирование европейской безопасности в 90-е гг. XX в. (Средиземноморско-Черноморский регион): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2002. 28 с.
26. Средиземноморье–Черноморье–Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Язьковой. М.: Граница, 2006. 216 с.
27. Темиргалиев Р. В Крыму больше нет украинских воинских частей. [Электронный ресурс] // Сайт «Регнум»: Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraine/1781859.html
28. Украина, Грузия, Молдавия: путь в НАТО через Европейский Союз. Аналитический обзор. К саммиту НАТО в Уэльсе. 4–5 сентября 2014 года. М.: Центр международной журналистики и исследований МИА «Россия сегодня», 2014. 74 с.
29. Широкопад А.Б. Битва за Крым. От противостояния к возвращению в Россию. М.: Вече, 2014. 352 с.
30. Cohen A., Irvin C. U.S. Strategy in the Black Sea Region. [Электронный ресурс] // Сайт «Наследие»: Mode of Access: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2006/12/US-Strategy-in-the-Black-Sea-Region>

УДК 327. 7

СПЕЦИФИКА СТРАТЕГИИ ЗАПАДА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РАМКАХ ПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

ИВАНОВА Е.А.

Кубанский государственный университет

На сегодняшний день Причерноморье является одним из важнейших геополитических пространств в современных международных отношениях. Причерноморский регион представляет собой евроазиатский энергетический коридор.

Исторические и политические события, развивающиеся в этом регионе, привлекли к себе внимание западных держав. История региона показывает, что раньше Черное море находилось в распоряжении Российской, Османской и Персидской империй. Затем, во времена Холодной войны, произошло его разделение между Востоком и Западом. По её окончании, с чередой революций и последующим распадом СССР регион открыл для себя новую страницу истории и начал привлекать внимание Западных держав. Государства Черного моря стали играть одну из значимых ролей в геополитической стратегии западных держав, хотя до этого ни Соединенные Штаты, ни ЕС не выделяли Причерноморский регион как приоритетный.

Отсутствие этого внимания в прошлом можно объяснить четырьмя ключевыми факторами. Первое на что стоит обратить внимание – то, что западные стратегические исследования считали Причерноморье неисследованным и запутанным треугольником. Так как географическое и геополитическое размещение региона пролегает на перекрестке европейской, евроазиатской и ближневосточной зон безопасности. Таким образом, эксперты трех регионов игнорировали его, так как Причерноморье не обращало на себя внимания ни одного из центров исследования. Во-вторых, после падения коммунизма не хватало политической энергии, чтобы разрабатывать стратегию для Большого Причерноморья. Интеграция стран ЦВЕ, попытки строительства новых отношений Запада и России требовало времени и экономических, политических сил. Третий фактор представлял собой то, что существовало различное количество подвижек, направленных на сближение с Западом от самого региона. Это связано с тем, что страны Причерноморского региона отличаются друг от друга своими устремлениями, внешнеполитическими целями. Особенно сыграли свою роль гражданские войны, происходящие в государствах региона, и частые вооруженные конфликты. Четвертая причина это – западное историческое сознание, с недостаточным знанием этого региона, его культурной идентичности, его социальных, экономических проблем, исторического развития, региональных конфликтов [1].

Тем не менее, некоторые из этих факторов имеют тенденцию к развитию и изменению. На сегодняшний день политические лидеры стран этого региона заявляют о желании присоединения к евроатлантическому сообществу, а такие страны, как Румыния и Болгария уже присоединились к НАТО. Таким образом, Запад по-прежнему стремится распространить свое влияние на максимально обширные пространства, для чего была провозглашена идея «Европейской безопасности Южного региона». Вступление Румынии и Болгарии в НАТО предполагало, прежде всего, соглашение на строительство там военных баз и это явилось подтверждением того, что эти государства Причерноморского региона согласны стать частью системы безопасности Евроатлантического альянса. Военные силы блока постоянно демонстрируют свое внимание к этому региону. Но интерес все же представляет не военно-технический, а политический аспект проблемы. Как пример, это – ситуация на Украине. США все также проявляет настойчивость в захвате управления бывшими республиками СССР, а затем их интеграции в евроатлантическую систему.

Правительственные структуры Соединенных Штатов руководствуются исключительно своими интересами, в орбиту которых входят не только Грузия и Украина, но также Азербайджан и Молдавия. Помимо НАТО такие же региональные геополитические интересы можно наблюдать и у ЕС, их развитие связей со странами Причерноморья. Те же страны, Румыния (вошла в 2007 г.), Болгария (вошла в 2007 г.) и Турция (кандидат на вступление), которые представляют собой государства южного и западного берегов Черного моря, вместе являлись соискателями членства в ЕС, а также на интеграцию с этим объединением своих политической и экономической систем.

На сегодняшний день проводится активная деятельность по установлению безопасности и стабильности в Европе, она включает в себя противодействие негативным тенденциям, исходящим от Ближнего Востока. Что же касается экономической стратегии, то Запад нацелен на получение источников энергоресурсов. Именно энергоресурсная составляющая является центром всех процессов, проводимых силами НАТО и США в причерноморском регионе. Содержание этих действий включает в себя изменение формата направлений транспорта и коммуникации. В этом случае речь идет о геополитической значимости региона с точки зрения его энергетического потенциала, а именно – разработка линии транспортировки углеводородных ресурсов. Таким образом, будущее экономическое и политическое развитие Причерноморья зависит от того направления внешнеполитического курса, которое будет определено энергетическими запасами и их распределением.

На сегодняшний день объем добычи энергоресурсов, а именно газа, увеличился и по прогнозам будет только возрастать. Само Черное море имеет значительные запасы углеводородов. Рациональное использование ресурсов может помочь преодолеть энергокризисы стран причерноморского региона. Регион также привлекателен как плацдарм для транспортировки энергоносителей. Расположение внешних сил в Причерноморье и их влияние на внешнеполитические процессы тесно связаны с его геополитическим положением. Таким образом, стоит говорить о формировании сил, которые заинтересованы в присутствии в Причерноморье. Учитывая этот фактор, отмечается заинтересованность США, сил НАТО и ЕС в усилении позиции в регионе как внешних сил, влияющих на развитие событий. Так, анализ стратегической предпосылки связан с доступом к источникам ресурсов под эгидой безопасности. [3]

США и страны ЕС продвигали демократические ценности в большей части восточноевропейских стран. Поэтому в понимании западных экспертов нельзя говорить о процветании демократических ценностей в данном регионе, так для западных держав присоединение Причерноморья к евроатлантической системе предохранило бы его от будущих угроз и служило бы стратегическим буфером, отвечающим за стабильность. Предотвращение от распространения наркотиков и оружия, так, героин и военные технологии попадают к террористической организации Аль-Каида. Иммиграция нелегальных граждан, а так же торговля людьми. У этих негативных факторов есть тесная связь с замороженными причерноморскими конфликтами. Они осуществляют перевалку оружия, наркотиков и людей, являясь местом роста организованной преступности и террористических группировок.

Причерноморье является местом, откуда Запад стремится распространять свои стратегические силы на Ближний Восток для установления стабильности европейского пространства. Ключевая роль состоит в географическом положении. Точки соприкосновения евроатлантического сообщества и ближневосточного региона проходят через Черное море. Таким образом, угроза вмешательства сил НАТО и ЕС может привести к нарушению баланса и стабильности в этом регионе.

Распространение так называемых «демократических ценностей» на восток и юг региона имеет тенденцию к созданию управляемого общества и трансформации системы «под себя». Одна из целей этого – строительство военных баз для контроля над регионом. Эти механизмы направлены на разрешение этнических конфликтов, на борьбу с кризисом экономики стран этого региона, а также защиту от международной организованной преступности. Не стоит забывать, что ценности демократии западных держав всегда тесно сопрягаются со стратегическим обоснованием энергетической безопасности и получе-

ния контроля над ресурсами. Новая западная стратегия направлена на установление контроля над Причерноморьем. Энергетические запасы данного бассейна привлекают Европу разнообразием транспортных безопасных путей. Энергетические причерноморские ресурсы должны обеспечить процветание европейским государствам на несколько десятков лет вперед. Новая стратегия, разработанная евроатлантическим сообществом для Причерноморья, начинается с построения стратегических отношений со странами Черного моря. Так, ЕС начала продвигать «Соседскую Политику». С этого момента начинаются разговоры о расширении Европы еще дальше, и ЕС заявляет о том, что либерализация торговли с причерноморскими странами может дать положительные результаты на региональном уровне [4, с. 379–383].

НАТО, в свою очередь, разрабатывает программу, которая направлена на двустороннюю региональную кооперацию. Механизмы военно-технического сотрудничества разработаны программой НАТО «Партнерство ради мира» [2]. Также должны быть приложены усилия совместно с ООН для разрешения замороженных конфликтов и развития новой динамики демократических реформ в Причерноморье.

Стратегия и планы западных держав разработаны, но существует несколько препятствий для полноценного осуществления поставленных целей и задач. Следует помнить о слабой развитости региона без чувства единства и принадлежности к единой региональной общности. Реформы, которые проводятся внутри причерноморских государств, тормозятся за счет замороженных конфликтов на их территории: в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Из-за этого Причерноморье не может полностью направить всю энергию и ресурсы на развитие как внутренней, так и внешней политики. Правительства стран региона не готовы проходить тот путь, что проходили страны Центральной и Восточной Европы. Украина, Армения, Азербайджан и Грузия, считали, что готовы встать на демократический путь развития. Однако, их выбор оказался достаточно негативным и тяжелым опытом. Но благодаря механизмам публичной дипломатии и теневой политики НАТО и ЕС, в странах Причерноморья формируется новое поколение политиков – реформаторов, которые готовы принять западные ориентиры.

Из экономической и политической слабости вытекает такая проблема, как нежелание Запада «тянуть» страны Черного моря. Государства Запада ведут политику двойных стандартов в отношении стран Причерноморского региона. ЕС не нуждается в новых экономически нестабильных государствах в своем круге, нужна только в энергетических ресурсах и рынках сбыта. Кроме экономических проблем, встает проблема «европеизации» населения стран Причерноморья. Историческая двойственность вызывает скептицизм по отношению к этим странам и перспективам их вступления в ЕС.

Но кроме этих препятствий существует еще одно, не менее важное – Россия. А именно укрепление российских позиций на международной арене, а также установление монополии на энергетические ресурсы усложняет процесс переговоров между сторонами. Внешняя политика Российской Федерации нацелена на защиту своих геополитических интересов и безопасности. Так, в 1992 г. была создана Организация черноморского экономического сотрудничества. Россия является активным участником в работе ОЧЭС. Большое внимание уделяется именно проблематике, связанной с региональным и научным сотрудничеством. Исходя из этого, были созданы еще две организации – Международный центр водных проблем и Региональный инновационный центр. Значительную работу в деятельности ОЧЭС по науке и технологиям проявляет Кубанский государственный университет. В 1998 г. был открыт информационно-аналитический центр моделирования эколого-экономических систем Черноморского региона. Кубанским государственным университетом было предложено несколько проектов по предотвращению техногенных катастроф. Краснодарский край играет большую роль в стабилизации ситуации в регионе. В рамках ОЧЭС Краснодарский край активно принимает участие в активизации взаимодействия правоохранительных структур по борьбе с организованной преступностью, терроризмом, поставок оружия, наркотиков [5, с. 8–9].

На сегодняшний день политика России обусловлена увеличением опасности у наших границ, что требует сосредоточенности на развитии средств, удержании места нашей

страны в регионе и обеспечения национальной безопасности. Существенные изменения связаны с воссоединением Крыма с Россией, что вызвало буйную реакцию у стран Запада. Развертывание в Крыму российских дальнобойных зенитных ударных систем обеспечивает полную безопасность и исключает неконвенционное присутствие натовских кораблей в Черном море. Отсюда возникает основная проблема для Запада в проведении своей стратегии. Политический диалог между странами Запада и Россией никогда не достигал конечной цели, в нем явно отсутствовала ясность, и прийти к консенсусу было невозможно. До сих пор ЕС и США не нашли способа, как обсуждать вопрос Причерноморья с Российской Федерацией. Существуют опасения, что установление западного контроля над регионом Черного моря спровоцирует конфронтацию с Россией и отношения станут еще более напряженными. Из всего этого выстраивается потребность в построении стратегии взаимоотношений с Россией. На сегодняшний день она является одним из ключевых игроков на международной арене, имеет свои собственные интересы и цели в Большом Причерноморье.

Исходя из этого, страны Запада будут вынуждены в процессе соперничества с Россией учитывать её национальные интересы и вырабатывать единую стратегию коллективной безопасности в Черноморском макрорегионе.

Источники и литература.

1. Асмус Р. Геополитика: Большое Причерноморье [Электронный ресурс] // Сайт «Интернет против телеэкрана. Информационно – аналитическое издание». Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/common/67/>
2. Белоногов А. Л. Перспективы расширения программ партнерства НАТО в начале XXI века: постсоветское пространство, Балканы, «контактные страны» [Электронный ресурс] // Сайт «КиберЛенинка». Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rasshireniya-programm-partnerstva-nato-v-nachale-xxi-veka-postsovetskoe-prostranstvo-balkany-kontaktnye-strany>
3. ЕС огласил «стратегию» по завоеванию лидерства в Черноморском регионе. [Электронный ресурс] // Сайт «Военное обозрение». Режим доступа: <http://topwar.ru/5419-es-oglasil-strategiyu-po-zavoevaniyu-liderstva-v-chernomorskom-regione.html>
4. Тарлинский В.Д. Трубопроводы – инструмент геополитики? М.: МИК, 2009. 382 с.
5. Юрченко И.В., Донцова М.В Региональная безопасность Краснодарского края в контексте политических процессов в Черноморском макрорегионе: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. 128 с.

IV

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Гутник О.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Развитие российского правового государства невозможно без реальной защиты прав и свобод человека и гражданина. Преступность является не только постоянной преградой на этом пути, но и одной из основных угроз национальной безопасности любого государства. В условиях временной нестабильности в условиях переходного периода в Крыму, криминал пытается реализовать свои интересы через политические институты и экономику. Преступная деятельность стремится повышать свой профессиональный уровень, поэтому, возникают новые «интеллектуальные» виды преступлений. В указанных условиях все большее распространение и развитие получает такое негативное социальное явление, как противодействие деятельности правоохранительных органов.

На противостояние между преступниками и правоохранителями вместе со служителями Фемиды обращали пристальное внимание основатели отечественной криминалистики. Проблема распознавания неправдивых показаний свидетелей и обвиняемых, симуляция болезней и так далее интересовали ученых более чем столетие назад. Историки права отмечают, что первым в конце XIX столетия на проблему противодействия расследованию преступлений обратил внимание Г. Гросс в труде «Руководство для судебных следователей как система криминалистики». В книге Г. Гросс рассмотрел вопросы ложных показаний и притворства (симуляции недугов) со стороны обвиняемого или важного свидетеля при допросе, тайнописи и жестов преступников, приемов противодействия расследованию, а также взаимодействия следователя и прессы [1, с. 346–401].

На эту же проблему обратил внимание ученый-криминалист Р.С. Белкин, который рассмотрел сокрытие преступлений как форму противодействия расследованию [2]. Именно им была впервые обоснована возможность существования самостоятельного способа сокрытия преступления, отдельного от способов его подготовки и совершения, а также определена классификация способов сокрытия [3]. По мнению В.В. Трухачова, противодействие расследованию является основным, но не единственным способом (формой) сокрытия преступной деятельности [4, с. 29–30]. С.Ю. Журавлев вообще считает противодействие способом, направленным на реализацию сокрытия преступления [5, с. 9–10].

Исторически значимой в процессе исследования проблем противодействия является идея В.Н. Карагодина, который выделяет противодействие расследованию как самостоятельные действия. По мнению ученого, противодействием являются умышленные действия (или система действий), направленная на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу, достижению других целей предварительного расследования [6, с. 35].

Большой вклад в исторический анализ такого явления, как противодействие расследованию и разработке методов (способов) по его преодолению, внес ученый - криминалист С.Ю. Журавлев, который связывает противодействие расследованию с деятельностью организованной преступности [5, с. 11].

Историзм и методы его реализации в части процесса становления частной криминалистической теории противодействия расследованию и мер по его преодолению имеет место в виде трех этапов, каждому из которых свойственна специфическая характеристика сущности и содержания этого явления и определенный перечень мер по его выявлению и преодолению:

1-й этап – с середины 1960-х годов до конца 1980-х годов – формирование учения о сокрытии преступления, как одном из трех элементов его способа;

2-й этап – 1990-е годы – до принятия УПК РФ 2001 года – характеризуется активизацией организованной преступной деятельности и противодействия ее расследованию как элемента организованной преступной деятельности, все более широким использованием в этих целях способов физического воздействия на источники и носители розыскной и доказательственной информации;

3-й этап – с 2001 года по настоящее время – характеризуется резким увеличением противодействия в системе уголовно-процессуальных отношений и влиянием на процесс их реализации коррупции, прежде всего, в структурах органов власти.

Все три этапа характеризуются ростом общественной опасности организованной преступной деятельности, противодействия расследованию совершаемых в ее рамках преступлений, а соответственно, особенностями способов его осуществления [7, с. 335]. Следует согласиться с данным мнением. В дополнение к третьему методу хотелось бы отметить мнение некоторых ученых, которые утверждают, что в литературе почти не указывается на такую форму противодействия расследованию, как неправомерное использование отдельными участниками процесса своих прав, предусмотренных действующим законодательством. Речь идет о случаях, когда, внешне соблюдая все определенные законом процедуры, заинтересованные лица фактически злоупотребляют своими правами, целенаправленно используя предоставленные возможности для затягивания следствия, сокрытия документов и других доказательств совершения преступления, влияния на свидетелей, потерпевших, должностных лиц, производящих дознание и следствие, в том числе с целью создания условий для принятия последними незаконных решений и т.п. [8, с. 25–32].

Позволим себе с этим не согласиться. Неправомерное использование участниками процесса своих законных прав выглядит несколько нелогичным. Если лицо выходит за рамки дозволенного законом, то наступает предусмотренная им ответственность. Однако и здесь речь идет не о правах, а о полномочиях; положение лица, используемое для обеспечения возможности реализации предоставленных ему прав (например, ст. 285 УК Российской Федерации «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 286 УК Российской Федерации «Превышение должностных полномочий»). Если же лицо активно реализует предоставленные ему в соответствии с законом права и не злоупотребляет ими, то это не противодействие, а принцип состязательности уголовного процесса в действии.

Таким образом, соответствующая деятельность должна рассматриваться как противодействие расследованию только в том случае, если она носит противоправный характер. Действия или бездействие лица, осуществляемые в рамках закона, являются в данном случае реализацией лицом права на защиту. Определенная возможность противодействовать расследованию со стороны подозреваемого, обвиняемого (а в определенных случаях и их близких родственников) закреплена уголовно-процессуальным кодексом как право на защиту от необоснованного обвинения в совершении преступления. В частности, в соот-

ветствии с ст. ст. 46, 47 УПК Российской Федерации они имеют право давать объяснения и показания либо отказаться от их дачи, пользоваться помощью защитника и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса, приносить жалобы и т.д.

Кроме того, определенные действия свидетеля или потерпевшего, например, отказ от дачи показаний, правомерно рассматривать как их право на защиту от провокации и других незаконных действий. Например, вряд ли можно признать противодействием расследованию отказ свидетеля от дачи показаний в отношении своего супруга, близкого родственника, или обращение свидетеля, не явившегося на допрос в результате реально существующей угрозы его безопасности и т.д. [9, с. 18].

Говоря о противодействии расследованию, кратко остановимся на дефиниции понятия. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова противодействие определено как действие, препятствующее другому действию. Противодействовать – оказывать противодействие, препятствовать [10, с. 624].

Философы и психологи определяют термин «противодействие» как *«сопротивление, совершаемое субъектом при каком-либо воздействии на него»* [11, с. 274].

Юристы же считают, что противодействием расследованию преступлений необходимо считать умышленные противоправные действия заинтересованных лиц, направленные на воспрепятствование реализации задач уголовного судопроизводства лицам, которые их расследуют.

Источники и литература.

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
2. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Знание, 1999. 216 с.
3. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА, 2000. 990 с.
4. Трухачев В.В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. 224 с.
5. Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 1992. 18 с.
6. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1992.
7. Тишутина И.В. О развитии криминалистической теории преодоления противодействия расследованию преступлений [Электронный ресурс] // Сайт «Вопросы криминалистики». Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-razviti-kriminalisticheskoy-teorii-preodoleniya-protivodeystviya-rassledovaniyu-prestupleniy>; http://discollection.ru/article/12072013_125848_tishutina/3
8. Геселев А., Щербакова А. Теоретические и практические аспекты проблематики противодействия расследованию // Вестник прокуратуры. 2008. № 1 (79). С. 25–32.
9. Федоренко А.Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: Юрид. ин-т МВД РФ, 2001. 213 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА*М. – НОРМА, 1998. 488 с.

УДК 93/94:316.613.5]:004

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ РОССИИ И ЗАПАДА:
РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО)****ДЕМЕШКО Н.Э.****Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского**

Информационные войны являются составной частью системной конкуренции между великими державами, основная цель которых является достижение наиболее благоприятного пространственного положения, включающее обладание различными видами ресурсов в самом широком понимании последнего термина – от человеческих до углеводородных. С древних времен противоборствующие стороны пытаются оказать воздействие на противника посредством разных механизмов. Классикой такого влияния субъектов является выражение следующей парадигмы – войны выигрываются до их начала.

После распространения грамотности и внедрения соответствующих технических возможностей, влияние на народы и целые цивилизации происходит посредством различных видов СМИ, книг, газет, журналов и социальных сетей. В конце XIX – начале XX века газеты являлись важным фактором культурной гегемонии, т.к. отображали повестку дня, и тем самым формировали массовое сознание среднего и высшего элитного класса.

Западные державы имеют обширную практику разработки и использования средств и способов информационного воздействия на человека, *«по данному направлению в ведущих университетах и исследовательских центрах развитых стран созданы и эффективно действуют специализированные научные школы»* [19]. Их разработки применялись иностранными государствами против России, как в «мирный» период, так и при открытых военных действиях, и в годы «холодной войны».

Информационные войны использовались, как подготовительный этап к открытым военным действиям, поскольку *«войны могут выигрываться на поле боя, а проигрываются в сознании людей»* [21]. Так, в 1820 году англичане запустили проект «русофобия», который являлся подготовкой к Крымской войне.

В годы открытых военных столкновений западными государствами осуществлялась поддержка оппозиции правительств неприятельских стран, пропаганда с целью разложения армии и населения неприятеля. *«Именно Англия оказалась самой подготовленной к информационному противоборству в ходе Первой мировой войны. Своим победам на информационном поле она обязана, прежде всего, такой фигуре, как лорд Нортклифф, газетному магнату, возглавлявшему во время войны английскую пропаганду в отношении неприятельских стран»* [19].

Классическим примером информационной войны можно считать «холодную войну» 1945–1991 годов, важной составляющей которой являлось идеологическое противостояние, осуществляемое с помощью средств массовой информации. Так, в 60–70-е годы XX в. возникает кризис советской идеологии. Происходит разложение верхних и нижних слоев общества, утрата образа будущего развития государства. Именно в этот период зарождается недоверие населения к советским СМИ и возникает массовый интерес к западным газетам, радио и другим средствам массовой информации. Перестройка также являлась частью информационной войны, целью которой было формирование у населения мнения о необходимости внедрения в западный проект и обновления государства. Политика гласности скомпрометировала правящую партию, происходила пропаганда подмены ценностей у населения, исчез советский патриотизм. Вся «холодная война» базировалась на механизмах пропаганды. Информационные технологии решили исход холодной войны.

После 1991 года информационная война против России идет по нарастающей и будет усиливаться. С помощью пропаганды происходит навязывание населению РФ чувства ви-

ны за историю своего государства. Это прослеживается в попытках западных государств выставить Россию как агрессора.

Россия на протяжении всей своей истории проигрывает Западу информационную войну, внутри страны и во внешней политике (исключением являются 30–60-е годы прошлого века) поскольку не имеет четко сформулированной идентичности и проекта будущего вектора развития страны [16].

Современная информационная война является важнейшей угрозой безопасности РФ: она позволяет иностранным государствам решать свои внешнеполитические задачи в отношении России без ведения военных действий и человеческих потерь. Методы информационных войн могут применяться западными государствами с целью разжигания локальных национальных конфликтов на территории России.

В настоящий момент, с целью уничтожения РФ, *«Европа, Турция, США осуществляют проект «столкновений цивилизаций» на ее территории с помощью инструментов «мягкой силы»: принципов «умеренного ваххабизма», финансовой поддержки оппозиционных правительству РФ мусульманских СМИ, финансированию мусульманской оппозиции. Главной целью коллективной игры против России является гражданская война в России, которая должна пройти именно по религиозным линиям»* [24, с. 52–53].

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 году перед российской элитой возник целый ряд проблемных вопросов стратегического и тактического характера в различных сферах развития государства. Но одним из важнейших является вопрос интеграции Крыма в условиях мультикультурного населения полуострова. Последний фактор активно использовался после распада СССР с целью изменения ментальной карты Крыма и выхода его из сферы влияния России. На протяжении более чем двух десятилетий применялись системные технологии в культурной, научной и информационной сферах с целью формирования антироссийского мировосприятия у крымских татар. На этих идеях выросло целое поколение, а с учетом негативной мифологизации совместного исторического прошлого России и Крыма, фактора депортации, и отсутствия системной встречной деятельности России в сфере «мягкой силы», необходимо констатировать, что данная проблема носит долговременный исторический характер и нуждается в системном научном подходе.

Для формирования антироссийских взглядов у крымскотатарского населения происходило использование исторического и культурного наследия данного этноса. С целью достижения необходимого результата искажались политические взгляды и общественная деятельность национальных героев. Это явно прослеживается на примере деятельности одного из наиболее выдающихся представителей крымских татар И. Гаспринского. Он был редактором и издателем первой тюркоязычной газеты Российской империи «Терджи-ман» («Переводчик»), начало издания которого было приурочено к 100-летию присоединения Крыма к России [12, с. 7].

Периодическое издание выходило с 1883 по 1918 гг., его формат был информационно-просветительским, в нем освещались все наиболее яркие и важные события конца XIX – начала XX вв. [22].

При изучении историографии были выявлены противоречивые сведения относительно политических взглядов Исмаила Гаспринского. Это объясняется тем, что историческая наука – поле информационной войны. При этом, *«сам исторический процесс, сама история, как наука, находится в методологических рамках интерпретации, которые существенно варьируют возможности получения, трактовки и прикладного применения исторических знаний. Можно выделить три закона исторической науки: 1) история является основой любой политической идеологии; 2) историю пишут победители, т.е. элиты, которые победили в политической борьбе с внешними или внутренними конкурентами; 3) нет предела интерпретации исторического факта»* [17].

Что касается И. Гаспринского, то его наследие, как авторитетного, видного деятеля мусульман Российской империи и национального героя крымских татар, активно использовалось в информационной войне против России. Историография, посвященная этому общественному деятелю, реформатору и редактору газеты представлена четырьмя основными направлениями.

1. Работы антироссийской направленности [8, 9, 13, 15, 23, 25], изображающие И. Гаспринского борцом с царским самодержавием.

2. Работы пророссийской направленности [10, 18]. Их основной концепцией была демонстрация И. Гаспринского как русского патриота.

3. Исследования авторов, которые избегали политической окраски деятельности просветителя [11, 14, 26].

4. Исследования неоднозначной направленности [20].

Являясь сторонником «красного проекта» развития России, Ю. Османов выступал с резкой критикой царского режима, называя ее «национальным гнетом», политикой «обрушения и ассимиляции» [20, с. 14]. Но при этом, исследователь называл авторов, изображающих И. Гаспринского ненавистником России, тюркофилом и панисламистом «врагами советского народа и дружбы народов, врагами партии, поднявшими руку на революционные завоевания народов, на ленинизм» [20, с. 48]. Автор утверждал, что происходила явная фальсификация культурного наследия крымских татар для разобщения советского народа и разжигания национальной розни [с. 49]. При этом, автор изображал И. Гаспринского приверженцем обновленной России.

Для изучения информационных технологий, используемых против России, целесообразно сделать акцент на рассмотрении и характеристике работ первой группы. Исследования антироссийской направленности публиковались после целенаправленного развала СССР и ликвидации российской сферы влияния на территории Крыма. Данные работы, в большей части, финансировались международным фондом «Відродження» и Меджлисом крымско-татарского народа¹. Авторы стремились продемонстрировать И. Гаспринского, как борца с политикой угнетения, проводившейся Российским самодержавием [25, с. 32]. При этом, их исследования отображали различные сферы деятельности И. Гаспринского. Но в данных работах прослеживалась определенная закономерность: политика Российской империи трактуется авторами как колониальная, тормозившая распространение просвещения среди местного населения [8, с. 12; 13, с. 13–14; 15, с. 159–160; 15, с. 162]. Указывается, что царское правительство было не заинтересовано в развитии культуры мусульманских народов [15, с. 172]. Данная терминология применялась не только в отношении Крыма, но и к другим территориям Российской Империи, где проживали тюркские народы. Так, в одной из работ, рассматривающих вклад И. Гаспринского в культурное развитие Туркестана, указывалось, что «...порабощение Туркестана Россией в 60-е годы XIX века и превращение в колонию некогда основанного Амиром Темуром могучего государства не могло оставить равнодушными туркестанских интеллигентов. Они понимали необходимость изменения существующего социально-политического, экономического и культурного состояния края» [15, с. 162].

Крымскотатарский просветитель изображался «изобличителем сущности колониаторской политики царского правительства к малым, в частности, к тюрко-татарским народам». Указывается, что И. Гаспринский «открыто заявлял о политике угнетения, оскорбления, унижения, которая, по сути, направлена к постепенному уничтожению» [13, с. 36–37]. Исследователи утверждали, что И. Гаспринский «восстал против политического строя царской власти, ведущей национальную дискриминацию, политику противостояния одного народа другому...» [13, с. 39].

Данные высказывания в большинстве случаев не подтверждались цитатами из работ И. Гаспринского, либо вырывались из контекста с необходимой для авторов интерпретацией первоисточника. Так, Ф. Зиядинов, касаясь истории функционирования газеты «Переводчик» утверждал, что до 1905 года «... в течение 23 лет на страницах газеты публиковались десятки, сотни обличительных статей, направленных против царского правительства» [13, с. 70].

¹ Согласно постановлению Верховного Суда Республики Крым, организация «Меджлис крымскотатарского народа» признана экстремистской. С 18 апреля 2016 года организация включена Министерством юстиции РФ в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности (прим. ред.).

При изучении первоисточников: «Русское мусульманство», «Русско-восточное соглашение» и «Переводчик-Терджиман» не было выявлено подтверждений тезисов данных исследователей. Анализ работ И. Гаспринского позволил выявить явную пропаганду положительного отношения к царю и демонстрацию патриотизма: *«Верность государю и любовь к родине – наш долг», «многие лета Государю и благоденствие России»* [3]. Автор указывал, что за всю деятельность Государя, крымские татары должны молиться Аллаху за него, так как Аллах предписал повиновение и послушание Пророку и Государю.

Помимо этого, крымскотатарский просветитель демонстрировал привилегированное положение мусульман в России и положительное отношение имперских властей к данному этносу: *«Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы»* [4, с. 22].

«Мы, мусульмане, должны быть особенно благодарны русским и русскому царю, ибо всегда пользуемся уважением первых и милостивым вниманием Государя. Мусульмане живут на Руси совершенно свободно, пользуясь одинаковыми правами с русскими; религия наша уважаема; мечети и школы есть повсюду, где живут мусульмане» [7]. Редакцией газеты «Переводчик-Терджиман» отмечалось, что *«все русские Цари всегда жаловали и охраняли мусульман»* [6].

Редакция газеты систематически приводила пример жизни мусульман во Франции и Англии, где мусульмане притеснены: *«Англичане смотрят на подчиненные народы как на низших людей. О русских людях этого никто не может сказать»* [1]. Указывалось, что в европейских странах мусульманское население, несмотря на подданство, лишено гражданских прав [5]. В России же, ситуация обстояла совершенно иным образом, демонстрировалась свобода вероисповедания, получения образования и возможность продвижения по службе, вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности: *«если только мы пожелаем учиться – все учебные заведения для нас доступны. Если мы будем подготовлены и достойны – нам дают всякие служебные места и служащих государству мусульман немало, начиная с солдат до генерала; с простого писца до высших гражданских чинов»* [7], *«для просвещенного, подготовленного мусульманина в России открыты все дороги»* [3]. И. Гаспринский в своих заметках указывал на наличие мечетей в Санкт-Петербурге, Москве и других городах России и их отсутствие в Париже и Лондоне [2]. Крымскотатарский просветитель считал, что *«... Европа угнетает весь Восток экономически, делаясь зверем каждый раз, когда дело коснется пенса, сантима или пфеннинга, то становится очевидным, что Востоку нечего ждать добра от Запада»* [4, с. 62].

И. Гаспринский в своей работе «Русско-восточное соглашение» четко определял политические задачи Запада: *«Сеять недоверие и вражду к России среди мусульман, представлять ее истребителем и беспощадным врагом ислама и западной культуры – прямой расчет европейцев. Они ловко и систематически эксплуатируют – прошу извинения у русских и восточных дипломатов – недоразумения в отношениях между мусульманами и русскими. Недоразумение это роковое и чрезвычайно выгодно для Европы. Грабить экономически весь Восток, держась на дружеской ноге, и ослаблять Россию периодическими войнами с мусульманами, снаряженными и вооруженными западными друзьями – вот политика, от которой Запад, во всяком случае, ничего не теряет, ибо даже освобождаемые Россией мелкие народности, родственные ей, за исключением славной Черногории, тянут свои ручки к Западу, пока не нужна помощь мощной братской России»* [4, с. 63].

На основании исследования первоисточников можно сделать вывод, что деятельность И. Гаспринского не являлась антироссийской, а напротив, была направлена на формирование идентичности крымскотатарского мусульманства и, таким образом, укрепляла Российскую империю. Крымскотатарский просветитель, являлся по своим убеждениям российским патриотом, выступал за сближение мусульманского Востока с Россией. Изучение историографии, посвященной деятельности И. Гаспринского, позволяет сделать вывод, что проблемы истории крымских татар в России активно используются в информационном противостоянии между великими державами, что служит основанием для более широкого заключения – с целью формирования у крымских татар антироссийского мировос-

приятия, на протяжении последних нескольких десятилетий происходит целенаправленное искажение культурного наследия И. Гаспринского.

Источники и литература.

1. Вопросъ просвещенія русскихъ мусульманъ // Переводчик. Бахчисарай, 1883. № 23.
2. Гаспринский И. Нѣсколько дней въ Стамбулѣ... // Переводчикъ. Бахчисарай, 1885. № 16. С. 27.
3. Гаспринский И. Объ изданіи въ 1885... // Переводчик. Бахчисарай, 1885. № 1.
4. Гаспринский И. Россия и Восток. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 132 с.
5. Законъ о мусульманахъ... // Переводчик. Бахчисарай, 1884. № 11.
6. Отделение Крестьянскаго поземельнаго Банка... // Переводчик. Бахчисарай, 1884. № 24.
7. Разныѣ вѣсти... // Переводчик. Бахчисарай, 1888. № 42.
8. Аблаев Э.А. Исмаил Гаспринский – гуманист, педагог, просветитель. Симферополь: Таврия, 2010. 156 с.
9. Беннигсен А.А. Исмаил Бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидского движения в России // Россия и Восток. Казань: Фонд Жиен, Татарское кн. изд-во, 1993. 132 с.
10. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 289–303.
11. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь: Доля, 2000.
12. Исмаил-бей Гаспринский (Гаспралы): из наследия / сост. Ю. Кандымов и др. Симферополь: Таврия, 1991. 64 с.
13. Исмаил Гаспринский – великий просветитель. Симферополь: Тарпан, 2001. 256 с.
14. Исмаил Гаспринский: историко-документальный сборник / сост. С. Рехимов. Казань: «Жиен», 2006. 544 с.
15. Исмаил Гаспринский и Туркестан / ред. Н.Ф. Каримов. Ташкент: Шарк, 2005. 288 с.
16. Ирхин А.А. Информационная война и «мягкая сила» России: причина упущенных возможностей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newworldsystems.ru/blog/5232.html>
17. Ирхин А.А. Проблемы методологических подходов к пониманию российской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newworldsystems.ru/blog/5219.html>
18. Климович Л. На службе просвещения: о первой тюркоязычной газете «Терджиман» и ее издателе И. Гаспринском // Гаспринский И. Из наследия. Симферополь: Таврия, 1991. С. 4–22.
19. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru/text24/0038.htm>
20. Османов Ю.Б. Из плена лжи: научные статьи о творчестве и деятельности Исмаила Гаспринского. Симферополь: Доля, 2001. 256 с.
21. Почепцов Г.Г. Информационные войны: тенденции и пути развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psyfactor.org/psyops/infowar7.htm>
22. Сеитмететова С.А. Жанры и типы публикаций в газете «Терджиман» // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 43–51.
23. Усманов М.А. О триумфе и трагедии идей Гаспринского // Россия и Восток. Казань: Фонд Жиен, Татарское кн. изд-во, 1993. 132 с.
24. Хизриева Г.А. Политическая концепция «русского мусульманства» Исмаила Гаспринского и новые задачи мусульманского сообщества России // Россия и Крым: 1000 лет вместе; сб. ст. памяти академика Б.Д. Грекова / под ред. Д.М. Володихина. М.: РИСИ, 2015. 102 с.
25. Червоная С.М. Идея национального согласия в сочинениях И. Гаспринского // Отечественная история. 1992. № 1. С. 158–165.
26. Шакир-Алиев Р. Восемь шагов по следам учителя. Восемь статей о взглядах И. Гаспринского. Симферополь: Доля, 2011. 80 с.

УДК 32:94(477)

БАТУРИНСКИЙ МИФ КАК КОНЕЦ СВЕТА ПО-УКРАИНСКИ

Ставицкий А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Чем больше Украина погружается в кризис и агонизирует, тем острее и очевиднее для неё является тема Апокалипсиса, которую в украинской мифоистории лучше всего воплощает т. н. батуриноский миф. В нём сюжет украинского Конца Света и «Страшного суда» представлен как массовая резня, которую якобы устроили драгуны князя А.Д. Меншикова после бегства и измены гетмана Я. Мазепы. Так сам культ «батуриноской резни» вынуждает украинцев мыслить в режиме Апокалипсиса.

Вот, что будет с нами, если мы поверим врагу, гласит миф о Батурине. А само погружение Украины в Россию через постепенную ликвидацию её автономных прав воспринимается воспитанными в мазохистских традициях Т. Шевченко и И. Франко как процесс её поедания, где Украина оказалась в плену России, не понимая своей украинской сущности и рабского состояния. И только великому «кобзарю» Тарасу Шевченко, подобно легендарному Орфею, удалось пробудить своими виршами Украину от этого колдовского летаргического сна. А теперь надо выполнить его заповит: кайданы порвать и злою вражьей кровью волю окропить. И только тогда Украина полностью проснётся и снова станет сама собой.

Что получилось, когда Украина проснулась, мы уже видим. И за «восстание живых мертвецов» на Майдане она уже заплатила немалую цену. И заплатит ещё. Но мало кто отдаёт себе отчёт в том, что в майдане, войне и последовавшем за ними обрушении Украины маячит призрак батуриноского мифа.

Как же этот миф работает?

«Батурин» нужен «мазепинцам», чтобы не мелела «украинская память». Та «память», без активизации которой с помощью «батурина», «крут», «конотопа», «голодоморов» и «чернобыля» никак, согласно украинскому проекту, сознательного украинца не создать. Память, построенная на своей особой украинской метаистории [См.: 5]. А была или нет на самом деле «батуриноская резня», никакого значения для украинского патриота уже не имеет. Именно поэтому можно утверждать, что причины наличия «батуриноского» лобби связано не с тупостью и примитивизмом т.н. украинской «элиты», в основном представленной скрытыми и явными «мазепинцами» по духу и мировоззрению, а с тем, что батуриноский миф «работает» на определённый политический интерес и выстроенную под него стратегию. Он включён в соответствующую принципам «мазепинцев» идеологическую парадигму и обслуживает связанную с ней политическую систему. Значит, он нужен и в каком-то смысле незаменим, потому что является символом с одной стороны – гетманской (украинской) власти, а с другой – её уничтожения, позволяя в апофеозе локального (украинского) страшного суда осуществить не имевшее место в истории единство власти и народа, которых уравнивали перед Богом и историей «палачи» А.Д. Меншикова. Уравнивали в мифе, показывающем, где свет, а где тьма, где добро, а где зло. Естественно, зло и добро по-украински.

С этой точки зрения «батуриноская резня» – обязательный и не подвергаемый сомнению элемент украинской исторической мифологии, без которого мифологическое оформление украинского проекта невозможно. «Для меня Батуриноская трагедия созвучна с Голодомором 30-х., – заявлял в своё время В.А. Ющенко. – У нации есть выбор: помнить исторические трагедии и осознавать их уроки, или снова их переживать. Будущие поколения будут вынуждены расплачиваться за нынешнее духовное увечье. Возрождение Батурина – наш гражданский долг» [10]. И все «мазепинцы» с ним согласны. В первую очередь потому, что оба этих мифа подаются как однозначно понимаемый геноцид. А это значит, что:

– «в Батурине с помощью русского оружия и репрессий на некоторое время было подавлено волю [орфография автора – А.С.] украинского народа к независимости, то есть построению суверенного национального государства»;

– «количество жертв и жестокость, с которой русская власть наказывала "мазепинцев", достигают масштабов "гуманитарной" катастрофы» [10].

Именно поэтому «мазепинцы» предлагают актуализировать тему Батурина как «исторического феномена» [10]. Но, как уже было отмечено, правильное его называть не историческим феноменом, а мифологическим. И в том, что «мазепинцы» одно с другим как бы «путают», проявляется их общий системный подход, смысл которого в том, чтобы перевести историю в мифологическое поле, выдавая за свою «правду», а мифологию подчинить политическим установкам.

Естественно, мы далеки от желания во всём обвинять мифы, которые, будучи «фактами сознания», не являются чистой ложью, но проявляют себя как образно-символически отражённая реальность. Ведь свои мифы мы создаём сами в соответствии со своими страхами, мечтами и желаниями. Следовательно, проблема не в мифе, а в его характере и смысловой направленности. На что он направлен? К чему зовёт? На что вдохновляет? Чем предлагает жертвовать? Какие задачи преследует? Если созидания и поиска высокого, это одно. Но если он «работает» на разобщение и актуализацию реальных и воображаемых «исторических обид», это совсем другое [См.: 6]. Если миф прибавляет исторического позитива и множит потенциалы разного, это здорово. Но если он способен лишь разделять и отнимать, если плодит истерию и множит ненависть, если воспитывает в злобе и зависти, вряд ли стоит на такой миф делать ставку, потому что это ни к чему хорошему не приведёт.

В этом смысле отсутствие конструктивного диалога в науке является своеобразным отражением политики, где политикам не получается договориться даже в мелочах. Что же говорить о ключевых, концептуальных, мировоззренческих, стратегических вопросах, от которых зависит будущее Украины? Нет договоренностей – нет и будущего. Простая арифметика, помноженная на исторический процесс. Хотите, чтобы у Украины было будущее? Научитесь слушать и договариваться. Не достойны понимания? Значит, не достойны и будущего. И в этом смысле всем, кто любит Украину и связывает с ней своё будущее, стоит понять, что будущее всегда отворачивается от тех, кто нечестен и хочет добиться его свершения путём обмана и манипуляции [См.: 8]. А мифы являются для манипуляторов слишком большим искушением, чтобы попытаться их избежать.

Как же описывают свой Страшный суд украинцы?

Трагедии Батурина посвящено довольно много литературных произведений. И количество их продолжает расти. Однако среди общего числа следует выделить несколько произведений, где Батури́нский миф прозвучал с особой силой. В первую очередь в данном случае речь идёт о повести Богдана Лепкого «Бату́рин», поэме «Бату́рин» Ольги Бабий, романе Романа Иванчука «Орда» [См.: 2], а также сборнике поэзии Ивана Шкурая «Бату́ринська голгофа» [См.: 9].

Кстати, в двух последних названиях не только воплощается апокалипсическая тема, но и отражается символически означенное отношение к России («Орда») и к исторической судьбе Украины после разгрома Батурина («Бату́ринская голгофа»), которые в совокупности составляют некое телеологически оформленное смысловое единство украинского исторического бытия, когда за украинской голгофой будет опять же украинское воскресение. Однако когда начнётся это украинское воскресение, совершенно не понятно, несмотря на провозглашённую независимость. И, возможно, так происходит потому, что вообразить очередную «голгофу» и выдумать мешающую Украине воскреснуть новую «орду» куда легче, чем начать работать на требующее интеллектуальных усилий национальное возрождение. Проще вырастить «бату́рин» в головах и пестовать его из поколения в поколение, натравливая один народ на другой, чем жить общим великим будущим и создавать его шаг за шагом, несмотря ни на что.

Посмотрим же, как описывали украинский Апокалипсис в Батурине эти авторы. Так, как явствует уже из названия, особое место Р. Иванчука уделяется «палачам» Батурина,

которые представлены как страшная, безликая и беспощадная в своей дикости «Орда», более похожая на банду орков, свору мутантов, племя кровожадных каннибалов, зомби, а не людей: *«Орда уже ревела жутким ревом... рубили саблями и боевыми топорами козацкие головы, удары падали на спины и затылки; женщины выбегали на стены и бросались на верную смерть в Сейм... Ордынцы ревели уже в Батурине – там лизнули насупленное [насурмонене – укр.] небо первые языки пожаров»* [2].

Развивая эту тему, другой автор, поэтесса Ольга Бабий, оставила о Батурине такие строки: *«А далі було праці не так і багато. / Просто різали всіх -/ старого й малого. / Кого застали у ліжку, / а кого – стоя. / Замкнула очі повік / козацька Троя...»*. Что позволяет выстроить поэтическую традицию от Гомера, заложив с его помощью основу для украинской Илиады, которая особенно эмоционально описывается у Богдана Лепкого [См.: 4].

Вот, например, как он расписывает пожар в Батурине, который, по его мнению, устроили сами жители: *«Так горячо было, что стекла из окон плавилась и катились блестящими шарами. Будто город плакал последними, жгучими слезами. Во дворах, как горы, лежали живьем зажаренные лошади и коровы. Чувствовался противный запах шерсти, тука и жареного мяса. Зажимали нос, спирали дыхание в груди, чтобы не чувствовать этого, и шли дальше сквозь огненное море»* [4, с. 376], в котором *«сотни людей перемалывают в безобразную кучу человеческого мяса и гноя. "Ту-у! У-у! О-о!"»* [4, с. 390–391].

Однако самые душераздирающие картины Б. Лепкий описал, когда дошёл до «резни»: *«Москали заливают Батури́н. Тушат пожар кровью и трупами людей. Живых бросают туда, детей, что отбились от родителей и бегали по городу, отчаянно прося спасения, ловят их с наслаждением, которого не обнаруживают даже звери, издеваются над жертвами своими, бросают в жар, как на сковороду мясо, как вареники в кипятки. Занимается одежда, жарится живое человеческое тело, и противный запах разносится кругом ...*

– Нелюди! Звери! – Визжат женщины, бросаясь, как львицы, на ратников царских, но их отчаянный крик встречается с тупоумными насмешками ... "Вот вам!" – Они за волосы волокут обездоленных женщин, пробивают их штыками, разбивают головы прикладами ружей ...

Даже старцы и калеки, что ютились под стенами, так как никак и некуда им было бежать, не находили пощады. И их убивали беспощадно, с глупым и бесцельным рвением, с охотой истребить все, что выявляло проявление жизни, что имело подобие человеческого...» [4, с. 406].

Впрочем, возможно, Р. Иванычук превзошёл Б. Лепкого по кровожадности: *«Точно болотный чорторый, вспучивалась из под земли грязной лавой орда и заливала майдан гетманского двора на Гончаровке, что за полверсты от Батурина. В ранних ноябрьских сумерках ... орда уже ревела диким рёвом, тот страшный рёв, осквернявший Бога и людей, морозил кровь в жилах; москали стреляли в упор, рубили саблями и боевыми топорами козацкие головы, удары падали на спины и затылки – сопротивления не было; женщины выбегали на стены и кидались на верную смерть в Сейм; те, что с детьми, прятались в подвалах; мясники связали полковника Чечеля, коменданта Батурина, вязали и есаула Кенигсека, хотя тот захлёбывался кровью от раны топором в грудь и умирал ... Ордынцы ревели уже в Батурине – там полыхнули в темное небо первые языки пожаров, а на Гончаровке заканчивался дикий содом: кого волокли в плен, отсекая захваченным носы и уши, женщин раздевали, саблями резали груди, вбивали в животы пики, казаков привязывали к доскам и кидали со стен в глубокий Сейм»* [2].

Вот такое страстное изложение собственных фантазий. И зачем украинцу при этом знать, что в действительности:

– никакой массовой резни в Батурине не было, а документальных подтверждений её не представлено украинскими историками до сих пор, несмотря на обещания [См.: 7];

– река Сейм находится от стен Батурина на расстоянии от 150 до 300 метров. Поэтому описания, как батуринцы «кидались в Сейм» или *«казаков привязывали к доскам и кидали со стен в глубокий Сейм»*, можно рассматривать только в порядке бреда;

– исполнявший обязанности коменданта полковник Чечель бежал из крепости, не получив даже ранения, но через несколько дней был выдан российским властям своим родственником, у которого он укрылся.

Как видим, воображение украинских сочинителей не подводит. При этом стоит заметить, что есть сочинения и пострашней. Но и данных описаний достаточно, чтобы понять их характер и общую направленность.

В связи с этим отметим ещё кое-что. В своё время, взявшись изучать творчество и жизненный путь Т.Г. Шевченко, украинский писатель О. Бузина, столкнулся с описаниями казацких кровавых «бенкетов», которые устраивали по отношению к своим жертвам гайдамаки, и был настолько поражён, что пришёл к выводу, что только крайне кровожадный человек может вообразить такое. Так родилось название его книги «Вурдалак Тарас Шевченко» [См.: 1]. Аналогичный вывод напрашивается, и когда читаешь вышеназванных авторов. Особенно, если знать, что, в отличие от гайдамацких «бенкетов», ничего подобного после взятия Батурина войсками А.Д. Меншикова не совершалось.

Но чего ни придумаешь, если в сознании полыхает ненависть и война? И так хочется передать их ощущение новым поколениям украинцев. Хотя тогда вполне резонно полагать, что придуманные украинскими историками, писателями и поэтами мифологические сюжеты, кодируя сознание молодых и психологически не защищённых от подобного рода атак украинских граждан, могут нанести им такую душевную травму, за которую будут расплачиваться жизнями другие ни в чём не повинные люди, как это происходит на Донбассе.

В этом смысле напомним: в эзотерике полагают, что с книгой, которая несёт подобный суггестивный заряд, может произойти странная, но вполне предсказуемая вещь, когда книга как бы напроорочит то, что в ней описано, дабы оно произошло в реальной жизни. Именно это нам и следует ожидать на Украине. Именно это в современном варианте, собственно, на Украине уже происходит. И сие крайне печально.

Впрочем, на этом наш анализ не заканчивается, так как, помимо вполне конкретных политических, культурных и психологических установок, батуринский миф несёт в себе ряд не совсем стыкующихся тем, которые при более внимательном рассмотрении не только вызывают недоумение, но и такие ассоциации, которые позволяют взглянуть на освещение «батуринской резни» совсем с другой стороны.

В самом деле, если в поэме «Гайдамаки» Т.Г. Шевченко напроорочил Украине Конец света, то что тогда сказать про тех, кто культивирует «батуринскую резню»? Что они своими фантазиями пророчат Украине? Тем более, что в «Гайдамаках» казаки устраивают «страшный суд» над поляками и евреями. А в «батуринской резне» как бы «судят» уже самих украинцев. Так о чём это говорит? Трудно найти в украинской истории такое событие, которое могло бы одновременно символизировать и величие, и крах «украинской государственности», доведённые до масштабов «страшного суда», а заодно так красочно бы показывало последствия победы «тёмных сил» над украинской мечтой, воплощённой в батуринском мифе. Следовательно, помня о Батурине, каждый гражданин Украины осознаёт себя УКРАЙНЦЕМ во всём его смысловом трагизме и «щирости». Но как можно помнить о Батурине и не думать о «страшном суде»? Как быть с этим, если «профессиональные украинцы» настаивают на том, что Украины была, есть и будет всегда?

При этом обратим внимание на то, что если Переяславская рада в представлении «мазепинцев» явилась отказом от «евровыбора», то разгром Батурина покончил с последними надеждами, что он когда-нибудь состоится, потому что в борьбе между «Европой» и «Азией» на Украине под Батуриным и Полтавой победила представленная «московитурской» Ордой «Азия». Та «Азия», которая относительно украинского «космоса», украинского «рая» и «мира живых» выступает уничтожающим его «хаосом», «адам» и «миром мёртвых», пытающимся множить смерть вокруг и жить за счёт живых.

Однако в таком контексте история мифа о «батуринской резне», в свою очередь, обнаружилась у т.н. «украинской элиты» склонность к некрофилии, когда культ виртуальных «мёртвых душ» для власти оказывается на порядок важнее реально живых людей. Ведь эти живые, в отличие от мёртвых, требуют к себе внимания, призывают думать о стране, заботиться о ней. Одним словом, мешают «элите» управлять и пользоваться страной по своему усмотрению. Разумеется, эта некрофилия – особенная. И имеет откровенно политический характер. Её задача – призвать «армию мёртвых» для борьбы с живыми во имя тех целей, которые современные «мазепинцы» считают для Украины сакральными. И по-

тому, в противовес фальшивому трауру скорбящих по воображаемым жертвам «резни», возможно, уместно было бы культивировать праздник в честь воскресших и оболганных. И тогда траур, если и имел бы место, то уже стал бы трауром по тем, кто не использовал свой шанс погибнуть за свободу Украины, а просто остался в живых. Но для «мазепинцев» сей факт – почти равносителен оскорблению. *«Как они могли так поступить: остаться в живых вместо того, чтобы умереть за Украину, дав ещё один аргумент в пользу дальнейшей борьбы за украинские идеалы в будущем?»*

В связи с этим уместно привести ещё одну аналогию, которая используется «мазепинцами» и позволяет в рамках данного мифа выйти на такой уровень экзистенциально оформленной сакральности, который в мифотворчестве игнорировать нельзя. В частности, мы уже сталкивались с тем, что желая показать историческую значимость Батурина для украинского сознания, «мазепинцы» его всё чаще называют украинской Троей, а иногда даже «украинскими Помпеями» [3]. Понятно, что если кому-то так хочется, он может считать Батурин украинской Троей, Римом, Карфагеном или даже Армагеддоном. Однако подобные метафоры не создаются для всестороннего анализа их на предмет соответствия. И не только потому, что даже маломальское сравнение сразу показывает, что ни по сюжету, ни по масштабам, и даже не по влиянию «батуринской трагедии» на развитие украинской культуры данные образы в принципе несравнимы.

Примерно также несравнимы итальянский Пьемонт с украинским, за который со времён М.С. Грушевского пытаются выдать Галичину. Ведь настоящий Пьемонт был экономически развитым районом и центром Сардинского королевства, на основе которого в течение нескольких десятилетий собиралась вся Италия. А Галиция была экономически депрессивным и национально разобщённым аграрно-сырьевым придатком со всеми признаками колониальной зависимости по очереди Речи Посполитой, Австрийской империи, Австро-Венгрии и Польши. И сейчас Галичина также остаётся аграрным придатком, только Украины, не имея ни развитой промышленной базы, ни интеллектуального потенциала, позволяющего предложить общий украинский инновационный проект. Правда, придатком, поставляющим «профессиональных украинцев», которые учат других любить Украину.

Однако преимущественно аграрный и, исповедующий селянскую культуру социум не может предложить ничего инновационного в принципе. И в этом заключается одна из самых больших культурных трагедий Украины сегодня: регион, взявший на себя миссию просвещать страну на предмет символически означенных ценностных смыслов, не способен содержательно подняться над собой и обречён навязывать под лозунгом «бандеризации» всей Украине то, что в перспективе может её только погубить. Значит, «Батурин» для Украины есть тот «вирус», которым её травят, программируя её на раскол и деградацию [См.: 8]. Травят в режиме стратегий не прямых действий, мягко, постепенно, нераспознаваемо через терапию того информационного воздействия, когда культурное пространство некогда полноценной части русской цивилизации сужается как «шагреновая кожа».

Что касается «украинских Помпей», отметим, что в данном сравнении примечательно то, что его, судя по всему, ввели украинские археологи, возможно, имея в виду масштаб и характер произошедшей в Батурине трагедии. Однако у подобной аналогии может быть и другой контекст, о котором профессиональные археологи, даже украинские, могли бы и знать. И он заключается в том, что Помпеи в эпоху Римской империи был городом развлечений, курортным местом отдыха и разврата для богачей, районом «красных фонарей», который был накрыт раскалённым пеплом Везувия практически в соответствии с библейским описанием Содома и Гоморры. И в этом смысле можно считать вполне уместным такую ситуацию, когда «Батурин» станет украинским аналогом «Содома», как места и способа коренной смены своей цивилизационной ориентации, а «мазепинство» – будет восприниматься как своеобразный украинский «содомизм». Что, впрочем, нельзя считать окончательным, хотя тенденции развития данного исторического мифотворчества вполне могут нас в будущем к этому подвести.

Источники и литература.

1. Бузина О. Вурдалак Тарас Шевченко или Поддельный Кобзарь. К.: Арий. 2009. 288 с.
2. Іваничук Р. І. Мальви; Орда: Романи. Харків: Фоліо, 2006. 415 с. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1015237/Ivanichuk_-_Orda.html
3. Катриченко Т. «Скелеты» Батурина // Сайт "Главред". URL: <http://glavred.info/archive/2008/07/18/162533-6.html>
4. Лепкий Б.С. Мазепа: Трилогія / худож. Б.Р. Пікулицький. Львів: Кооператив Манускрипт; Видавництво Каменяр, 1991. Кн. 2, 3: Не вбивай: Історична повість; Батурин: Історична повість. 488 с.
5. Пироженко В.А. Новейшие украинские исторические мифы и российско-украинское гуманитарное сотрудничество: риски и вызовы. URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details677f.html?id=642
6. Пироженко В. Украинский ультранационализм: идеология и ударные отряды // Сайт "Одна Родина". URL: <http://www.odnarodyna.ru/articles/6/675.html>
7. Ставицкий А.В. Мифы Украины: Батуринская резня. Севастополь: Рибэст, 2012. 252 с.
8. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. 748 с.
9. Пікурай І. Батуринська голгофа. Луганськ: Глобус, 2008. 243 с.
10. Червак Б. Кто ответит за Батурин? // Сайт "Українська правда". URL: <http://pravda.com.ua/ru/news/2007/12/3/67656.htm>

УДК 101.1:316:32

РОЛЬ МИФА В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В силу своей универсальности и особой роли, которую миф играет в современном обществе [См.: 10], он не может ограничиваться социокультурными процессами и неизбежно становится инструментом политики – малой и большой. Ведь с его помощью власть может контролировать социум, воздействуя на те сферы человеческого сознания, которые позволяют это воздействие не осознавать [См.: 12].

Поскольку миф и мифотворчество следует рассматривать, как потенциал, абсолютно амбивалентный по отношению к нашим намерениям, миф служит человеку и будет служить, развивая его и настраивая на высокое или множа стереотипы и потакая его низменным желаниям [См.: 9]. Однако если раньше этот процесс протекал преимущественно подсознательно и спонтанно, то, в отличие от былых времён, современное общество может использовать его осознанно и технологически грамотно, рассматривая мифотворчество как метатехнологию [См.: 1].

Эта метатехнология позволяет не только защищаться от чужого информационного воздействия, сохраняя свою социокультурную целостность, но и осуществлять экспансию, вскрывая и осваивая чужие пространства, как консервным ножом банку [См.: 7, 5]. Ведь в рамках отдельных социокультурных пространств современные мифологии являются носителями жизненно важного для общества и страны смысла, где миф выступает механизмом управления сознанием, инструментом современной политики и фактором национальной безопасности, главная задача которого – поиск, обретение или разрушение общего символически означенного для людей сакрального смысла [См.: 13]. Но, благодаря соответствующим мифам, любое социокультурное пространство, подлежащее экспансии, можно заполнить мифами-«вирусами», дабы заблокировать его или переформатировать, как обычную компьютерную программу [См.: 17]. И такие технологии уже давно активно используются, о чём свидетельствует распад СССР [См.: 3].

С этим, в частности, связан процесс т. н. «виртуализации общества», когда построенная на обольщении тотальная реклама стала подменой реальности; защищавшие ранее интересы различных социальных групп партии сведены к имиджу, марке и рекламному слогану; идеология заменена более эффективным в условиях тотальной манипуляции пиаром, а апелляции к общественному мнению подменяются «играми» экспертов с рейтингами. Так, технологии, манипулирующие сознанием, стали основой самого прибыльного бизнеса, включая приспособление сознания под любой имеющийся товар [См.: 4]. И в основе его также лежат мифологии. Ведь миф является основным инструментом социализации и сохранения смысловой цельности социума, а также инструментом развития, коррекции и защиты личной и социальной идентичности [См.: 15]. А власть научилась с помощью мифов контролировать общество и форматировать сознание [См.: 16]. И хотя её возможности всё-таки относительно ограничены, соблазн тотальной манипуляции в новых условиях слишком велик, чтобы им не воспользоваться. Поэтому, в условиях массового использования психотехнологий, знание онтологических начал мифа и мифотворчества [См.: 10] позволяет создать возможности для распознавания и грамотной защиты от вредного мифотворчества чужих элитарных групп и сообществ, включая собственную власть.

Таким образом, возможности и потребности общества в эмоционально сильных и символически насыщенных образах умножаются на политический заказ власти в условиях эпохи тотальных манипуляций, когда мифы позволяют контролировать общественное сознание, а, следовательно, и поведение людей, не прибегая к прямому насилию.

Помимо этого следует отметить, что особую роль в актуализации мифа в нынешних условиях имеют современные глобальные проблемы, воспринимаемые обществом, несмотря на цифры и развёрнутую на их основе системную аргументацию, преимущественно через мифологию. А поскольку глобальный мир качественно меняется, активизируя диалог культур, быстрое изменение образа мира под воздействием тех процессов, которые ранее казались незначительными, сочетается с пересмотром всего, что вчера считалось очевидным. Ведь люди хотят видеть хоть какую-то дающую им надежду логику в том, что сейчас происходит. И мифы эту проблему успешно решают. Причём, возможно, что эти очевидные перемены – лишь подготовка к той точке цивилизационной бифуркации, о которой уже не один десяток лет пишут социологи и футурологи. То есть, речь идёт о глобальном кризисе современных социальных отношений, включающих в себя всю совокупность современных глобальных проблем, где известные нам кризисы последних лет – лишь периодические обострения одной болезни, имеющей не временный, а системный и долгосрочный характер. Он знаменует быструю трансформацию мира и формирование нового мирового порядка на принципах пока контролируемой Западом и проходящей под лозунгом постмодерна глобализации [См.: 18].

Однако, станет ли «глобальный мир» воплощением принципов «открытого общества», «свободы как универсальной ценности», «открытых границ», «универсализма вместо баланса интересов», «гражданского общества», «прав человека» и т.п., подаваемых как универсальные ценности? Или речь идёт о новой «Империи» без границ, матрицей которой выступают США, где вышеназванные ценности вдруг становятся эффективным инструментом влияния [См.: 2, 19]? Пока не ясно. Но последний вариант глобализации грозит стандартизацией и смертью национальным мирам, неся угрозу тем образам, без которых цивилизации и нации не представляют своего существования. По отношению к ней они становятся архаичными и вряд ли смогут ей эффективно противостоять, в той или иной степени расплываясь. Что ждёт их в новых условиях? Как им в таком случае действовать? В чём находить поддержку?

С нами будет то, что мы есть, – считали древние. Но в рамках процесса смыслообразования мы есть то, что думают о нас. А думают то, что знают. Поэтому надо знать, чтобы стать сильнее. Стать сильнее, чтобы выжить в новых условиях. Выжить, чтобы быть достойным того будущего, которое нас ждёт. Ведь сохранение и развитие своих мифов даёт возможность социуму вписаться в новый мир, не потеряв своё лицо. Сформировать цивилизационно оформленный образ будущего и через коррекцию образа постепенно реализовывать его.

В любом случае, независимо от грядущего выбора, каждому народу придётся дать свой ответ, ведь мы имеем дело с вызовом, несоизмеримым по характеру и масштабам с прежними, так как он касается не отдельной социальной общности, группы народов или цивилизации, а всего человечества. Иными словами, мир стоит перед лицом угрозы такого масштаба и вынужден решать проблемы такого уровня, какого человечество ещё не знало. И в этом деле ему понадобится весь имеющийся у него духовный потенциал. В том числе и тот, который скрыт пока в мифах. Просто ему нужно придать максимально возможный созидательно-творческий характер.

К тому же, независимо от того, ждут ли мир великие перемены или он будет и дальше последовательно развиваться, пройдут ли перемены мирным путём компромисса и гармонии или приведут к новому витку самого глобального мирового передела за всю историю человечества, мир должен будет переосмыслить свои принципы существования, обосновать новые цели и идеалы. И в этом деле ему без новых мифов также не обойтись.

В связи с этим возникает острая потребность открыть миф заново. На качественно новом уровне и основании через переосмысление всего того, что про миф было написано со времён Платона и Аристотеля. В основе её – социальный заказ на информационную разработку способов организации мифов и внедрение их в доступную всем контекстно-ориентированную информационную среду. Ведь в условиях глобализации миф позволяет свободно ориентироваться и грамотно защищаться от иного информационного воздействия, не допуская перекодировки общественного сознания в духе т.н. «твиттерных револю-

ций» за счёт сохранения и укрепления идентичности. В частности, знание своих и чужих мифов позволяет в рамках информационного взаимодействия научиться грамотно распознавать чужое мифотворчество и защищать своё [См.: 14]. С другой стороны, общая недооценка мифа есть причина угрозы личной, социальной и национальной идентичности. А значит, и угрозы национальной безопасности тех обществ и государств, которые в современную эпоху стали объектом цивилизационной и политической экспансии. И нередко даже не могут его распознать. Те же, кто осознаёт это, понимают, что глобальный контроль над мировыми ресурсами определяется способностью глобального лидера через свои и чужие мифы контролировать сознание людей. Контроль над сознанием происходит через контроль смыслового поля общества. Следовательно, в основе глобальной власти лежит возможность контролировать и изменять мифы народов мира, трансформируя смысловое поле в нужном для глобального лидера направлении.

Понятно, что такая коррекция будет вызывать повсеместное сопротивление и, значит, мир ожидают новые войны мифов. Войны образов и проектов. Войны смыслов и идентичностей с использованием самых совершенных технологий вплоть до национальной психокоррекции, в которых новыми объектами после распада СССР будут Китай и страны третьего мира, включая Россию и Украину. Как они поведут себя? Ведь пример Советского Союза наглядно показал, что слабость мифов ведёт к их капитуляции, а капитуляция мифов означает гибель системы. Однако, в отличие от СССР, новые объекты информационной экспансии имеют опыт распада, который им Советский Союз передал. Они способны распознавать мифологическое воздействие в области жизненно важных для них смыслов и в значительной степени понимают, что им противостоит и что в случае капитуляции их ждёт.

Впрочем, их положение отнюдь не столь безнадежно, как может на первый взгляд показаться. Ведь данный вызов пока лишь определяет главное поле реализации преимуществ Большой игры, которые показывают, что одним из ключевых элементов межкультурного и межгосударственного взаимодействия является взаимодействие информационное. В концептуальном плане информационное взаимодействие можно свести к взаимодействию проектов, стратегий [См.: 6] и мифологий, где проекты, с учётом определённой доли условности – «образы» будущего, стратегия – технология движения к «образу», а мифология – «матрица», в которой формируется и то, и другое.

Конкуренция проектов настоящего и будущего потребует сильных мифологий, органично сочетающих динамизм с устойчивостью, а ценностные начала с эффективностью креатива. И с учётом этого, новым глобальным лидером станет тот, кто сумеет создать самый привлекательный и эффективный проект, где привлекательность проявляется в новых креативных формах архетипических ценностных начал, а технологии будут помножены на великий созидательный миф.

В свою очередь эффективность мифотворчества обеспечивается грамотно организованным механизмом, вынуждая делать акцент на прикладные аспекты мифотворчества, позволяющие социуму развиваться и выживать. При этом социальное мифотворчество в условиях открытых информационных пространств требует другой организации взаимодействия – гибкой, многоуровневой, сетевой. Другой тактики – динамичной и наступательной. Другого характера – тотального и многоцелевого, с учётом необходимости выработки новых критериев для понимания чужих традиций. И государства-объекты пока не в состоянии этого учесть, проигрывая в креативе тем сетевым организациям, которые проверяют их на прочность, обращая их с помощью различных «цветных» и «твиттерных» т.н. «революций» в зону управляемого хаоса [См.: 8].

Понятно, что Запад планирует сохранить и укрепить своё лидерство, и будет за это бороться. Но сможет ли он в новых исторических условиях предложить столь же сильные идеи и аргументы, как это было несколько сот лет назад? Сумеет ли Америка удержать лидерство в мире ценностных смыслов? Сомнительно. Хотя, под воздействием происходящего историка и философы, социологи и политологи, филологи и культурологи, экономисты и политики всего мира уже вовлекаются в переосмысление взаимоотношений между различными странами и цивилизациями. Правда, их оценки и прогнозы скорее утвер-

ждает геополитическую вопросительность, за которой стоит миф. В любом случае формирующийся перед миром вызов в значительной степени носит онтологический характер. А значит, грядущая бифуркация культуры требует анализа и использования скрытых в мифе потенциалов, вынуждая мыслить инновационно и стратегически в рамках больших пространств.

Причём, важнейшую роль в процессе поиска новых мобилизующих идей играет способность общества к мифотворчеству. Ведь в мифах кроются те резервы выживания, без которых человек существовать не может, как бы он при этом к мифам ни относился, так как миф – смысловое поле культуры, особым образом организованная информация, происхождение и значение которой до конца не известно. В этом заключается трудность означивания мифа. Его неопределённость, неуловимость, непрочитаемость. Но растущей потребности в коллективно понятой информации эти особенности мифа не снимают. И потому интенсивный поиск определённости неопределённого в науке и обществе продолжается. А поскольку главный предмет мифов – человек и его взаимосвязь с миром во всех проявлениях, познавая мифы, мы познаём себя. Своим новым знанием мы помогаем мифу раскрыться, чтобы он помог по-новому раскрыться и нам. Раскрыться ценностно.

В свою очередь, проблема ценностного выбора подводит к весьма любопытному парадоксу, когда вопрос о будущем культуры лежит в области политики, а вопрос о будущем политики лежит в области культуры, которая целиком строится на мифологиях. И уже один этот факт побуждает нас к интеллектуальной заинтересованности в мифе, ставя перед необходимостью пересмотреть роль и место мифа в современной системе знания. К тому же без существенной коррекции отношения к мифу и мифотворчеству нам трудно будет понять нашу ответственность за образ своего мира в мире других. Однако, к сожалению, вопрос о статусе мифа, согласно которому, как факт науки, миф пока пребывает в двойственном положении. С одной стороны, к нему не только растёт интерес, в том числе и научный, но и использование его в сфере информационного взаимодействия становится всё более тотальным. С другой стороны, фактом науки в подобающем ему масштабе и качестве миф так и не стал. И, хотя, возможно, именно от понимания таких универсальных явлений, как миф и его роль в обществе зависит, состоится ли ожидаемый спасительный прорыв человечества к новому качеству знаний и отношений или нет, критическая масса представлений о мифе, как крайне важном и естественно присущем элементе человеческого восприятия и жизнедеятельности, несмотря на фундаментальные работы современных мифологов, в обществе так и не была набрана.

Впрочем, вскрывая главную проблему мифотворчества, как одного из важнейших факторов социального и национального самосохранения, наука показывает, что обладает достаточно разнообразным и насыщенным инструментарием, дабы заложить основы для максимально полного понимания мифа и мифотворчества [См.: 11]. Но хватит ли у науки тонкости, как писал Р. Барт, чтобы идти дальше? Для этого ей надо ответить на вопросы: Какую роль играет миф в обществе? Какие функции выполняет? Можно и нужно ли от него отказываться или миф следует изучать и использовать? В какой степени борьба с мифом возможна и насколько в принципе эффективна? Чем и как миф может помочь и помогает людям? Эти вопросы пока остаются открытыми. Но данное исследование по возможности пробует ответить на них.

Источники и литература.

1. Громыко Ю.В. Стратегическая и концептуальная разведка: что это такое и с чем их едят? Задачи стратегической разведки в изменившейся ситуации // Сайт "Русский архипелаг". URL: <http://www.archipelag.ru/authors/gromiko/?library=2574>
2. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. 382 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2009. 352 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 736 с.
5. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Мн.: Харвест, 1999. 448 с.

6. Минченко Е., Ермолаев А. Борьба кланов или конфликт стратегий: Сценарии развития политико-экономической системы Украины. Меморандум // Сайт "Стратегема". URL: <http://www.stratagema.org/issledovaniya.php?n>
7. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер. 2000. 528 с.
8. Сенченко Н.И. Общество истребления – стратегическая перспектива «демократических реформ». К: МАУП, 2004. 224 с.
9. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест. 2015. 748 с.
10. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
11. Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
12. Ставицкий А.В. Современный миф как фактор национальной безопасности // Материалы международной научной конференции «Ломоносовские чтения» 2008 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008» / под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина и др. Севастополь: НПП ЭКОСИ–Гидрофизика, 2008. С. 245–248.
13. Ставицкий А. Украина в интеграционных процессах: мифологический аспект. Сайт "Украина: Русское пространство". URL: <http://rusprostranstvo.com/?p=111>
14. Ставицкий А. В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.
15. Ставицкий А.В. Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 208 с.
16. Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. М: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. 480 с.
17. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, Эксмо. 2006. 640 с.
18. Хардт М., Негри А. Империя: пер. с англ. Данилина И., Ландер А., Окуневой И. / под общ. ред. Г.В. Каменской М.: Издательство: Праксис, 2004. 440 с.

УДК 32:94(477)

**ПСЕВДО-КУЧМА И ГЛАВНАЯ ИДЕЯ УКРАИНСТВА:
ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ****Ставицкий А. В.****Филиал МГУ в городе Севастополе**

Хотя из украинских ученых в качестве отражения типичной позиции всех «национально ориентированных» историков можно взять любого, следует оговорить, что особое место в длинном списке занимает второй президент Украины Л.Д. Кучма.

С чем же это связано? Ведь он – не историк. Однако нам придётся признать, для этого есть серьёзные основания.

1) Мало кто из историков сделал столько для исторического обоснования позиции Украины относительно России, сколько натворил, нередко чужими руками, этот высокопоставленный «гуманитарий».

2) Занимаясь историей, он являет собой наглядный пример того, как на Украине можно заниматься не своим делом, весьма успешно конкурируя с настоящими профессионалами, если в твоём распоряжении государственный аппарат.

3) Его деятельность на ниве истории носила программный характер для всех украинских историков, являясь при этом типичным симулякром.

Последнее обстоятельство выводит нас на проблему авторства знакового труда Л.Д. Кучмы под названием «Украина не Россия» [См.: 14], который вышел за год до завершения второй каденции Л.Д. Кучмы. Ведь из объёма и содержания его книги следует, что президент Украины последние годы тщательно штудировал летописи и изучал исторические источники в архивах, перечитывал биографии и творения М. Грушевского, Н. Гоголя, В. Короленко, В. Липинского и многих других. Но если он системно занимался этим, то когда управлял страной?

Но как управляющий крайне проблемной и пребывающей в состоянии руины страной президент находил столько времени, чтобы часами сидеть в архивах и регулярно заниматься чтением специальных книг и литературством? Любой, кто знаком с нагрузками в сфере управления, скажет, что такого не может быть. А намёк в книге на то, что Л.Д. Кучма с юности мечтал стать не инженером и конструктором, а именно историком, и физтех выбрал лишь потому, что там стипендия была 400 рублей по сравнению со 180 на филфаке, в прирождённой исследовательской жилке природного гуманитария убеждает мало. Скорее, наоборот, показывает, что будущий президент ещё при выборе своей специальности отдавал предпочтение элементарной выгоде.

В связи с этим отметим, что вопрос авторства книги «Украина – не Россия» интересовал историков давно. И ни один из тех, кто об этом публично высказался, не поддержал мысль, что автором является тот, чьё имя написано на обложке книги. Иначе говоря, в данном случае мы имеем дело со старой литературной традицией, когда такого автора следует называть псевдо-Кучма.

Что касается более конкретного обоснования, мнения по авторству разделились. В результате одни исследователи, как Л.Р. Вершинин, полагают, что автором был кто-то один. Например, Г. Корж [См.: 12]. А другие настаивают, что надо говорить о группе авторов. Или, как написал Н. Томенко: «мудрые украинские ученые, которые смогли подготовить исследования о национальной истории в украинско-российском измерении и предложили Л. Кучме стать ее автором» [28].

На наш взгляд вторая версия выглядит предпочтительнее. Ведь, имея в своём ближайшем политическом окружении двух историков – Д.В. Табачника и В.М. Литвина, которые за время президентского правления Л.Д. Кучмы даже стали академиками, можно

было с их помощью набрать команду литературных «негров», которые сумели бы слепить президенту объёмную книгу на заказ за довольно короткое время. Однако однозначно отдавать предпочтение той или иной версии, пока вопрос не прояснится со временем, видимо, будет неправильным.

Остался научный бомонд и в неведении, прочёл ли Л.Д. Кучма то, что от его имени написали. Впрочем, творческое наследие псевдо-Кучмы интересно не этим. Обращение к его литературному творчеству при изучении украинского проекта, на наш взгляд, представляется важным и знаменательным вот почему.

1) Через него мы опять сталкиваемся с типичной для Украины имитацией: возрождения, развития, творчества. В этом смысле стремление выдавать за своё то, что не сделал сам, и присваивать чужое, включая достижения русской культуры и русскую историю, можно рассматривать как типичную черту тех, кто выдаёт себя за украинскую «элиту», не являясь таковой, и управляет Украиной вовсе не для того, чтобы её возродить.

2) Присущая книге смысловая раздвоенность словно отражает эклектичную раздвоенность самой Украины, которую псевдо-Кучма явно хотел представить как нечто единое и цельное. Иначе говоря, в данном случае не просто разные люди писали разные тексты одной и той же книги, что может проявляться в разной стилистике. Но разные по убеждениям. В частности, по мнению Н. Томенко, *«в исследовании представлены две разные версии истории Украины, причем очевидно, что одна версия описана российским историком, другая – украинским»* [28]. И Л.Д. Кучма про это почему-то не в курсе.

3) Типичным для всех украинских историков является установка, на которой строится вся книга: говорить не о сходстве и общности Украины с Россией, а украинцев с русскими, но только «о различиях» [14, с. 30]. А из уст президента она вообще может восприниматься как единственно правильное руководство к действию.

При этом более всего в книге поражает то, что Украину от России пытается сознательно отделять человек, который не знал, как дальше жить после смерти И. В. Сталина [14, с. 376], несколько лет работал парторгом «Южмаша» и до самого развала СССР был членом ЦК КПУ, а будучи народным депутатом Украины, не голосовал за Декларацию о государственном суверенитете 16 июля 1990 г. Но выгода берёт своё – как и в выборе им профессии. Только речь уже идёт не о стипендии. И Л.Д. Кучма поневоле становится идеологом украинства, как и другие бывшие в советское время партийной номенклатурой украинские элитарии, для которых главным в отделении Украины от России стало не резкое осознание принципиальных национальных различий, а обывательское и корыстное по духу соображение, что, отделившись от русской цивилизации, они не будут делиться с центром благами и перед ним отчитываться.

Однако, чтобы легитимизировать это право на партийную и государственную собственность УССР нужно было доказать, что у Украины и России разные исторические судьбы, национальный опыт и культурно-языковая среда, а также принципиально иные отношения с географическим и геополитическим пространством и пр. [14, с. 489]. Что псевдо-Кучма и попытался сделать. Причём, по мнению Р. Носикова, *«книгу после названия можно было уже и не писать, оставив лишь название и чистые листы, которые каждый свидетелем украинца мог бы заполнить сам»* [20].

С этой точки зрения, главная заслуга Л. Д. Кучмы как «историка» – что своим определением он дистанцировал как мог Украину от России. Но на большее он не пошёл. Однако дальше пошли другие [См.: 22]. Лозунг псевдо-Кучмы для многих стал «откровением» и программной установкой: сделать всё, чтобы Украина как можно меньше была похожа на Россию, но как можно на большее относительно неё могла претендовать [См.: 6]. Отсюда реанимация лозунга «Геть от Москвы», требования к России заплатить по счетам истории за «колонизацию» и «голодомор» и, конечно, заявленная у псевдо-Кучмы задача «создать украинца» [14, с. 17–29]. Но, спрашивается, из кого? Какой этнос должен был поставить материал для «профессиональных украинцев», чтобы появились нация «украинцев»?

Примерно так, кстати, действовали «кователи» украинского языка из галицкого «Наукового товариства імені Т. Г. Шевченка», которые в своей работе по созданию письменной «української мови» руководствовались принципом увести её *«как можно дальше*

от русского языка». И в соответствии с этим безжалостно выбрасывали из новоиспечённого ими украинского языка все слова, которые были и в русском, заимствуя термины преимущественно из польского [См.: 13].

Итак, как видим, по мнению Л.Д. Кучмы, *«национальная идея Украины состоит в том, чтобы быть не Россией. На этом фундаменте строится политическая, культурная, военная доктрина и доктрина экономическая. То есть благосостояния, величия и силы планируется достигнуть одним способом – быть не Россией. И чем больше Украина не Россия, тем выше высоты и шире горизонты»*. Причём, как заметил Р. Носиков, если сначала *«этот политический товар шел как горячие пирожки»*, то потом ситуация стала меняться к худшему, так как *«Украина, которая не Россия, в своей нероссийской ипостаси деградирует. А с деградацией понижается и цена, за которую свою нероссийскость можно продать. В итоге через 20 с лишним лет такой торговли Украина ... потрачена. Осталась ликвидация остатков»* [20].

В противовес псевдо-Кучме историк и писатель Л.Р. Вершинин считает, что у Украины и России неразрывное прошлое, один исторический путь и единая судьба [См.: 4], а формула псевдо-Кучмы *«фактически направлена на разлом единого тела России, естественными частями которого и является так называемая, ныне бывшая, Украина и РФ, противопоставление этих двух частей друг другу»* [12]. И на то есть основания.

Не удивительно, что по мнению историка и публициста Б. Смолина, с поставленной задачей – *«уловить и сформулировать разницу между украинцами и русскими Кучма так и не справился, а в его попытках доказать, что украинцы и русские – это разные народы, сквозит неуверенность и обидчивое упрямство»* [25].

Впрочем, в любом случае нужные для украинства проблемы он поставил. Главная из них – проблема украинской идентичности. Однако по не оглашаемым «профессиональными украинцами» причинам данный вопрос перед научным сообществом внятно не ставился. Хотя проблема определения базовых параметров национальной идентичности требует обсуждать связанные с ней вопросы публично. Поэтому на протяжении довольно длительного времени единственно, что удалось по данной проблеме выяснить, это то, что «Украина – не Россия».

Тогда, несмотря на кампанию прозападной оппозиции во главе с бывшим премьером В.А. Ющенко под лозунгом «Кучма – геть!» этот слоган показался едва ли не откровением. Вот оно. Честный и объективный ответ. Оказывается, Украина – не Россия. Многие были впечатлены. Но если даже слегка над этим подумать, сразу возникает множество резонных вопросов. Украина – не Россия. Кто спорит? Да и не Европа [См.: 7]. Тем более, не Азия. А что? Ведь тот, кто заявляет, что он не нечто, должен знать, что из себя представляет это нечто, и чем конкретно он сам отличается от него. Почему? Потому что от этого напрямую зависит качество ответа Украины на Вызов Истории [См.: 2]. Но достойна ли Украина Вызова? Готова ли дать свой Ответ? И как может дать достойный ответ то, что не знает, что оно есть?

Может, Украина – Русь, как писал М.С. Грушевский? Только «Русь нерусская», о которой так образно высказался «украинский» философ Г.С. Сковорода, заметив, что *«Русь не русская видится мне диковинкою, как если бы родился человек с рыбьим хвостом или с собачьей головою»* [13, с. 6]. Или часть Руси? Та часть, что даёт право называть Киев матерью городов русских? Но почему тогда называется Украиной, а не Русью? Да и Россия – не вся Русь, а лишь её часть. Только другая. Часть и продолжение. Но в чём тогда принципиальная разница? Может, нынешние Украина и Россия – части одного целого, где каждой из частей не надо быть похожей на другую, как Инь не похоже на Ян, но составляет с ней одно целое?

Псевдо-Кучма не написал об этом связно и убедительно. И поэтому, скорее, запутал вопрос. Ведь, если в нём быть последовательным, то придётся признать, что определение «Украина – не Россия» ещё ни о чём не говорит. Оно не прибавляет ясности в понимании Украины, как целого [См.: 5] и не показывает, какой ей быть. Мы знаем, что лиса – не бегемот, а корова – не цапля. И они тоже об этом знают. И знание это проявляется в их ин-

стинктах и модели поведения. Они знают, как им себя в мире вести, с кем общаться, на кого охотиться и от кого прятаться. А Украина не знает. Но ведь на самом деле это принципиально важно. Как поведение любого живого существа вытекает из его сущности: бегать ему, летать, плавать или зарываться в песок, щипать траву или питаться мясом, – так и стратегия страны выстраивается под её идентичность. Поэтому вполне возможно, что *«национальная идея Украины несовместима с жизнеспособностью Украины»*. А значит, *«строить свою идентичность на том, что ты – не кто-то – это все равно что поведись у этого кого-то во дворе на его любимой осине»* [20]. Если Украина – не Россия, то что? Не ясно. Внятного ответа от руководителей страны до сих пор нет. Хотя ответить пытаются [См.: 21]. И многих общее самоназвание страны также на оптимистический лад не настраивает [См.: 23]. Однако правильно осмысленная и «работающая» идентичность определяет органичность, гармонию, естественность в общественных отношениях и политике. Она, согласно принципу *«с чем себя идентифицируют, так и будут поступать»*, позволяет обществу быть самим собой. Не может лев вести себя как попугай, а слон как суслик или обезьяна. «Рождённый ползать – летать не может». «Сколько волка ни корми...». И так происходит не только с животными. И потому делать из страны «не мышонка, не лягушку, а неведомому зверушку», значит, лишать её не только прошлого, но и будущего [См.: 17].

С этой точки зрения кому-то заявлять, что Франция – не Швеция, а Германия – не Китай, более чем глупо. Никто даже об этом не подумает. Но именно это сделал псевдо-Кучма. И его мысль не выглядит дикой. Она не высмеивается, а обсуждается. В самом деле, а почему бы не поговорить? Ведь он не написал, что Украина – не Индия, потому что это очевидно. А с Россией – нет. Почему именно Россия является точкой отсчёта для понимания Украины, а не, скажем, Румыния или Польша? О чём это говорит? О том, что его ответ не воспринимается однозначно. И заявляя об этом, псевдо-Кучма утверждает то, чего не знает сам. Более того, он даже не знает, что не знает. А говорит так лишь потому, что за этим слоганом стоит обоснование отделения Украины от России под лозунгом *«независимость – кратчайший путь к благосостоянию»*, когда людей просто соблазняли, скрывая, что у украинской региональной элиты была другая цель, которая исчерпывалась простой формулой *«не делиться и не отчитываться»*. Наверное, Л.Д. Кучма об этом, как минимум, догадывается. Но он же не мог об этом прямо заявлять. Значит, надо было упрямо настаивать на том, что Украина и Россия – исторически разные, другие, как Восток и Запад. И вместе им не сойтись. Однако такая позиция устраивала лишь тех, кто об отделении всегда мечтал, пытаясь своими вождениями заменить общую для народа историческую судьбу. Следовательно, пытаясь выглядеть в истории солидно, Л.Д. Кучма «танцевал под чужую дудку» свой гопак.

Но спрашивается: как тогда понять Украину? В чём смысл существования её как страны и культуры? В чём её особенности и историческая миссия? Достояна ли Украина того, на что исторически претендует? На все эти вопросы у каждого из нас есть более или менее обоснованные ответы. И они отражают то, что мы думаем о себе, народе, стране, государстве, власти и всём том, с чем мы себя соотносим или, наоборот, принципиально не желаем соотносить. И здесь ситуация зачастую такая противоречивая, что мы бываем не согласны даже с теми, кого по идее должны считать своими единомышленниками.

К чему же ведёт установка, что Украина – не Россия, и что за ней стоит? В действительности всё очень просто. Не понявшая себя страна в лице своей новоявленной «элиты» хочет максимально дистанцироваться от России культурно и исторически. И более ничего. За лозунгом «Украина – не Россия» скрывается элементарная попытка отгородиться от общего русского наследия, переписав часть русской культуры и истории на себя. Как выяснилось: гражданам Украины А.С. Пушкин уже не нужен [См.: 21, с. 3–4]. И даже Н.В. Гоголь. Ведь они писали на русском языке. Но вообще-то на русском языке своего времени писали не только они, но и автор «Грамматики Словянской» Мелетий Смотрицкий, и Григорий Сковорода, и даже сам Тарас Шевченко, о чём наглядно свидетельствуют его повести и личный дневник [См.: 29].

Напомним, что в своём главном и самом известном произведении, изданном в 1619 г. под названием «Грамматики славенския правильное синтагма», М. Смотрицкий писал:

«Что есть грамматика: есть известное художество благо и глаголити и писати учаше». И хотя его «Грамматика» была подготовлена на основе церковнославянского языка, она оказала огромное влияние на дальнейшее развитие русского и других славянских языков. В свою очередь, чтобы понять, на каком языке писал «украинский философ» Григорий Сковорода, достаточно будет нескольких его строк: *«Не искал ни жилища, ни пищи, / В соре с кривдой и с миром не в мире, / Самый косноязычный и нищий / Изо всех государей Псалтыри»*. И остальное творчество написано тем же слегка архаизированным, но вполне сложившимся русским языком [См.: 24]. И как с этим историческим недоразумением «профессиональным украинцам» быть? Проблема. Возможно, поэтому, на Украине сейчас массово и системно переводят с русского языка на украинский тексты тех исторических деятелей, кого в истории уже провозгласили украинцами, объявив русский язык XVII–XVIII вв. «староукраинским» [См.: 13, с. 6–52].

«А нам нужны все, – говорят в ответ русские, – и Данте, и Шекспир, и Сервантес, и Гёте...». И именно потому, что они – великие – стали частью русской культуры, именно потому, что развитие русской культуры построено на активном, системном и проникновенном диалоге с другими великими и малыми культурами, русская культура и стала мировой. А украинскую культуру противоположные действия консервируют в её затхлой и убогой провинциальности, отбрасывая далеко назад на обочину истории, где Украина сможет сама себе рассказывать, ссылаясь на Й. Гердера, что она – новая Эллада. Хотя вряд ли это заинтересует кого-либо ещё.

Впрочем, если Л.Д. Кучма не рискнул пойти дальше в определении того, что есть Украина относительно России, это не значит, что действия украинской «элиты» не дают понять, как следует отвечать на данный вопрос. В этом плане вполне можно утверждать, что, как минимум, начиная с 2004 г., Украина открыто заявила о себе как анти-Россия. Точнее: как та этносоциальная система, которая в силу сложившихся геополитических причин и обстоятельств не только отложилась от русского мира, но и собирается за его счёт выживать, развиваться и культурно прирастать. Разумеется, этот выбор сделал не украинский народ, а его новоявленная «элита», которая, пользуясь трудностями страны, пытается войти в состав мировой элиты, обеспечивая для неё процесс деградации и утилизации Украины в рамках формирования нового мирового порядка, чтобы за счёт Украины Запад смог преодолеть идущий трансформационный кризис с минимальными для себя потерями.

Поэтому зависит такая «элита» уже не от «своей» страны, а от тех, кто находится за её пределами. И соотносит себя не с народом Украины, а с теми, кто помогает ей, создавая иллюзию служения, контролировать страну, дабы получить в своё безраздельное пользование её ресурс [См.: 3]. Так что если украинские элитарии идентифицируют себя не с народом, а с глобальной элитой, полностью завися от неё, действуя в её интересах, и на неё ориентируюсь, в стране уже пора ставить и озвучивать проблему угрозы иного порядка [См.: 9]. Угрозы, идущей изнутри. Ведь используемая против России страна не может быть ни субъектом Большой игры, ни тем более её победителем. Она в любом случае оружие и жертва. Инструмент региональной дестабилизации. Пространство для сброса проблем Центра на периферию.

Впрочем, отметим, что в названии анти-Россия ничего криминального нет. В конце концов, идентификация легче всего осуществляется от противного [См.: 15]. По принципу: кто мы относительно других. Но в этом варианте смущает одна деталь: когда «другие» объявляются «чужими» и даже «историческими врагами» [См.: 8], своеобразной вселенской «империей зла» [См.: 30], подобная оценка не несёт в себе позитива. Не говоря уж о том, что она травмирует нацию, демонстрируя её заложенные при рождении и неизжитые комплексы [См.: 11], вынуждая говорить о создании «СМИ и школой болезнетворного образа украинского народа как безответной жертвы и пассивного объекта игры мировых сил зла» [См.: 16]. И с образованием украинского государства ситуация не изменилась. Свобода и независимость не привели к возрождению и расцвету [См.: 1]. Наоборот, довели до Руины и войны. Естественно, ни украинская политическая «элита», ни новая киевская власть в этом никогда не признаются. И дабы отвлечь внимание населения от своей роли и назначения Украины в рамках Большой игры, в противовес отказу хоть как-то соотносить себя с Россией, они всячески пытаются ассоциировать Украину с Европой, куда по много-

численным заявлениям её руководителей она стремится всей душой, потому что евроинтеграция – это долгожданное возвращение домой. В рай. В землю обетованную, куда украинцы непременно должны вернуться после блуждания по пустыне безродности и забвения, как евреи вернулись из Египта в Израиль.

Тем самым украинская «элита» в рамках политики евроинтеграции как бы разыгрывает модель «блудного сына», который должен вернуться домой после нескольких столетий блужданий. Однако если знать, в каком статусе пребывало православное население Малой Руси в составе европейских государств, оснований так считать не останется. Ещё хуже было положение галичан [См.: 26], которых Европа допускала лишь в «помещение для слуг». Поэтому придётся признать, что главным мотивом современной евроинтеграции является не историческая общность Украины с Европой, а элементарная выгода. Только кто её получит, если евроинтеграция с самого начала задумывалась для Украины как новый вариант плана «Ост»? В чём выгода быть колонией Запада для Украины? Как народ относится к этому и понимает ли, какая участь его ждёт? Ответы на эти простые вопросы и определяют судьбу Украины в ближайшие годы.

Источники и литература.

1. Бегер В. На перекрестке кризисов // Сайт "Одна Родина". URL: <http://odnarodyna.ru/topics/1/95.html>
2. Беседы с Пахомовым. Ч. 1. «Украина обрушит Евросоюз» // Сайт From-UA. URL: <http://www.from-ua.com/eco/83cceb28e95e.html>
3. Ваджра А. Имитация в оранжевых тонах // Сайт «Полярная звезда». URL: <http://zvezda.ru/politics/2005/08/08/ukraine.htm>
4. Вершинин Л.Р. Кучма Л.Д. Две Украины – две России. М.: Алгоритм, 2014. 352 с.
5. Головки В. «Відсутній елемент» системи українських ідентичностей: нотатки до історії модерного українського етногенезу // Сайт «Діалог». URL: http://dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=9083
6. Горянин А. Непрочитанное послание Леонида Кучмы // Сайт "Страна Оз". URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/neprochitannoe-poslanie-leonida-kuchmy>
7. Грач Л.И. Україна – не Європа. К.: ТОВ Друкарня Бізнес поліграф, 2008. 272 с.
8. Губогло М.Н. Язык этнической мобилизации. М.: Языки русской культуры, 1998. 816 с.
9. Ермолаев А. Дискусии о национальной безопасности и способах ее обеспечения давно уже приобрели абсурдный характер и стали похожи на средневековые теологические споры о путях достижения «царства божьего» // Сайт «Діалог». URL: http://dialogs.org.ua/ua/club_ua_full.php?m_id=14144
10. Железный А. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине // Сайт "Украинские страницы". URL: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/zell.htm>
11. Івшина Л. Історія українського народу дає колосальний матеріал для українського майбутнього, бо вона добре випрямляє українцям спину // Сайт «Діалог». URL: www.dialogs.org.ua
12. Интервью с "Путником". URL: <http://big-xiii.livejournal.com/5649.html>
13. Каревин А.С. Русь нерусская (Как рождалась «рідна мова»). М.: Имперская традиция. 2006. 224 с.
14. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М.: Время, 2004. 560 с.
15. Лавриш Ю. «Сила м'якого знака»: повернення християнської першості Києва. URL: <http://risu.org.ua/ua/index/exclusive/kaleidoscope/44456/>
16. Мартюшев А. Украина: между жизнью и смертью // Сайт "Діалог". URL: http://dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=3926
17. Нарочницкая Н.Н. Украина: Историческая ретроспектива и геополитическая перспектива // Сайт «Единая Русь». URL: <http://www.edrus.org/content/view/5191/56/>
18. Неменский О. «Русская Украина» как альтернатива «пророссийской». О потенциале русской идентичности // Сайт "Русские". URL: <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=15161>
19. Нечуй-Левицкий И.С. Криве дзеркало української мови. К.: Друкарня І.І. Чоколова, 1912. 96 с.
20. Носиков Р. Перемога и зрада // Информационно-аналитический портал «Империя». URL: <http://imperiya.by/ir.html?id=17991>
21. Почему Украина не Россия / авт.–сост. А.А. Кокотюха; худож.–оформитель Б.Ф. Бублик. Харьков: Фолио, 2004. 397 с.
22. Сабов А. Леонид Кучма: Украина – не филиал России // Сайт "Российская газета". URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0916/6.shtm
23. Сизова К.С. Учебник как отражение ментальности // Сайт «Единая Русь». URL: <http://www.edrus.org/content/view/3182/64/> (дата обращения: 7.02.2016).
24. Сковорода Г. Повне зібрання творів: У 2-х т. К.: Наукова думка, 1973. 1108 с.
25. Смолин М. «Украина» – не Россия, «Украина» – это болезнь // Электронный журнал "Золотой лев". URL: http://www.zlev.ru/77_33.htm
26. Соколов Л. «Королевство Голиции и Голодомории» или Каким был жизненный уровень галичан под властью Австрии // Сайт «Альтернатива». – URL: <http://alternatio.org/articles/articles/item/4665-королевство-голиции-и-голодомории-или-каким-был-жизненный-уровень-галичан-под-властью-австрии>

27. Ставицкий А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.
28. Томенко Н. Сшибка Леонида Кучмы, или Тайна авторства книги «Украина – не Россия // Сайт «Зеркало недели». URL: http://gazeta.zn.ua/CULTURE/sshibka_leonida_kuchmy_ili_tayna_avtorstva_knigi_ukraina__ne_rossiya.html
29. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: У 12 т. / редкол.: М.Г. Жулинський (голова) та ін. К.: Наук. думка, 2001, тт. 3–5. URL: <http://izbornyk.org.ua/shevchenko/shev501.htm>
30. Штепа П. Московство – его происхождение, содержание, формы и историческое развитие / пер. с укр. В. Молчанова. К.: Слово, 1998. 382 с.

V

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

УДК 323.12(=411.16)

ПОЛИТИКА СИОНИЗМА КАК ГЛАВЕНСТВУЮЩАЯ ИДЕОЛОГИЯ ИЗРАИЛЯ

Бичаков С.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Сионизм – движущая сила в создании еврейского государства в Передней Азии. Целью сионистского движения было создание на территории Палестины (Эрец-Израэль) – исторической Родине евреев – своего государства, с помощью ведущих государств Европы (Англии до 1947 года) и Соединенных Штатов Америки.

Т. Герцль, основатель ВСО (Всемирной сионистской организации), ясно намекнул представителям еврейских диаспор Америки о намерении создать еврейское государство в Палестине: *«В течение двух тысяч лет нашего распыления, у нас не было единого политического руководства. Я считаю это нашим величайшим несчастьем. Оно нанесло нам больше вреда, чем все преследования. Именно это является причиной нашего внутреннего распада... Если бы у нас было единое политическое руководство, то мы могли бы приступить к решению еврейского вопроса»* [12, с. 44].

Не смотря на то, что вопрос о создании государства остро стоял в 20-х годах XX века (в связи с окончанием Первой Мировой войны и сменой расстановки сил на геополитической карте), образовать государство удалось только после Второй мировой войны. Именно за счет военных обострений и политических противоречий между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, еврейской диаспоре в Западной Европе и Америке удалось выдвинуть свою идею на передний план внешней политики США и Великобритании в Ближневосточном регионе.

С 1918 года территория Палестины была под мандатом Великобритании. Большую роль в возвращении евреям части палестинских земель сыграла палестинская диаспора евреев, которая вскоре станет одной из конкурентных «группировок» в политике и, в частности, в деле продвижения «курса сионизма». Уже в 1948 году произошло образование государства Израиль, и центр сионистского движения из Американской диаспоры переместился в новообразованную страну. С этого момента начала происходить консолидация диаспоры и Израиля, а также сближение молодого государства с Западными странами и в особенности с США.

Появление (зарождение) сионизма и его причины

Термин «сионизм» появился в 1890-х годах. Однако идея сионизма существовала на протяжении всей истории еврейского народа. В эпоху империализма, в развитой и многонациональной Европе, под воздействием коллективного инстинкта сохранения своей этнической общности малые народы, в том числе евреи, стремились к сплоченности, сохранению своих национальных особенностей, но в реальности изолировать себя от влияния более крупных народов им не удавалось. В результате, как во внутренней (этнической), так и во внешней (общественной, государственной) обстановке, евреи Европы оказались вовлечёнными в борьбу двух взаимоисключающих тенденций: изоляционизма и эмансипации, ведущей к ассимиляции [5, с. 23].

Этот процесс происходил из-за того, что евреи жили, по большей части, рассредоточено, в основном, в крупных городах. Получая равные права с гражданами господствующих наций, евреи – городские жители – постепенно интегрировались в крупные социальные организмы и утрачивали собственную этническую особенность. Тем не менее, несмотря на известный прогресс в эмансипации евреев, шедший повсеместно, юридически они были полностью эмансипированы лишь в Соединённых Штатах. Этим и объясняется тот факт, что в конце XIX в. евреи массово стали эмигрировать, главным образом, в США.

Т. Герцль так описывал ситуацию, сложившуюся в еврейских диаспорах в Европейских странах: *«Мы повсюду вполне честно пытались вступить в сношения с окружающими нас народами, сохраняя только религию наших предков, но нам этого не позволили. Напрасно мы верны и готовы на все, а в некоторых странах даже чрезмерные патриоты; напрасно жертвуем мы им своею кровью и достоянием, подобно нашим согражданам; напрасно трудимся мы, стремясь прославить наши отечества успехами в области изящных искусств и знаний; напрасно трудимся мы, стремясь увеличить их богатства развитием торговли и промышленности, все напрасно. В наших отечествах, в которых мы живем столетия, на нас смотрят как на чужестранцев, очень часто даже те, родоначальники которых даже не думали о той стране, в которой уже слышались стоны наших предков и за которую они проливали свою кровь»* [3, с. 33].

Наиболее яркую картину положения еврейского народа мы можем наблюдать в Российской империи. По словам Дж. Сорина, *«многие посреднические операции были по существу упразднены в связи с экономическими переменами и по декрету правительства; появление сельских кооперативов, современной кредитно-банковской системы, фабричного производства серьёзно подорвало все традиционные сферы еврейского предпринимательства и ремесленного производства»* [11, с. 5]. Таким образом, хозяйственному укладу евреев был нанесен сокрушительный удар. Еврейская беднота могла выжить лишь благодаря сплочённости общин и организации внутренней социальной помощи, в том числе благодаря обязательной благотворительности со стороны богатых [5, с. 34].

В 80-х годах XIX века в России наступил период жесткой политической реакции, которая очень болезненно отразилась на положении еврейского населения. Для решения этого вопроса К.П. Победоносцев (обер-прокурор Синода) выдвинул такую формулу: одна треть евреев, проживавших в пределах Российской империи, должна быть обращена в православие, другая – эмигрировать, а последняя треть должна умереть. Гонения на евреев приняли самый свирепый характер.

Систематические притеснения еврейского населения царскими властями, в особенности жестокие еврейские погромы, наряду с экономическими бедствиями, принуждали евреев эмигрировать из России [8, с. 312]. В Европе представители богатых и известных семейств взяли на себя создание и финансирование учреждений, целью которых была помощь еврейским беженцам из России.

События периода русской революции 1905–1907 годов и последовавшей за ней реакции вызвали новую волну еврейской эмиграции из России [3, с. 46]. В это же время в среде еврейского населения Европы и США начинается активная деятельность, направленная на создание крупных учреждений взаимопомощи и содействия эмиграционным процессам. Именно в США будут созданы главные организации еврейской диаспоры, та-

кие как: ВСО и ЕА (Еврейское Агентство). Кроме этого, Америка станет центром мирового сионизма.

Не стоит также забывать о гонениях, происходивших в Центральной Европе накануне Второй Мировой войны, в ходе которой было уничтожено огромное количество евреев. Антисемитизм в самой чудовищной и смертоносной форме не набрал силы в Восточной Европе, где наиболее остро стоял «объективный еврейский вопрос». Зато он достиг кульминации в Центральной Европе, где относительно малочисленные еврейские общины гораздо дальше продвинулись по пути ассимиляции и где «еврейский вопрос» уже не являлся крупной социально-экономической проблемой. Взрыв антисемитизма застал врасплох еврейских критиков сионизма, но и сами сионисты тоже оказались не готовы к катастрофе подобных масштабов. Если бы даже нацизм не пришел к власти, и евреев не постигла катастрофа, то «еврейский вопрос» все равно бы не разрешился, поскольку нигде в Европе их не принимали как полноценных членов общества [8, с. 115].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что евреи подвергались гонениям не только как социальный слой, а как этническая и конфессиональная общность. Эту мысль подтверждает и главный теоретик сионистского движения Теодор Герцль: *«Еврейский вопрос – вопрос национальный, а не социальный...»* [3, с. 43].

Еще одной немаловажной причиной была и политическая (геополитическая) игра лидирующих государств того времени. В 1917 году перед захватом Иерусалима английскими войсками, при участии еврейских легионов, была подготовлена Декларация Бальфура (2 ноября 1917) года, в которой говорилось о создании национального очага евреев в Палестине. Таким образом, англичане пытались создать весомого союзника для дальнейшей борьбы против Османской империи, а также с помощью американской еврейской общины оказать давление на правительство США с целью добиться их вступления в войну на стороне Антанты [1, с. 76].

Затем повышенный интерес к сионизму был вызван окончанием Второй мировой войны, и последовавшим обострением отношений между государствами-членами Антигитлеровской коалиции, перешедшее в Холодную войну. Благодаря этой геополитической игре было создано Государство Израиль, отстаивавшее интересы США и, по словам Т. Герцля занявшееся *«отстаиванием всей Европейской цивилизации на Ближнем Востоке»* [3, с. 56].

Все вышеперечисленные факторы привели к становлению сионизма и образованию собственного еврейского государства. Но если бы не сама позиция и настойчивость ВСО – этого не произошло бы. Их самоотдача и политическая обстановка в мире «родили» на свет столь важное в геополитическом плане государство.

Цель и задачи Сионизма. Суть идеологии

Основная цель сионизма была поставлена еще в 1897 году, когда была создана Базельская программа, в которой главной целью было определено создание Еврейского государства на определенной территории. Далее «светочи» сионистского движения (Т. Герцль, Л. Пинскер, Х. Вайцман и др.) исходили из этой программы, корректируя и дополняя ее.

К концу 20-х годов XX века ВСО спорило о том, где должно быть создано еврейское государство. В перечень мест входили: Аргентина, Крым и Палестина. Благодаря сложившейся благоприятной обстановке, после Первой мировой войны выбор пал на Палестину (к тому же в данном выборе была историческая подоплека, во многом помогавшая заполучить эту территорию). А в 1948 году евреи добились цели и получили в свое распоряжение небольшой «клочок земли» в Палестине.

Какие задачи преследовал сионизм? Изначально он был лишь одной из форм современного еврейского национализма, и отнюдь не самой влиятельной [2, с. 59]. Как утверждал М. Нордау, ближайший сподвижник Т. Герцля: *«Главная задача этого движения (сионизма) – создать отечество еврейскому народу и приобрести для него в Палестине убежище, которое было бы гарантировано международным правом»* [10, с. 34]. Кроме этого, Нордау приписывал происхождение сионизма *«двум внешним импульсам: во-первых, национальному принципу; во-вторых, антисемитизму»*.

Несмотря на различия в бедуших планах «создания своей Родины», «отцы» сионизма полностью были согласны в вопросе о создании независимого государства, с преобладающим еврейским населением, опирающегося на Западный мир, противостоящего любой угрозе, исходящей от арабской цивилизации. Сформулированная в Базельской программе концепция «убежища» для еврейского народа предполагала обязательное обеспечение еврейского присутствия в Палестине защитой «публичного права». «Политическая» программа Т. Герцля была нацелена, прежде всего, на получение сионистами «хартии» на владение Палестиной от великих держав.

Будущее еврейское государство виделось Т. Герцлем вполне в духе своего времени, форпостом европейской цивилизации на Ближнем Востоке: *«Для Европы же мы образовали бы там нечто вроде оплота, преграды против Азии, мы заботились бы о распространении культуры среди невежественных народов Азии. Оставаясь, вместе с тем, со всеми государствами Европы в союзе в качестве нейтрального государства, – мы, таким образом, были бы гарантированы за наше существование»* [3, с. 77].

Другие лидеры политического сионизма, уже более позднего поколения, такие как Д. Бен Гурион, провозглашали: *«Мы призываем еврейский народ во всей диаспоре объединиться вокруг евреев Земли Израилевой в деле иммиграции и строительстве (государства) и быть рядом с ними в этой великой борьбе... Доктрина Еврейской революции сводится к тому, чтобы не капитулировать перед галутом (изгнанием), а покончить с ним...»* [12, с. 48].

Именно «второе» поколение дало толчок теоретическим идеям сионизма и воплощению их в действительности. Однако точные границы нового государства не были установлены в планах еврейского управления, и это казалось чреватой дальнейшим захватом арабских территорий, чему способствовали как сам еврейский народ, так и его потенциальные союзники с Запада. *«Государство Израиль создано лишь на части Земли Израилевой, – утверждал Д. Бен Гурион. «Государство Израиль создано, но мы должны помнить, что наша страна еще не полностью освобождена, – поддерживал его М. Бегин (будущий премьер-министр Израиля с 1977 по 1983 гг.). – Борьба продолжается, и вы увидите, что слова бойцов «Иргун» – не пустые слова: именно еврейское оружие определит границы еврейского государства. Такова нынешняя битва, так будет и в будущем. Наша Богом данная страна едина. Попытка разделить ее – не только преступление, но и богохульство и вивисекция. Кто не признает нашего естественного права на всю Родину, не признает нашего права и на любую ее часть. И мы никогда не откажемся от нашего естественного права»* [12, с. 50].

Интересен факт, что то же мнение имела большая часть евреев не только государства, но и диаспор. Особенно одержимыми были руководители государства – его правительство. Политическая доктрина Израиля как «государства всех евреев мира» имела ярко выраженный агрессивный характер, предусматривала захват соседних земель в нарушение резолюции ООН о разделе Палестины.

За счет политики сионизма все население на территории Палестины, принадлежащей еврейскому государству, было жестко разделено на евреев и неевреев, наделенных различными правами и обязанностями. При этом израильские власти придерживались клерикальной концепции, согласно которой евреями считаются только те лица, которые рождены матерью-еврейкой или были обращены в иудаизм и исповедуют эту религию. За арабским населением государства закреплялся статус второразрядных граждан. Арабы, кроме кучки коллаборационистов, были полностью исключены из государственного аппарата [12, с. 51].

Таким образом, должно было произойти осуществление строгой сегрегации еврейского и арабского населения Израиля (особенно ярко это было выражено после войны 1948–1949 годов). Сионизм всегда считал ассимиляцию своим главным врагом, не проводя четкого разграничения между эмансипацией и ассимиляцией. Сионисты порицали жизнь в диаспоре как физически небезопасную и ведущую к моральной деградации, как невыносимую для евреев, обладающих гордостью и чувством собственного достоинства. Они заявляли, что «собираение изгнанников» более или менее неизбежно. Таким образом,

они игнорировали значение эмансипации и считали ассимиляцию слабостью характера, а не историческим процессом со своей логикой развития; и в этом заключалась его ошибка. Ибо сам сионизм, эта светская форма религиозного мистицизма, был порождением ассимиляции [8, с. 33].

Тем не менее, как утверждал один из лидеров «рабочих сионистов» Т. Коллек: *«У нас нет основания создавать плавильный тигель для арабов и евреев по типу американского (создание единой американской нации в результате смешения различных этнических компонентов)»*. Мы можем сделать вывод, что одна из основных задач сионизма заключалась в том, чтобы не допустить смешения евреев и арабов.

Благодаря сионистской догме о существовании «всемирного еврейского народа», в 1950 году был принят «закон о возвращении», согласно которому *«каждый еврей имеет право приехать в Израиль в качестве оле (иммигранта), причем израильское министерство иммиграции может не дать разрешение на иммиграцию еврею только в том случае, если подавший заявление действует против еврейского народа или своим поведением может нанести ущерб общественному благосостоянию или безопасности государства. Этот закон фактически объявлял всех лиц еврейского происхождения «потенциальными» гражданами Израиля, тем самым продвигая идею сионизма»*. Не случайно Д. Бен Гурион подчеркивал, что «Закон о возвращении» представляет собой *«особое свидетельство, выделяющее государство Израиль и закрепляющее его центральную сионистско-еврейскую миссию»* [12, с. 53].

Стоит отметить, что именно за счет внешней угрозы сионизм продолжал подкреплять свои силы и создавал «каркас» переселенческой идеологии, евреев как защитников своей исторической Родины, имеющих право на получение земли. Движущей силой самого переселенческого процесса были сионистские идеалы о возврате земли древней Палестины и мифы о ней [4, с. 42].

Таким образом, можно сделать вывод: основная задача сионизма заключалась в возвращении территории Палестины, и создания на ней еврейского государства. И по сей день вопрос о сионизме является спорным. С точки зрения евреев, все просто: еще в древности еврейский народ проживал на территории Палестины, и она была его исторической Родиной. Любой народ стремится к своей исторической Родине и, поэтому, агрессия, связанная с основанием своего государства, может быть оправдана. Однако история Святой земли не стояла на месте, и в Палестине появилась новая народность – арабы, которые имели такие же права на нее. Арабо-израильский конфликт – не просто борьба за землю, это – столкновение двух цивилизаций – Западной (так как евреи находились в диаспорах, и многое переняли от европейцев) и восточной (арабо-мусульманской).

Кроме этого, Арабо-еврейский конфликт был неизбежен, поскольку сионисты стремились построить в Палестине не только культурный центр. Да и культурный центр сам по себе мог бы вызвать арабские протесты. Переселяя сотни тысяч евреев в Палестину, сионисты в любом случае вызвали бы в этой стране радикальные перемены, от которых арабы неминуемо пострадали бы. Арабы же не были виноваты в том, что евреи в Европе подвергались гонениям, что у них проснулось национальное самосознание, и они захотели создать государство в стране, где жили две тысячи лет назад. Влияние сионистской деятельности на арабов не следует преуменьшать. И в этом контексте несущественно, что арабы извлекли экономическую и иную выгоду из еврейской иммиграции. Но не следует утверждать, что сионизм неизбежно привел бы к эвакуации и изгнанию множества палестинских арабов из Палестины [8, с. 820].

С арабской точки зрения сионизм являлся агрессивным, ведь территории, «оккупированные» евреями, уже столетиями принадлежали арабам.

В итоге, каждая сторона имеет свои претензии на «Святую землю», но нежелание мириться с соседством привело к тому, что два народа начинали вести борьбу за «свою правду». У арабов – за становление в регионе единого арабского социума, сосредоточенного в мусульманском государстве. У израильтян – борьба за существование в новом независимом государстве на территории Палестины.

Земельный аспект и влияние диаспоры в мировом сионизме

С победой в войне за независимость в 1949 году, в Израиль направился новый поток иммигрантов. У власти находился жесткий сторонник сионизма – Д. Бен Гурион и, не успев окончить войну, израильское правительство планировало и дальше следовать догме сионизма. Однако, политическая борьба в правящих кругах, воинственная внешняя политика, а также проблема с диаспорой «пошатнули ряды» сионизма, и заставили евреев задуматься об их идеологии...

Внешняя политика обернулась не только военными проблемами, но и экономическими. Израиль – в прямом и переносном смысле – воюющее государство, в котором вопросы безопасности и утверждения идентичности имеют первоочередную важность. Усилению идеологизации общества способствовали внешние угрозы, которые порождали психологию жизни во враждебном окружении [4, с. 49]. В сферу сионизма также входит вопрос о государственной безопасности.

Во времена безоговорочных побед над арабскими армиями, особенно после войны 1967 года, под властью Израиля оказались значительные территории, принадлежавшие до этого арабам. И перед правительством встал вопрос, что делать с занятыми территориями? Отношение к этой дилемме разделило общество на два лагеря: левый был нацелен на мирное урегулирование с арабами за счет данного аргумента (захваченных территорий). Правый лагерь подчеркивал важность этой территории для национального возрождения и утверждения «исторической справедливости», отрицая какие-либо территориальные уступки [6, с. 111].

Правительство, по соображениям безопасности, выбрало правый путь развития земель, что дало толчок началу переселенческого процесса. Однако на территориях складывалась атмосфера «осажденной крепости», которая, в свою очередь, способствовала созданию в них особой национально-религиозной идеологии. Ее адепты заняли агрессивную позицию по отношению к политике государства в области обороны и безопасности, тем самым став специфическим слоем израильского общества [6, с. 112].

Движущей силой самого переселенческого процесса были сионистские идеалы. Переселенцами двигала идеология первопроходцев и романтиков-идеалистов. Еврей, родившийся в Европе, забывший свой язык, даже как-то нашедший свою нишу в той или иной европейской стране, по-прежнему исповедовал свою религию, где говорилось о возможности возвращения на родную «землю обетованную», где ему будет безопаснее и комфортнее [10, с. 52]. В среде верующих война 1967 года превратила в реальность то, что ранее считалось религиозной абстракцией: завещанная земля была возвращена под контроль еврейского государства. Стало создаваться религиозное националистическое движение, добивавшееся закрепления границ Израиля и прекращения огня, реализовавшее, таким образом, идею возврата всей исторической Палестины под еврейский контроль.

Ядро поселенческого движения сформировалось в среде религиозных сионистов. Для «молодого поколения» (преимущественно студенты религиозных учебных заведений), обретение новых земель и заселение исторической Палестины, прежде всего, было продолжением идеализма ранних сионистов.

Неудовлетворенность еврейского общества итогами Войны Судного Дня 1973 года стала причиной создания неправительственной организации «Гуш-Эмуним», целью которой было навязывание активной политики под лозунгом: *«Каждый еврей имеет право жить в любой части своей древней Родины»*. Сами поселенцы рассматривали свои действия как естественное продолжение и неотъемлемую часть репатриации евреев в Израиль, а переселение евреев в районы Западного берега реки Иордан (контролируемые арабами) – как поправление религиозных законов [6, с. 54]. Однако, в связи с давлением США, поселенцам пришлось сдать свои позиции.

Мы можем сделать вывод: при всей неоднозначности оценок итогов развития переселенческого движения, на современном этапе оно продолжает выступать в качестве одной из наиболее влиятельных групп в государстве.

Еще одним немаловажным фактором стали взаимоотношения между государством Израиль и руководством еврейской диаспоры в США. Израильские и американские сионисты составляли правящий дуумвират в организационной системе сионизма.

В 1950 году был создан механизм взаимодействия между израильским правительством и ВСО – ЕА (Всемирной сионистской организацией – Еврейским агентством) в форме Координационного комитета, где были поровну представлены обе стороны. Создание Координационного комитета способствовало укреплению позиций израильского правительства в системе международного сионизма [4, с. 32]. 28 июля 1954 года была подписана конвенция, которая определяла «функции сионистского исполкома (Еврейского агентства)», заключавшиеся в следующем: *«организация иммиграции за рубежом и перевозка иммигрантов и их собственности в Израиль; сотрудничество в абсорбции иммигрантов в Израиле; молодежная иммиграция; сельскохозяйственные поселения в Израиле; поощрение частных капиталовложений в Израиле и т.д.»* [6, с. 60].

Таким образом, ВСО – ЕА признала себя подотчетной государству Израиль, но в то же время, получила в этом государстве особый статус. Был провозглашен приоритет в отношении организаций диаспоры, что превращало сионистов в связующее звено между государством Израиль и диаспорой. Определяющим фактором в этих взаимоотношениях является то, что и правительство израильского государства, и руководящие органы международных сионистских организаций контролируются националистической буржуазией еврейского происхождения. Это обеспечивает тесное сотрудничество ВСО и Израиля, значение которого выразилось в том, что Израиль предоставил международному сионизму весь свой государственный механизм, а ВСО – ЕА «на законных основаниях», в целях поддержки сионистского режима израильского государства, имеет возможность предпринимать действия, лежащие вне компетенции и права этого государства.

Было бы несправедливо не отметить еще одну из мощнейших организаций сионистов – Всемирный еврейский конгресс. ВЕК был создан в 1936 году по инициативе сионистских лидеров С. Уайза и Н. Гольдмана. Официально организация ставила перед собой задачу *«укреплять единство еврейского народа, обеспечивать развитие его религиозного, духовного, культурного и социального наследия, упрочивать связи всемирного еврейства с Израилем как центральной созидательной силой в жизни евреев, укреплять узы солидарности между еврейскими общинами повсеместно, обеспечивать как отдельным евреям, так и еврейским общинам права, статус и интересы там, где они отсутствуют, нарушаются или находятся под угрозой»* [9, с. 44].

Главный упор в своей деятельности ВЕК делает на создание всемирной сети «автономных» еврейских общин, на предоставление «еврейскому народу» статуса всемирной «культурно-национальной автономии». В отличие от ВСО, «теоретической базой ВЕК стали догмы духовного сионизма Ахад Гаама. Он считал, что главная цель сионизма – «национальное возрождение» евреев [4, с. 34]. В ВЕК представлены организации из 63 стран. Но ключевые посты в руководящих органах занимали представители верхушки американской еврейской общины.

Сама организация сыграла важную роль в дипломатии между правительствами Израиля и Западными государствами. Используя свой консультативный статус в ООН и ряде других международных организаций, ВЕК активно выступала в качестве проводника и защитника интересов Израиля.

Неотъемлемой частью сионизма также являлась финансовая помощь, приходящая Израилю из диаспор (сионистских организаций). После создания в 1948 году государства Израиль, часть функций финансово-экономических учреждений международного сионизма была передана органам данного государства. Вместе с тем, деятельность этих учреждений развивалась и расширялась, служа важным постоянным источником притока капитала в страну. Деятельность всей финансовой системы направлена на осуществление сионистских концепций Израиля как «чисто еврейского государства», «государства евреев всего мира» и служит гарантией существования в Израиле сионистского режима [7, с. 116].

Особое место в системе сионистских финансово-экономических учреждений занимает Еврейский национальный фонд (ЕНФ). К моменту образования государства под кон-

тролем ЕНФ находилось 54% захваченных земель. Согласно уставу, учреждение имеет право сдавать внаем принадлежащую ему землю только евреям. На земле ЕНФ запрещено использовать труд неевреев, что гарантировало выполнение сионистского лозунга «еврейский труд на еврейской земле». Крупным каналом поступления средств в Израиль стал Американский еврейский совместный комитет распределения (АЕСКР), специализирующийся на оказании финансовой помощи еврейским общинам за пределами США.

Особое значение для притока средств в Израиль имели «экономические связи» еврейской общины США и государства Израиль, которые развивались по следующим основным направлениям: покупка государственных облигаций; частные капиталовложения в государственный и частный секторы Израиля; пожертвования конкретным учреждениям – университетам, больницам, молодежным центрам и т.п. [6, с. 56].

Таким образом, сионистские круги, возглавлявшие еврейские общины США и других капиталистических стран, вели обширную деятельность по оказанию финансово-экономической помощи государству Израиль и могли влиять на политическую и экономическую обстановку в стране.

* * *

В наше время неоднократно поднимаются дискуссионные вопросы, связанные с сионизмом как «израильской агрессией, направленной против арабов». Эту точку зрения можно встретить в трудах всех арабских ученых, будь он родом из Палестины или Ирака. Например, арабский историк Мухсин Мухаммад Салих так писал о претензиях евреев на Палестину: *«Исторические претензии израильтян на Палестину также беспочвенны. Они правили лишь некоторыми частями Палестины в короткий период четырех веков, в то время как мусульманское присутствие на всей Святой земле исчисляется 12 веками (636–1917), с небольшим интервалом в период правления крестоносцев. Евреи, более того, оставили Палестину, и их связь с этой землей прервалась на 18 веков – со 135 года н.э. до начала XX века. Коренные палестинцы, с другой стороны, никогда не оставляли Палестины за последние 4500 лет, до тех пор, пока большинство из них не было силой изгнано в 1948 году еврейскими бандитами»* [9, с. 12]. Стоит отметить, что такие примеры отстаивания своей точки зрения присутствуют в арабской историографии и в более жесткой форме. Эту сторону можно и нужно понимать, так же, как и израильскую – у обеих сторон аргументы весомы.

Кроме этого необходимо учесть тот факт, что европейская, американская и советская историография содержат в себе пристрастные мнения, как к сионизму, так и к арабо-израильским конфликтам в целом. Американская и европейская (английская) стороны поддерживают израильскую точку зрения, и в работах ученых этого «лагеря» прослеживается не только оправдание сионистского движения, но и его открытая поддержка. Однако позиция Великобритании по данному вопросу несколько расходится с израильской, в связи с ликвидацией Британского мандата в Палестине в 1947 году.

Советский взгляд на сионизм полностью совпадал с арабским взглядом, с учетом того факта, что в лице государства Израиль советские историки видели оплот «империализма и буржуазии» на Ближнем Востоке, полностью подконтрольный США (что отчасти было верно).

Источники и историография.

1. Авива Халамиш. Иерусалим в период Британского мандата. М.: Тель-Авив: Открытый университет Израйля, 1998. 142 с.
2. Барнави Э., Фридлендер С. Евреи и XX век. Аналитический словарь. М.: Текст-Лехаим, 2004. 214 с.
3. Герцль Т. Еврейское государство. 1917. 320 с.
4. Главочек И. Идеология переселенческого процесса в Израиле // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ/OBSERVER. 2012. 121 с.
5. Государство Израиль. Справочник. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 276 с.

6. Гречишников А.В., Голубев В.Б. Социально-политические предпосылки возникновения сионизма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 265–269.
7. Кожин В.В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М., 1998. 240 с.
8. Лакер В. История сионизма. М.: «Кронн-пресс», 2000. 848 с.
9. Мухсин Мухаммад Салих. Палестинский вопрос. Его история и развитие до 2000 года. М.: Сауримо, 2002. 81 с.
10. Нордау М. Речи и статьи. Екатеринослав: Типо-лит. Л.И. Сатановского, 1898. 60 с.
11. Сатановский Е.Я. Ближневосточное «разрегулирование» // Независимая газета. 2003. 45 с.
12. Федченко А.Ф., Ковтунович О.В., Носенко В.И. Государство Израиль. Экономика и политика. М.: Наука, 1982. 195 с.

УДК 94(47).072.5

**ДВА ВЗГЛЯДА НА РУССКИХ ПАРТИЗАН –
УЧАСТНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА****ВАВИЛИНА Е.С.****Филиал МГУ в городе Севастополе**

Изучая события Отечественной войны 1812 года, необходимо быть предельно внимательным, доверяясь тем или иным фактам или взглядам, поскольку, в большинстве своем, мнения авторов могут не совпадать. Как правило, иностранные и русские авторы не сходятся в трактовке как самой войны, так и некоторых ее аспектах, например, московском пожаре, причинах поражения Наполеона или партизанском движении, ведь практически любая война – это средство политической борьбы, и ее интерпретация изменяется в зависимости от смены политических курсов [1, с. 9].

Изучая иностранные источники войны 1812 года, исследователь может обратить внимание на тот факт, что описанию русских партизан участники наполеоновской армии отводят достаточно большую часть своих воспоминаний, что довольно странно, поскольку непосредственного столкновения с упомянутыми партизанами могло и не произойти, но опасение по поводу возможной встречи присутствуют практически в каждом документе. Более того, в большинстве случаев, некоторые из которых будут приведены ниже, описание русских защитников достаточно категорично, что опять-таки наводит на мысли о причинах неприязни по отношению к партизанам.

Прежде, чем переходить непосредственно к источникам, необходимо обозначить их состояние. Наиболее доступна в этом плане, разумеется, русская литература, которая представлена в изложении событий как участниками войны, так и ее исследователями. Проблема иностранных источников заключается в том, что многие из них не переведены. Поэтому в данной статье будут использованы переведенные и непереведенные материалы для возможно более полного представления мнений. В частности, в оригинале были использованы: «Histoire de la Guerre de Russie en 1812 par M. Mortonval» (1829), «History of Napoleon's expedition to Russia, undertaken by the Emperor Napoleon in the year 1812. By general, count Philip de Segur» (1827), «Narrative of the campaign in Russia, during the year 1812 by Sir Robert Ker Porter» (1814).

Довольно предсказуема точка зрения русского народа, представленная, в общем виде, на примере высказывания Н.П. Жерве: «Славные, лихие партизаны... храбрецы-партизаны» [2, с. 9, 14, 22]. В самом деле, по-другому быть и не могло, ведь в течение войны необходима была патриотическая пропаганда для подъема боевого духа сражающихся, а после войны принято чтить своих героев вне зависимости от результатов.

Характеристика партизан в иностранных источниках довольно однообразна и, что логично, не с положительной стороны. К примеру, участник армии Наполеона, Монторваль, пишет о них следующее: «Violent jusqu'à la fureur» (неистовые в своей ярости) [9, с. 18], «colonel Benkendorff et du major Prendel, leur faisait une guerre aussi active et non moins cruelle» (полковник Бенкендорф и майор Прендель сделали войну активнее и, при этом, не менее жестокой) [9, с. 41]. Член близкого круга Наполеона граф де Сегюр вспоминает: «One hundred and fifty dragoons of his old guard been surprised and routed by a number of these barbarians» (Сто пятьдесят драгунов, стоящих на страже, были ошеломлены и наголову разгромлены огромным количеством этих варваров) [10, с. 70]. Сохранились следующие воспоминания: «Cosaques qui font la guerre à la manière des Mameloucks» (казаки воюют как мамелюки) [9, с. 375], «Cossacks, who, familiar as nomadic tribes, and expressive as the people of the south» (казаки похожи на племена кочевников и экспрессивны как жители юга) [10, с. 29].

Очень показательными являются замечания Комба, участника похода; описывая лишения в походе и условия, в которых приходилось жить французской армии, он приводит такие слова: *«Казаки, которых наши солдаты до сих пор презирали, внушали им теперь ужас партизанской войной, которую они с нами вели с невероятным ожесточением и непостижимой деятельностью, врасплох нападая на отряды, которые сбивались с дороги, выходя, как стая свирепых волков, из самых густых лесов и находя в них убежище благодаря своим превосходным маленьким лошадям, после того как причинили нам возможно более вреда, никогда не давая пощады. Легко понять, что эти нападения, совершаемые во всякий час дня и ночи этими воинственными и дикими полчищами, за которыми следует признать, что они превосходно понимали, как вести партизанскую войну, имели самое пагубное влияние на нравственное состояние наших несчастных солдат, подавленных усталостью, лишениями и окоченевших от холода»* [8, с. 504]. Французский генерал и военный писатель Жан-Батист де Марбо так выразил свое отношение к партизанам: *«Но вдруг два противных казака, эти пронырливые, подозрительные ищейки...»* [8, с. 112]. Участник похода Комб вспоминает: *«Казаки бросились в промежутки, как стая свирепых волков, и не с большим порядком»* [8, с. 226]. Из писем кирасирского капитана: *«Я очень сетовал, что такие разбойники, как казаки, внушают страх многим солдатам»* [8, с. 431]. Генерал Ж. Рапп следующим образом формулирует свое впечатление: *«казаки..., эти варвары затоптали нас»* [8, с. 487]. Шведский путешественник-современник так смотрит на них: *«he [Cossac] overwhelmed them with the fury of his own»* (он [казак] сокрушил собственной яростью) [11, с. 16]. Сам Наполеон с негодованием отмечал, что казаки «разворовали» его армию [9, с. 6].

Возникает вопрос: почему у французов такая ненависть именно к партизанам, а не к русским солдатам? Ведь наибольший урон наносили русские воины, и с ними приходилось сталкиваться на поле боя как с врагами.

Причин такой различной позиции в отношении партизан и казаков может быть несколько. Первая и, вероятно, наиболее важная причина состоит в том, что результаты войны были однозначны, и не возникает сомнений в том, кто одержал победу, а кто был вынужден принять поражение. Как следствие, это и повлияло на появление столь отличающихся друг от друга взглядов, т.е. победителей и проигравших. Очевидно, что открыто признаться в сокрушительном поражении и стремительном бегстве победоносной до того армии авторы подобных высказываний не могли даже себе и, поэтому, изобрели такой путь оправдания. Нельзя отрицать и того факта, что череда победоносных войн Наполеона до его прихода в Россию способствовала формированию мировоззрения, основанного на чувстве превосходства французской армии над всеми остальными, что в итоге и приводило к изначальной недооценке противника, а в процессе войны – и к его уничижительной характеристике, возможно, субъективной [4].

Еще одна причина называть наших партизан варварами заключается в том, что сам Наполеон говорил о России как о «варварской стране». Тем не менее, это не оправдывает того факта, что неприязнь в душах захватчиков вызывали не солдаты, а именно партизаны, ведь назвать «варварами» можно было и солдат. Разумеется, здесь затронута как психологическая, так и экономическая сторона вопроса. Партизанские отряды, в отличие от регулярных частей, присутствовали в подсознании французов практически постоянно, примером чего служит воспоминание ветерана французской армии: *«Mon cheval est fort beau, grand trotteur, chose très utile dans un pays où, lorsqu'on est isolé, on peut se trouver exposé à être poursuivi par des cosaques, troupe légère, qui voltage de part et d'autre»* (Лошадь у меня хорошая, быстрая, а это полезное качество в стране, где, когда окажешься один, можно подвергнуться опасности нападения казаков, легких отрядов, которые появляются с любой стороны) [6, с. 337]. Действительно, в воспоминаниях французских солдат опасение и даже открытый страх подвергнуться нападению присутствует постоянно, что не могло не отразиться на их психологическом состоянии. Не стоит забывать, что, кроме непрерывного напряжения в ожидании опасности, партизаны регулярно истребляли продовольствие, захватывали неприятелей в плен, крушили целые отряды.

Партизаны использовали один из самых проблемных аспектов французской армии – ее разобщенность. Ведь известно, что тыловая деятельность получает невероятный успех в тех случаях, когда враг не является единым организмом. Отсутствие единства было неотъемлемой особенностью наполеоновской армии, это понимали партизаны, и это понимал сам Наполеон. Кроме того, партизаны были отличными разведчиками, что тоже было известно наполеоновской армии. Владея хорошим французским языком, они свободно вливались в армию, разведывали ближайшие планы, что страшно злило французского императора, ведь в таких условиях неизвестно откуда можно ждать опасности и утечки информации.

Не стоит забывать и о другой стороне вопроса, которая активно затушевывается отечественными историографами и, поэтому, является спорной. Существуют сведения, что пленные французы, попадая в руки крестьян, испытывали нечеловеческие муки, подвергаясь бесконечным пыткам: их варили в кипятке, сжигали, закапывали в землю, рубили на куски, топили. Достоверно известно, что среди партизан особой жестокостью отличался А.С. Фигнер. Учитывая тот факт, что не все очевидцы точно отличали партизан и вооруженных крестьян, вполне заслуженно можно было бы прикрепить к партизанам термин «варвар». Сохранилось следующее воспоминание участника войны Франсуа, правдивость которого уже, естественно, нельзя проверить: *«Те [солдаты французской армии], у кого еще есть силы блуждать по деревням в поисках съестных припасов, становятся жертвами крестьян и казаков. Если некоторым из них выпадает на долю редкая честь быть взятыми в плен, варвары их раздевают донага и заставляют следовать за собой, пока они не умирают от холода, усталости и изнеможения»* [8, с. 576]. Что касается партизан, то майор Огюст Ипполит Бретон, попавший в плен под Красным, вспоминает следующее: *«Эти несчастные [пленные], как ты понимаешь, передвигались с невероятным трудом, и как только они останавливались или в изнеможении падали, дикие казаки, конвоировавшие нас, кричали: «Маришр!»»* [7].

Еще одна возможная причина, вызвавшая у участников наполеоновской армии впечатление о партизанах как о варварах, была внешность русских храбрецов. По внешнему виду партизанские отряды напоминали разбойничью шайку. Во-первых, часть ее составляли крестьяне либо с топорами и вилами, либо с отнятым французским оружием. Во-вторых, русские пленные, освободившись, часто надевали французские мундиры за именем своих. В целом, если представить себе впечатление участника наполеоновского похода, на которого стремительно надвигается подобная толпа орущих «разбойников», то подобные выводы выглядят вполне оправданными.

Важным фактором была информационная война с обеих сторон. Известными создателями сатирических карикатур на французов и Наполеона были А.Г. Венецианов, И.И. Теребенев и И.А. Иванов, чьи работы запечатлели также и трусость французских солдат перед казаками. Говоря о французской агитации, нельзя забывать высказывание самого Наполеона: *«Четыре газеты смогут принести врагу больше зла, чем сотысячная армия»*. Посредством печати он смог утвердить мнение о будущем противнике как об агрессоре. Еще до начала войны император получает секретный доклад поляка Михаила Соколицкого, где, помимо задачи уничтожения России как нации, говорится о том, что эта территория наполнена забитым и непонятным народом. Конкретно о казаках сказано, что они практически необразованны, но обладают чувством собственного достоинства. Таким образом, видна предварительная закладка убеждения, что русский народ в целом есть нечто неопределенное и необразованное; с подобной мыслью французы вступали в Россию, готовые к любой русской действительности и к ее интерпретации с субъективной стороны.

Подводя итог, необходимо признать, что взгляд на русских партизан априори не может быть однозначным. Жители России воспринимали их как своих защитников и это оправданно. Но если вспомнить и поверить тому, как обращались партизаны с пленными французами, то возникают сомнения по поводу доблести и благородства партизан, как о них думал простой народ. Это стереотип с одной стороны. С другой: стереотип у наполеоновской армии по поводу варварства партизан, в частности, казаков. Говоря начистоту, нельзя отрицать, что у французов были некоторые основания для того, чтобы называть наших партизан варварами, к примеру, уже упомянутое обращение с пленными солдата-

ми. Но это осталось в воспоминаниях у людей, которые проиграли эту войну и вынуждены были каким угодно образом оправдать это. Достаточно забавным является тот факт, что одно из немногих русских слов, которые остались во французском языке, является слово «le cosaque» как символ произведенного ими впечатления. Так или иначе, не стоит обвинять в излишней категоричности как одну сторону, так и другую, ведь известный военный писатель и историк Модест Иванович Богданович писал: *«При описании войны нельзя обойтись без сличения показаний обеих сторон, которое лишь одно может послужить к беспристрастному исследованию истины»* [3].

Источники и литература.

1. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. 611 с.
2. Жерве Н. Славные партизаны 1812-го года. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1912. 224 с.
3. Как это было... [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.smolensk-1812-2012.ru/history/>
4. Калмыков В.С. Проблема самосознания французских и русских военнослужащих эпохи Наполеоновских войн (по их мемуарам) [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО Университета. 2012. Вып. № 5 (26). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-samosoznaniya-frantsuzskih-i-russkih-voennosluzhaschih-epohi-napoleonovskih-voyn-po-ih-memuaram-1>
5. Народы юга России в Отечественных войнах // Материалы Международной научной конференции (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 479 с.
6. Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года / сост. Е.Н. Рудная. М.: Вече, 2012. 384 с.
7. Рей М. Россия и русские глазами пленных французов в 1812 г: компаративное исследование [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 4 (12). Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2012/Rey.pdf>
8. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев [сборник]: в 3 ч. / сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживеллегов, С.П. Мельгунов. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2012. Ч. I–II. 736 с.
9. Histoire de la Guerre de Russie en 1812 par M. Mortonval. Histoire militaire des Francais, par Campagnes. 8e livraison. Orneé des portraits, cartes et plans. Paris: Ambroise Dupont et C-ie, libraries, editeurs de l'histoire de Napoléon de norvins, quai de Voltaire № 15, et rue Vivienne, № 16, 1829. 128 p.
10. History of Napoleon's expedition to Russia, undertaken by the Emperor Napoleon in the year 1812. By general, count Philip de Segur. Vol. II. Sixth edition, revised and corrected. London: Treuttel and Wurtz, Treuttel, jun. and Richter, 30, Soho Square, Printed by C. Roworth, Bell Yard, temple Bar, 1827. 382 с.
11. Narrative of the campaign in Russia, during the year 1812 by Sir Robert Ker Porte r. London: Baltimore, E.J. Coale, 1814. 419 p.

УДК 94(477).08 "1914–1940"

ТРИДЦАТАЯ БЕРЕГОВАЯ БАТАРЕЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ.
ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

ВОСКРЕСЕНСКАЯ А.Н.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В Севастополе и его окрестностях много исторических мест, которые стали не только визитной карточкой города-героя, но и свидетельствами его славного прошлого, символами мужества, знаками доблести и чести защитников черноморской твердыни. К таким памятникам можно отнести и береговые артиллерийские батареи, которые, по замыслу их строителей, должны были надежно защищать Севастополь с морских направлений. Каждая из этих батарей – часть яркой отечественной истории строительства фортификационных сооружений. И через много лет эти грандиозные инженерные комплексы вызывают восторг и трепет у всякого, кто умеет ценить холодную красоту крепостей.

Две массивные артиллерийские башни, упрятанные в камуфляжную трехцветную раскраску, неизменно приковывают взгляд каждого, кто спускается в Бельбекскую долину. Еще 20 лет назад эти орудия покрывала маскировочная сеть, и рассмотреть их было не просто. Этого места нет на туристических картах, но мощная и непобедимая «Тридцатка» известна не только жителям Севастополя и Крыма, но и далеко за пределами полуострова. Это – территория небывалого подвига и небывалой человеческой силы. Но, что же знаем о стационарной береговой артиллерийской батарее, которая и в наше время, спустя 100 лет со дня своего основания, является официально действующей воинской частью? Доподлинно известно, что батарея № 30 являлась *«своеобразным «костяком» системы артиллерийской обороны Севастопольской крепости и наносила противнику серьёзный урон»*. А еще она считается мощнейшей в Европе артиллерийской батареей. Опыт Русско-японской войны 1904–1905 гг. показал необходимость иметь на вооружении морских крепостей современную дальнобойную артиллерию, чтобы защищать военно-морские базы от обстрела с моря [4, с. 20].

Недостатком в расположении береговых батарей Севастополя было то, что все они группировались на довольно узком участке от Толстого мыса до Карантинной бухты. Это создавало высокую плотность огня на внешнем рейде и перед входом в Севастопольскую бухту, однако, позволяло неприятельским кораблям беспрепятственно обстреливать крепость и город со стороны мыса Фиолент и Балаклавы [4, с. 21].

В «Докладе Генерального Штаба Военного ведомства...» говорилось: *«На Черном море программа развития морских вооруженных сил предусматривает переустройство главной оперативной базы флота Севастополя»* [4, с. 21]. Все это стало прологом к строительству в окрестностях Севастополя новой, более совершенной в инженерном отношении и по вооружению береговой стационарной артиллерийской батареи.

В докладе Генерального Штаба Военного ведомства также говорилось, что на усовершенствование и усиление приморского флота выделяется 8 000 000 рублей. Эти средства должны были пойти, в том числе, и на строительство Бельбекской долговременной группы оборонительных сооружений.

В 1911 году начальник Главного артиллерийского управления генерал Д.Д. Кузьмин-Караваев приказал заказать для батарей новой береговой обороны 12-дюймовые пушки 52-го калибра, которые имели более удлиненную на 9 дюймов камору¹, чем пушки Морского ведомства, что способствовало меньшему износу орудий при стрельбе [4, с. 21].

¹ Камора – задняя часть канала артиллерийского орудия, в которую помещается заряд перед выстрелом [2, с. 336].

Следующий важный вопрос касался размещения батареи № 26 (первоначальное название тридцатой батареи).

По первоначальным эскизам, батарея № 26 должна была располагаться в одной группе с батареями №№ 16 и 24, но при дальнейшем, более детальном изучении этого вопроса, оказалось, что такое размещение нерационально [1, с. 81]. Именно поэтому Инженерный комитет высказался за то, чтобы батарея находилась на левом фланге Бельбекской долговременной группы.

Бронебашенную севастопольскую батарею начали строить в 1912 году в устье реки Бельбек с учётом рекомендаций Ц.А. Кюи, который известен не только как член знаменитой «Могучей кучки», но также как успешный фортификатор. Именно он выбрал наиболее выгодное местоположение для будущей «Тридцатки».

Те, кто бывали там, подтвердят, что место как нельзя лучше подходит для расположения фортификационного сооружения. Возвышенность несколько изогнута и одной стороной обращена к морю. Кроме того, господство над окружающей местностью обеспечивало орудиям круговой обстрел (высота около 60 метров над уровнем моря) [3, с. 38].

Крутизна склонов до 45 градусов вокруг будущей батареи давала подземному объекту большие тактические преимущества и, одновременно, определила особенности его строительства и архитектуру возводимых сооружений. По проекту, укрепления башни были объединены одним подземным монолитным блоком, а командный пункт, дальноммерные посты и подбашенные помещения соединялись подземными коридорами, что позволяло повысить живучесть батареи, облегчить скрытое передвижение и обеспечить безопасность личного состава.

В 1912 году был написан специальный документ под названием «Временная инструкция для устройства перекрытий и стен казематированных крепостных помещений». Опираясь на его параграфы, собственно, и велось строительство. Согласно инструкции, *«Напольные стены блока рассчитывались на два попадания в одно место 12-дюймовых снарядов морской артиллерии при углах попадания 20 градусов и имели слоистую конструкцию – 2,4 м бетона, 2,1 м песчаной прослойки и 2,1 м бетона. Сводчатые казематы с противооткосной стальной прослойкой системы полковника Савримовича состояли из сплошного слоя гнутых стальных швеллеров и 30 см асфальтобетона над ними. Они создавались из монолитного неармированного бетона толщиной 2,4 м. Такое перекрытие могло выдержать прямое попадание 12-дюймового снаряда»* [4, с. 23].

По-сути новая и самая современная береговая батарея должна была стать своеобразным подземным линкором, надёжно защищенным бетоном и земляным массивом от существовавших в то время и перспективных тяжелых боеприпасов противника (см. рис. 1). Неудивительно, что прототипом для сухопутного варианта механизмов подачи орудийных зарядов стали аналогичные корабельные механизмы. На батарее, как на корабле, были спроектированы кубрики для личного состава с многоярусными лежаками, каюты, камбуз, энергоотсек.

Уже тогда батарею планировали сделать полностью электрифицированной. Все операции по заряданию и наведению орудия выполняли 17 электродвигателей. На поверхности должны были находиться только орудийные башни с 200-миллиметровой броней [5].

Строительство будущей батареи № 30 поначалу шло быстрыми темпами. Были поставлены и забетонированы по периметру жесткие барабаны башен, навешено 40% броневых дверей, остальные двери имелись на стройплощадке в полном комплекте. Для доставки тяжеловесных частей башенных установок от станции Мекензиевы Горы сделали насыпь и подвели железнодорожную ветку. Водоснабжение батареи обеспечивалось двумя артезианскими скважинами. Для хранения воды под полом орудийного блока устроили специальные бетонные резервуары, общей емкостью 500 м³ [3, с. 25]. Для поддержания в помещениях нужного температурно-влажностного режима была смонтирована система паровоздушного калориферного отопления (пар вырабатывался двумя подземными котельными) [6].

К 1914 году строители успели лишь вырыть котлованы для башен и устроить несколько подземных погребов, после чего, в 1915 году строительство батареи законсерви-

ровали. Средств в государственной казне не было. Да и обстановка на море в тот период позволяла перенаправить средства военного бюджета на иные статьи, поскольку в 1914–1917 годах российский флот господствовал на Черном море, и корабли противника опасались приближаться к базам императорского флота.

К сожалению, события Октябрьской революции 1917 года помешали дальнейшему строительству, которое пришлось приостановить на 11 лет. Лишь в 1925 году Комиссия по вооружению Главного артиллерийского управления Рабоче-Крестьянского Красного Флота (ГАУ РККФ) приняла решение о возобновлении строительства тридцатой батареи.

9 марта 1928 г. на заседании Революционного Военного Совета (РВС) СССР под председательством К.Е. Ворошилова было принято решение: *«Признать необходимым достроить 305 мм башенную батарею в Севастополе, и к постройке приступить в текущем году в пределах средств, намеченных на береговую оборону в 1927–28 гг.»* [4, с. 25].

После издания документа строительство фортификационного комплекса возобновилось, чтобы завершить возведение батареи к указанному сроку, а именно к 1 июля 1933 года.

Однако было несколько проблем, которые тормозили строительство: бетонный массив батареи был весьма далек от завершения, совершенно не был начат монтаж оружейных башен, внутреннего оборудования и инженерных коммуникаций, а командный пункт не существовал даже в проекте.

Для устранения недочётов, под руководством военного инженера А.И. Василькова, был разработан новый план оборонительного устройства. В частности, было принято решение о строительстве камнедробильного и бетонного заводов, подача песка осуществлялась с Любимовского пляжа, а также была восстановлена железная дорога, по которой на строительную площадку доставлялись нужные материалы.

К сентябрю 1930 года были восстановлены крановые пути, после чего началось строительство бетонного завода для бетонирования покрытий блока.

Для обеспечения общей монолитности стен и перекрытий батареи, их пришлось разбить на отдельные блоки объёмом от 800 до 2200 кубических метров, каждый из которых бетонировался слоями толщиной 20 см с интервалом не более двух часов. Первый артиллерийский блок смогли закончить к 27 февраля 1932 г., а к 1 мая бетонирование основного массива батареи было завершено. Всего было уложено около 22000 кубических метров бетона и 2000 т. стальной арматуры. Параллельно достройке оружейного блока производились работы по возведению системы командного пункта.

Совмещение командного пункта с огневой позицией понижало живучесть батареи и не отвечало требованиям времени. В окончательном варианте строительства командный пункт решили разместить на вершине высоты 39.8, примерно в 650-ти метрах северо-восточнее артиллерийского блока и соединить с комплексом патерной. На поверхности высоты выдавался только элемент КП с бронеколпаком наблюдения и дальномерной рубкой. Все остальные укрытия командного пункта строились тоннельным способом на глубине 37 м. от уровня земли [4, с. 26].

26 июня 1933 года строительство объекта посетил начальник инженеров РККА Н.Н. Петин. Изучив обстановку, он выяснил, что, не смотря на очевидный прогресс, работы продолжают с большим отставанием от календарных планов. После этого был издан приказ, в котором говорилось: *«План работ по батарее, которая должна была вступить в строй еще в прошлом году, на 1 июня 1933 г. выполнен лишь на 22,8%. Такие, совершенно недопустимые на военной стройке, темпы работ объясняю не только задержкой в получении для батареи из Центра боевого и технического оборудования, но и совершенно неудовлетворительным руководством работами ...»* [1, с. 27].

В связи с изданным указом, были приняты меры об ускорении строительных работ, включая ускорение доставки недостающего артиллерийского и технического оборудования.

К середине 1934 года был завершён монтаж внутреннего оборудования, инженерных коммуникаций, тогда же был произведён пробный отстрел обеих оружейных башен и первой очереди системы управления стрельбой «Баррикада» [4, с. 30]. К этому периоду полностью был воплощён в жизнь архитектурный облик оборонительного сооружения. Бата-

рея состояла из орудийного блока с двумя башнями, командного пункта с боевой рубкой, радиорубкой и центральным постом, отдельного блока электрической трансформаторной подстанции. Вооружением являлись четыре 305-мм пушки длиной ствола в 52 калибра.

Башенные артустановки "МБ-2-12" по устройству были идентичны артустановкам 35-й береговой батареи и вооружению фортов "Красная горка" и "Ино" в Кронштадтской крепости, за исключением подачи боеприпасов из погребов в перегрузочные отделения податчиков (см. рис. 2). На 35-й батарее снаряды и пороховые заряды доставлялись из погребов по трубам, а на 30-й батарее они выкатывались по рольгангу (роликовому транспортеру) [4, с. 32]. В отделениях перегрузки боеприпасов, вместо перемещающихся вручную зарядных тележек, была установлена вращающаяся платформа с приводом от электрического двигателя. Снаряды в погребах хранились штабелями, а их подача к транспортерам перегрузочных отделений выполнялась при помощи храповых тележек на монорельсах. Пороховые полузаряды находились отдельно, в погребах в металлических футлярах на стеллажах сотового типа. Общая площадь помещений орудийного блока составляла около 3000 квадратных метров.

В мирное время гарнизон батареи, который составлял более 500 человек, проживал в специально построенном поблизости жилом городке с квартирами для командного состава и казармами для рядовых краснофлотцев. Там же располагались клуб, баня, многочисленные мастерские, трансформаторная подстанция, запитанная от электростанции Северного дока.

Номинально батарея начала своё функционирование уже в 1934 году, однако, дополнительные работы по доделке и исправлению некоторых частей батареи велись вплоть до 1940 года. К началу Великой Отечественной войны оборонительное сооружение было полностью готово к эксплуатации.

Источники и литература.

1. Андреев В. Севастопольская крепость в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. // Фортовед. 2014. № 7. С. 68–130.
2. Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.: Т-во И.В. Сытина, 1911–1915. Т. 12. С. 323–652.
3. Вяткин Л. Сухопутный линкор Александра [Электронный ресурс] // Сайт «Подземный Севастополь». Режим доступа: http://sevdig.sevastopol.ws/stat/30_2.html
4. Гаврилкин Н.В., Стогний Д.Ю. 305-мм башенная батарея № 30: 70 лет в строю История постройки // Цитадель. 2007. № 12. С. 20–35.
5. Руденко-Миних И. 30-я батарея в Севастополе: «Самая сильная крепость мира» [Электронный ресурс] // Сайт «Флот 2017». Режим доступа: <http://flot2017.com/item/history/19376>
6. Стаценко А. Героическая 30-я. [Электронный ресурс] // Сайт «Warspot». Режим доступа: <http://warspot.ru/1805-geroicheskaya-30-ya>

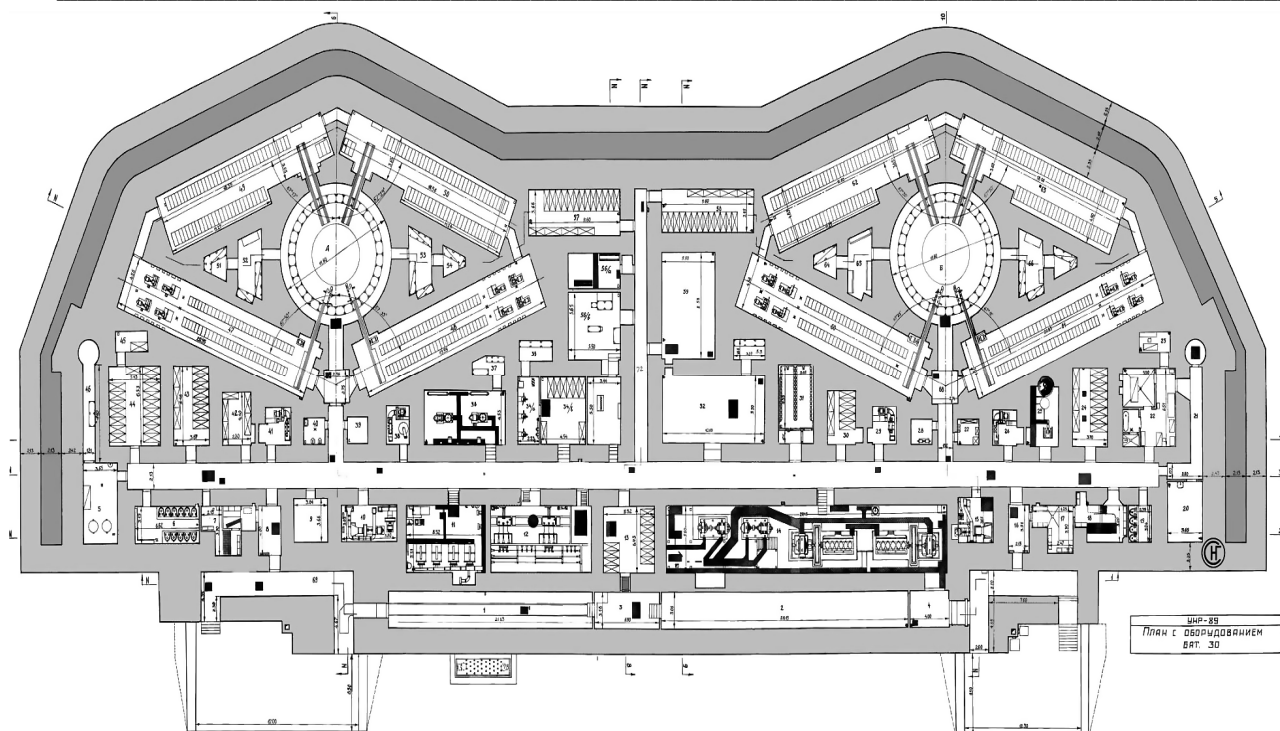

Рис. 1. Экспликация помещений 30-й батареи

А. Левая башня, Б. Правая башня, 1. Камера фильтров, 2. Камера фильтров, 3. Пост Начхима, 4. Проход в силовую станцию, 5. Камбуз, 6. Галльон, 7. Шлюз, 8. Проход, 9. Помещение командира батареи, 10. Вытяжные вентиляторы, 11. Котельная, 12. Трансформаторы, 13. Помещение краснофлотцев, 14. Силовая станция, 15. Вытяжные казематные вентиляторы, 16. Проход, 17. 1-й тамбур, 18. 2-й тамбур, 19. Галльон, 20. Кубрик комсостава на 8 человек, 21. Вход в потерну к КП, 22. Перевязочный пункт, 23. Аптека, 24. Помещение на 22 краснофлотца, 25. Водонасосная станция, 26. Нагнетательные вентиляторы, 27. Местный центральный пост ПУАО, 28. Помещение для дежурного командира, 29. Нагнетательные вентиляторы, 30. Телефонная станция, 31. Аккумуляторная, 32. Мастерская, 33. Инструментальная кладовая, 34. Помещение краснофлотцев, 35. Кладовая, 36. Кладовая связи и приборов, 37. Кладовая электротехническая, 38. Нагнетательные вентиляторы, 39. Галльон для комсостава, 40. Умывальник, 41. Нагнетательные вентиляторы, 42. Помещение для начсостава на 6 человек, 43. Помещение на 22 краснофлотца, 44. Помещение на 38 краснофлотцев, 45. [?], 46. Продуктовая кладовая и ледник, 47. Снарядный погреб, 48. Снарядный погреб, 49. Зарядный погреб, 50. Зарядный погреб, 51. Ручные гранаты, 52. Кладовая ружейных патронов, 53. Башенная кладовая, 54. Башенная кладовая, 55. Проход, 56. Аккумуляторная телефонной станции, 57. Помещение на 34 краснофлотца, 58. Помещение на 34 краснофлотца, 59. Каюткомпания, 60. Снарядный погреб, 61. Снарядный погреб, 62. Зарядный погреб, 63. Зарядный погреб, 64. Башенная кладовая, 65. Башенная кладовая, 66. Башенная кладовая, 67. Башенная кладовая, 68. Проход, 69. Сквозник, 70. Сквозник, 71. Главный коридор, 72. Центральный коридор, 73. Дымовая камера

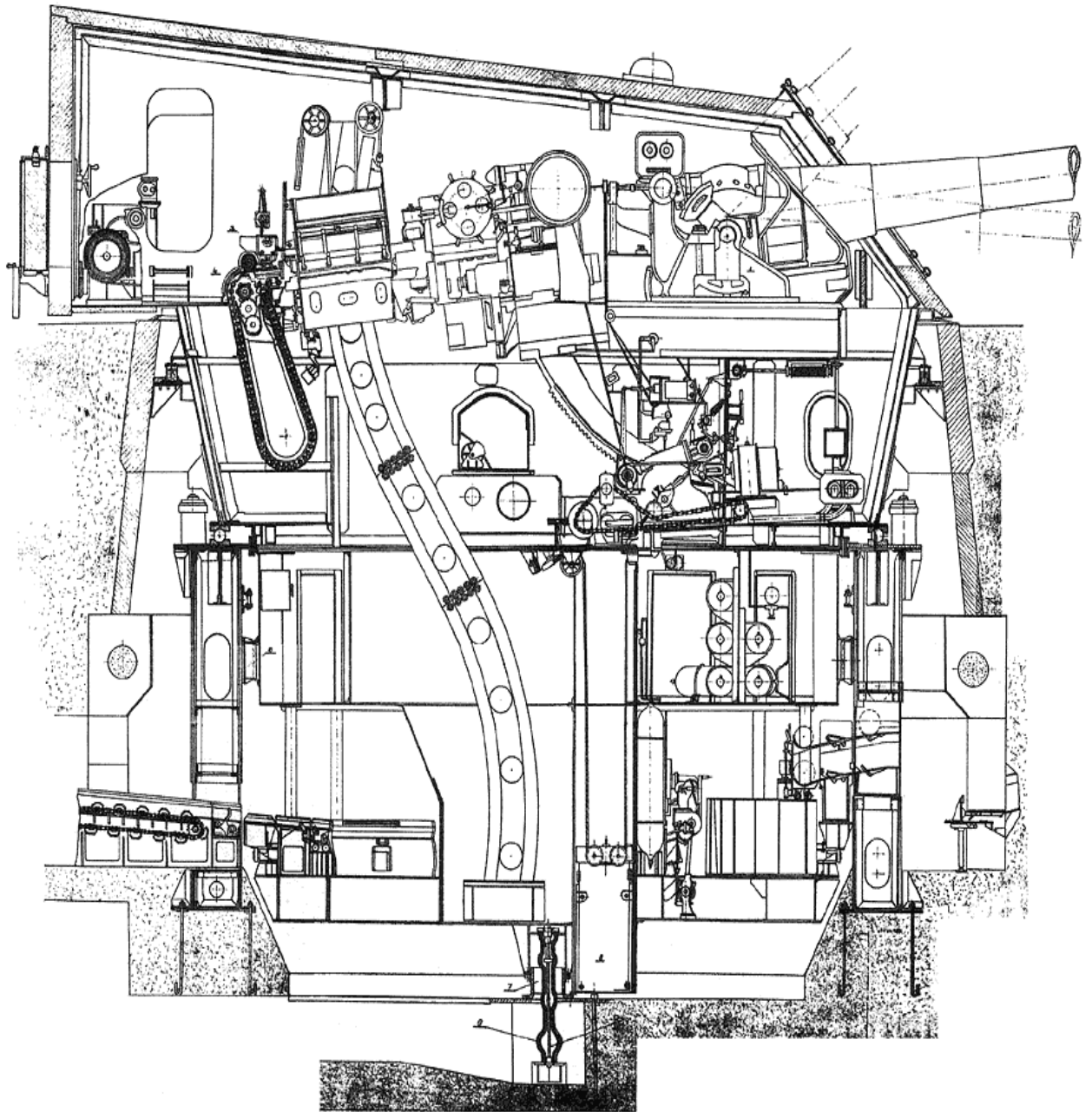

Рис. 2. Схематический разрез башенной установки МБ-2-12ФМ

УДК 94(477).083 "1905"

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.П.ШМИДТА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ
1905 ГОДА В СЕВАСТОПОЛЕ****ЕРДОКЕСКО Е.А.****Филиал МГУ в городе Севастополе**

Петр Петрович Шмидт является, пожалуй, одной из самых противоречивых личностей в истории Севастопольского вооруженного восстания 1905 года. Кто-то отмечает, что он был трусоват и являлся психически нездоровым человеком, пытался избежать любой опасности, встававшей у него на пути [6], для других П.П. Шмидт служил примером героизма [5]. И в связи с этим актуален вопрос: кем же он был – трусом, или героем? Для этого необходимо проследить деятельность П.П. Шмидта в Севастополе.

Отсчет событий следует начать с 18 октября 1905 года, так как именно с этой даты имя П.П. Шмидта впервые стало широко известно. В тот день Петр Петрович, вместе с другими жителями Севастополя, вышел на демонстрацию, посвященную Высочайшему манифесту императора Николая II, в котором провозглашались незыблемые основы гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов [1]. Казалось бы, радостное для всех событие, которое должно было увенчаться народными гуляниями, закончилось убийством демонстрантов у здания городской тюрьмы.

Причина трагедии заключалась в том, что жители Севастополя, среди которых находился П.П. Шмидт, после издания манифеста не просто гуляли по Приморскому бульвару и Екатерининской площади, но и пели «Марсельезу», бывшую символом Французской революции, произносили речи, носившие политический и антимонархический характер. Кроме того, демонстранты разорвали портрет Николая II, тем самым проявив неуважение к государственной власти и императору, но этого толпе показалось мало. Они решили, что следует освободить политических заключенных, поэтому, двинулись к зданию тюрьмы, где встретили сопротивление роты охраны, не допускавшей их к воротам. В результате, часть демонстрантов была убита, часть ранена, остальным посчастливилось убежать [2, с. 109].

События 18 октября 1905 года вызвали большой резонанс среди жителей Севастополя. Горожане направили телеграмму председателю совета министров империи С.Ю. Витте, в которой потребовали, чтобы убийцы демонстрантов были немедленно высланы из города, так как они нарушили Высочайший манифест, а соответственно, и волю Государя [2, с. 112–113]. Когда 20 октября прошли похороны демонстрантов, на них выступил П.П. Шмидт со знаменитой речью, в которой клялся, что он и присутствовавшие на похоронах люди не оставят борьбу за свободу, что все люди отныне равны и будут считаться «свободными братьями Великой Свободной России» [2, с. 118].

В тот же день П.П. Шмидт был арестован и помещен на броненосец «Три святителя», откуда написал обращение к гражданам Севастополя. В нем Петр Петрович еще раз напоминает жителям о том, что он арестован за свободное слово, которое, согласно манифесту от 17 октября 1905 года, не запрещено. Соответственно, это – произвол. Шмидт потребовал гласного суда над ним, ведь тогда он сможет нанести «последний тяжкий удар ненавистному режиму» [2, с. 121].

В результате, на волне революционных настроений, П.П. Шмидта вначале избирают депутатом Севастопольского порта, а затем и вовсе пожизненным депутатом севастопольских рабочих, о чем он пишет в письмах к сестре Анне Петровне Избаш и знакомой Зинаиде Ивановне Ризберг [2, с.122–124]. Петр Петрович с восхищением описывает эти радостные события, подчеркивает, что рабочие видят в нем не офицера, а своего товарища.

Благодаря усилиям городской думы, П.П. Шмидт вскоре был отпущен на свободу, однако, за его освобождением последовала резолюция Главного командира Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирала Г.П. Чухнина [2, с. 122]. В ней говорилось, что если П.П. Шмидт будет присутствовать на сходках или заниматься агитаторством, его немедленно арестуют и предадут суду, ввиду невыполнения лично отданного ему приказа.

Как оказалось впоследствии, Петр Петрович пренебрег приказом командующего и принял участие в восстании на крейсере «Очаков». На корабль он прибыл 14 ноября 1905 года по приглашению депутатов эскадры. Когда П.П. Шмидт ступил на палубу восставшего крейсера, его радостно приветствовали матросы, увидевшие в нем своего предводителя. П.П. Шмидт выступил перед ними с речью, в которой заявил, что единственным их требованием должен быть созыв Учредительного собрания [4]. Утром 15 ноября на «Очакове» и еще нескольких кораблях, которые, впрочем, меняли свои решения, а также на флагшток флотской дивизии были подняты красные флаги. По указанию Шмидта на «Очакове» был поднят сигнал: «Командую флотом. Шмидт» [3].

Сам П.П. Шмидт на миноносце «Свирепый» обошел эскадру, так как надеялся, что боевые корабли примкнут к восставшим, но лишь немногие на это решились, и лидер повстанцев был очень недоволен и расстроен этим. Однако восставшим удалось присоединить к мятежу броненосец «Пантелеймон», который ранее назывался «Князь Потемкин Таврический»: они захватили в плен офицеров, а затем свезли их на «Очаков». Кроме того, им удалось освободить арестованных матросов-потемкинцев, заточенных на судне «Прут», но на этом их успехи завершились.

Уже в полдень восставшим был предъявлен ультиматум о сдаче позиций, однако, они отвергли его, так как все еще верили в свою победу. Был даже пущен слух, что П.П. Шмидт собирается начать бомбардировку города в два часа дня. Возможно, так оно и было, ведь он приказал подвезти к борту «Очакова» транспорт «Буг», на котором хранилось огромное количество снарядов и взрывчатки, хотя, с другой стороны, это было нужно для того, чтобы противники восставших не открыли по ним огонь. Но план был раскрыт и командир «Буга», боясь взрыва, который мог бы обратить город в развалины, затопил свое судно [4].

В это же время миноносцы «Свирепый» пошел в атаку, однако, встретил яростное сопротивление – по нему открыли мощный залповый огонь с крейсеров «Память Меркурия», «Капитан Сакен» и броненосца «Ростислав». «Очаков» пытался оказать помощь, но усилия команды крейсера были тщетны, так как там начался пожар, и в скором времени и «Очаков», и «Свирепый» подняли белые флаги, а вслед за ними сдался и броненосец «Пантелеймон» [2, с. 183].

А где же был руководитель восставших, П.П. Шмидт, когда на «Очакове» вспыхнул пожар? Петр Петрович Шмидт, вместе с сыном, переодевшись матросом, пытался скрыться на миноносце № 270, но ввиду того, что команда этого корабля отказалась пристать к броненосцу «Ростислав», миноносец был обстрелян и был захвачен [4].

П.П. Шмидт, как участник восстания, предстал пред военно-морским судом, на котором вновь произнес пламенную речь. В ней он говорил, что все обвиняемые остались верны своему народу и присяге, и что русский народ не видит в них преступников, но их, несмотря на это, судят. Петр Петрович также заявил, что, ступая на палубу «Очакова», он понимал, что этот крейсер беспомощен и не способен к самообороне. Но он не мог поступить иначе, так как люди просили его о помощи, ибо нуждались в нем. Поэтому, если бы он отвернулся от них, то чувствовал бы себя изменником, который предал свой народ [5, с. 169–174]. Подсудимый заявил также, что знал: по восставшим Лазаревским казармам будет открыт огонь. И не пойдя к восставшим морякам, а оставаясь дома и услышав первые звуки канонады, он бы наложил на себя руки. В конце речи Шмидт заявил, что сейчас под судом находятся не только подсудимые, но и весь народ России [5, с. 174].

Несмотря на столь пламенную речь, суд принял решение, которое оказалось не в пользу восставших. П.П. Шмидта приговорили к смертной казни через повешение, которое впоследствии было заменено расстрелом. Приговор был приведен в исполнение 6

марта 1906 года на острове Березань; вместе со Шмидтом были казнены старший баталер Сергей Частник, комендор Никита Антоненко и машинист Александр Гладков [3].

Память о казненных повстанцах была впоследствии увековечена. На острове Березань, на месте казни, в 1968 году был установлен памятник по проекту архитекторов Л.И. Галкиной и А.Н. Очаковского). В честь П.П. Шмидта названы улицы во многих городах России и Украины; ему посвящена картина В.Ф. Жемерикина «Лейтенант Шмидт», поэма Бориса Пастернака «Лейтенант Шмидт», фильм «Почтовый роман» режиссера Е.С. Матвеева, раскрывающий сложные взаимоотношения между Шмидтом и Зинаидой Ризберг, с которой он переписывался после случайного знакомства в поезде.

Таким образом, дать однозначную оценку личности и поступкам П.П. Шмидта нашему обществу не удалось до сих пор.

Источники и историография:

1. Манифест об усовершенствовании государственного порядка. 17 октября 1905 г. [Электронное издание] // Сайт «Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова». Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/oct1905.htm>
2. Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. Документы и материалы. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1957. 569 с.
3. Зинько Ф. Просвещеннейший капитан [Электронное издание] // Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/SCHMIDT.HTM>
4. Никольский Б.В. Севастополь, год 1905. [Электронное издание] // Режим доступа: <http://www.proza.ru/2010/02/15/1292>
5. Самолис Г.В. Лейтенант Шмидт. М.: Политиздат, 1982. 174 с.
6. Шигин В.В. Неизвестный лейтенант Шмидт [Электронное издание] // Режим доступа: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?id=4&n=10&y=2001>

УДК 94(47).081

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ США И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США 1861–1865 ГГ.****Кулакова Е.Р.****Филиал МГУ в городе Севастополе**

В начале 60-х годов XIX века внимание европейской дипломатии было привлечено к Новому Свету в связи с начавшейся Гражданской войной в США, в которой столкнулись две общественные системы: индустриальный Север и традиционный Юг. Вместе с этим, международное положение США в тот критический для них период определялось противоречиями между великими державами. В первую очередь следует иметь в виду англо-русские отношения.

Главными факторами в русско-американских отношениях до гражданской войны, которыми обуславливалась, главным образом, позиция России по отношению к борющимся сторонам во время войны, было отношение обеих держав к Англии во-первых, и международная политическая обстановка в целом, осложнившаяся в 1861–1863 гг. польским вопросом, во-вторых.

Изоляция, в которой оказалась Россия после поражения в Крымской войне, и враждебная политика Англии по отношению к США, грозившая разрушением их политического единства, в начале 60-х гг. XIX в. фактически превратила две страны в изгоев на международной арене и подталкивала их к установлению более тесных контактов друг с другом. Безусловным сближающим моментом и залогом дружественного характера их взаимодействия в 60-е годы выступили заявленная Россией позиция нейтралитета в борьбе Севера и Юга с одной стороны и демонстрируемая американским правительством в ответ поддержка России в ее противостоянии с Англией с другой.

Пожалуй, одним из самых ярких сюжетов гражданской войны стал визит двух российских эскадр в Америку в 1863–1864 гг. Одна прибыла в Нью-Йорк, другая – в Сан-Франциско. Российские военные корабли оставались в США на протяжении года.

Программа пребывания российских моряков в Америке была обширна. Многие из них писали о визите в далекую страну. Например, композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, который был во время описываемых событий гардемарином и служил на клипере «Алмаз», писал: *«В Соединенных Штатах мы пробыли с октября 1863 года по апрель 1864 года. Ожидавшаяся война с Англией не состоялась, и нам не пришлось каперствовать и устрашать английских купцов в Атлантическом океане... Во время нашей стоянки в Соединенных Штатах американцы вели свою междоусобную войну северных и южных штатов за рабовладельческий вопрос, и мы с интересом следили за ходом событий, сами держась исключительно в северных штатах, стоявших за свободу негров, под президентством Линкольна. К апрелю 1864 года стало известно, что войны с Англией не будет, и что наша эскадра получит другое назначение...»* [8].

Некоторые американские историки полагают, что русские военные корабли были посланы в США для участия в гражданской войне на стороне северян. В монографии Джеймса Каллагана утверждалось, что посылка русского флота явилась для Союза значительной военной и моральной поддержкой.

«В тяжчайший час американской истории... только одна рука в Европе протянулась к нам с горячей симпатией и доброй волей – из русских степей. Россия отказалась присоединиться к европейскому предложению об участии в посредничестве или интервенции и послала свои флоты в американские воды как доказательство всему миру ее симпатии к делу Союза» [1]. Каллаган называет эти отношения сердечным согласием и считает реальным предположение о существовании союза между Россией и Америкой.

Охарактеризуем словами американского историка А. Саймонса то впечатление, которое произвело появление русских судов в Америке: *«Весь Север был потрясен этим и громко аплодировал. Поистине явились избавители. Теперь-то никакая иностранная держава не осмелится вмешаться»* [2].

Большинство спорных вопросов, связанных с причинами и целями отправки российских кораблей в США, было снято после выхода в свет работ советских ученых А.В. Ефимова и М.М. Малкина, которые ввели в научный оборот большое количество неопубликованных архивных документов.

В очерках истории США А.В. Ефимов указывает, что посылка эскадр в Атлантический и Тихий океаны была произведена на основе смело задуманного плана наступательных операций в неминуемо ожидавшейся войне с Англией и Францией из-за польского вопроса. *«Главной задачей посылки эскадр было создать угрозу на путях английской мировой торговли, чтобы повлиять этим на ее позицию в польском вопросе»*, – заверяет Ефимов, опираясь на документы российских архивов [4, с. 354].

Наиболее полной и авторитетной работой о позиции России в период гражданской войны на сегодняшний день остается монография М.М. Малкина, в которой автору удалось во всех деталях проанализировать старую легенду о существовании союза между Россией и США, опираясь на документы МИД в Москве и Российского Государственного Архива Военно-морского Флота. *«Деятельность эскадр в американских водах не имела непосредственного отношения к гражданской войне... Все время подчеркивался строгий нейтралитет России в борьбе Севера с Югом. Однако, учитывая, что мирное население города не защищено военными силами, на случай нападения каперов Конфедерации, русская эскадра «единственно из человеколюбия», а не политики, защитит мирных жителей города»* [5, с. 300].

Несмотря на ряд противоречий, в архивах сохранились документы, которые объективно воссоздают картину прошлого.

В начале гражданской войны русская дипломатия заняла выжидательную позицию. *«Наша роль должна ограничиться тем, чтобы внимательно следить за событиями и выжидать результатов с тем, чтобы потом сообразовать с ними нашу политику»* – писал российский посланник в Вашингтоне Стекло министру иностранных дел Горчакову 24/12 февраля 1862 года [6, с. 126].

Однако известно, что в ноябре 1862 году Англия и Франция предложили Российской империи стать посредником в переговорах между воюющими сторонами. Королева Виктория, Пальмерстон и Россель считали необходимым привлечь для вмешательства в дела США Россию, без участия которой исход войны был бы весьма сомнителен и малоэффективен. *«Мы в настоящий момент не должны выступать без России»* – писал Джон Россель в личном письме к Пальмерстону [6, с. 105].

Россия отказывается принять участие в посредничестве между Союзом и Конфедерацией. В частности, Горчаков в своей депеше Стекло от 28/16 февраля 1863 г. писал, что это предложение представляет «действительные неудобства» и посредничество, с какой бы стороны оно не исходило, было бы плохо встречено нацией. Имеется ряд свидетельств о том, что именно отказ России заставил Англию и Францию отклонить план интервенции. Стекло говорил, что сейчас уже нет больше речи об этом проекте, при наличии весьма напряженных отношений между Соединенными Штатами и Англией эта держава не может и помышлять о дружеском вмешательстве в американский кризис, что касается Франции, то и она, кажется, равным образом отказалась от всякой мысли о вмешательстве.

Россия не могла относиться равнодушно к тем опасностям, которые угрожают США. Однако, первоначальной целью была необходимость защиты своих интересов и расширения влияния в Тихом океане. Задача эскадры состояла в том, *«чтобы в случае предвидимой ныне войны с западными державами, действовать всеми возможными средствами против наших противников, нанося вред и урон неприятельской торговле»* [7]. *«Концентрация судов имела своей главной целью охранение безопасности в то время, когда России угрожала война»*, – писал Горчаков [6, с. 127].

Подводя итог результатам визита российских кораблей в США, уместно привести такую оценку этому событию, которую дал не очень крупный чиновник – тогдашний начальник таможенной службы Сан-Франциско У. Фаруэлл. Вот его слова, адресованные российскому консулу М. Клинковстрему: *«В настоящее время ни одна нация на земле не трогает так сильно американское сердце, как народ великой империи, который вы столь достойно представляете в Сан-Франциско»* [3].

В конечном счете, опираясь на ряд исторических источников и учитывая мнения как американских, так и отечественных историков, можно объективно констатировать следующее. Во-первых, Россия, направив свои корабли в Нью-Йорк и Сан-Франциско, предотвратила вмешательство Англии и Франции в гражданскую войну между Севером и Югом США. Во-вторых, Америка, в свою очередь, способствовала предотвращению войны Англии и Франции с Россией, которая тогда, казалась, вот-вот должна была начаться. Взглянув на значение визитов кораблей Тихоокеанской и Атлантической эскадр в США в 1863–1864 годах с позиции того времени, можно без ложных сомнений сделать вывод: визиты были необходимы обеим странам, они принесли тогда пользу и России, и США, способствовали укреплению русско-американских отношений.

Источники и литература.

1. Болховитинов Н.Н. Миссия Клея в Россию, 1861–1862 // Американский ежегодник, 1995. М.: Наука, 1996. С. 130–146.
2. Болховитинов Н.Н. Русские эскадры в США в 1863–1864 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 195–216.
3. Бородин А.В. Из истории тихоокеанского военно-морского флота России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/flot/usa.htm>
4. Ефимов А.В. Очерки истории США. 1492–1870 гг. М.: Учпедгиз, 1958. 438 с.
5. Малкин М.М. Гражданская война в США и царская Россия. М.–Л.: Соцэкгиз, 1939. 332 с.
6. Малкин М.М. К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США // Красный архив: исторический журнал. 1939. Т. 3 (94). С. 97–153.
7. Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1902. 263 с.
8. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. СПб.: Тип. Глазунова, 1909. 376 с.

УДК 94(47).07–08

РУССКАЯ САМОБЫТНОСТЬ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ В XIX ВЕКЕ

СОБОЛЕВА А.С.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Этой стране, которую наши нынешние мыслители долгое время не принимали в расчет из-за ее чрезвычайной отсталости, суждено такое же – если не более – великое будущее, как пересаженному в американскую почву английскому обществу.

Астольф де Кюстин.

Россия всегда была и остается чем-то непонятным, пугающим, а иногда и вызывающим смех у жителей других стран, особенно – стран Запада. Со времен своего становления Русское государство отличалось самобытностью, закалкой, может быть, некоторой дикостью, умением приспосабливаться к любым условиям, сильной централизованной властью и патриотизмом, благодаря которому мы так часто одерживали победы. Конечно, такой сосед удивлял и держал в напряжении другие государства. Несмотря на все невзгоды, Россия показала себя сильной державой, способной соперничать с лидерами мировой арены, которые, в свою очередь, до сих пор стремятся сделать все возможное для ослабления соперника. Россия – государство, обладающее огромными территориями, богатствами и ресурсами, необыкновенной природой и богатой культурой – всегда привлекала гостей: кого-то в корыстных целях, а кого-то из любопытства и желания познать новое. Такая разная и великая, Россия стала важной темой иностранных заметок и целых работ, которые просвещали жителей других держав о русской жизни.

Некоторые иностранные гости отмечали, что, находясь при дворе, можно подумать, что Россия – развитая в культурном, экономическом и политическом отношении страна, но, вспомнив о взаимоотношениях различных сословий в этой стране и внимательно присмотревшись к нравам и поступкам людей, неизбежно обнаружение самого настоящего варварства, о котором так наслышаны на Западе. Многие иностранцы придерживаются мнения, что русские ничего нового не изобрели и лишь усваивали чужую культуру, но все же многие отмечают русскую самобытность, которая заключена и в национальном характере, и во внешнем виде, и в хозяйстве, и в культуре.

Описаний русского человека, особенно его характера, в записках иностранцев, наверное, больше, чем каких-либо других данных. Для любого иноземца русский – это страшная тайна, спрятанная за мифами и предвзятыми предположениями. Практически каждый гость России сталкивался с тем, что его представление о русском человеке кардинально менялось, когда он на собственном опыте делал выводы.

Иностранцы отмечают у русского народа массу абсолютно разных качеств. Русские холодны, лукавы, насмешливы, остроумны и, как все честолубцы, не склонны к излишней чувствительности. Вдобавок они не доверяют иностранцам, потому что зачастую опасаются их суда [4, с. 166].

Русское общество представляет собой чудовищную смесь византийской мелочности с татарской свирепостью, греческого этикета с азиатской дикой отвагой; из этого смешения и возникла громадная держава, «чье влияние Европа, возможно, испытает завтра, так и не сумев постигнуть его причин» [4, с. 104].

Господство царя и сельская община – это те черты, которые отличают русский народ от всех прочих. После отмены крепостного права община удержалась, тогда как семейная общность начала распадаться. Датский литературовед и публицист Г. Брандес считает, что русские в своем «мире» видят ростки лучшего общественного устройства и в этом смысле рассматривают себя в качестве предтечи или образца для Европы [1, с. 46]. И в своих суждениях датчанин был не одинок.

В России все покрыто тайной, на всем лежит печать главной здешней добродетели – сдержанности; всякий почитает большой удачей лишний раз выказать свою скромность [4, с. 158]. Русские изумляют иностранца тем чувством реальности, которое и сделало их великим народом и это практическое начало оказалось крайне необходимым в борьбе за жизнь [1, с. 46-47].

Проследить, как ломаются стереотипы, можно на ярком примере опыта Адама Чарто-рыйского. Поляки считали русских «существами чудовищными, зловредными и кровожадными, с которыми нельзя было иметь дела без отвращения». Однако в скором времени после прибытия в Россию молодому политическому деятелю «пришлось признать, что русские нисколько не хуже других, что и среди них есть люди учтивые, приветливые и что иной раз нельзя не платить им дружбой и благодарностью» [11]. Еще одним интересным высказыванием отличился англичанин Поллен, который представлял себе русских полуварварами, пожирателями сальных свечей, деморализованными, живущими под железной тиранией, ненавидящими всех иноземцев, пока сам не побывал в России. Как оказалось, русский народ самостоятелен, гостеприимен и очень расположен к иностранцам [11]. Среди других качеств, свойственных русским, иностранцы выделили веселость, доброту, открытость, кротость, гибкость ума, свободу мысли, музыкальный нрав и миролюбие.

Нигде более иностранный путешественник не услышит, чтобы образованные мужчины и, что поразительно для европейца, женщины высказывались так открыто и безоговорочно. Они не только открыто выражают свои мысли и взгляды, но и нередко рассказывают важные вещи из собственной жизни без страха упасть во мнении другого. Тем самым смысл светской жизни заключается в следующем: «Я вот такой, скажи мне, каковы ты. К чему вся эта сдержанность! Жизнь коротка... откроемся друг другу» [1, с. 47]. За этой искренностью лежит страх и отвращение перед лицемерием и гордостью.

С русским народом непосредственно связано понятие «самобытность», которая происходит от искренности и широты натуры, лишенной мелочности, узости и лукавства [1, с. 48]. Сюда же можно отнести и то, что русские использовали труд чужеземцев в своем национальном духе для развития самобытного русского стиля [1, с. 54].

В глазах Кюстина русские только делают вид, что довольны и гордятся тем, что имеют. В самом деле, они хвалят свои почвы и климат – а Кюстин считает, что Россия лишена хороших почв и климата – только лишь потому, что не хотят показаться обделенными. И только лишь этим русским «хвастовством» он и объясняет, почему ему придется делать акценты на «недостатках этой обделенной Богом земли» [4, с. 143–144].

Еще одной яркой чертой, отмеченной в иностранных записках, была необходимость «во всем дойти до точки» [1, с. 48]. Поэтому-то русские – самые жестокие угнетатели и самые смелые освободители; они ортодоксальны в вере до слепоты, религиозны до самоуничтожения, свободомыслящи до нигилизма, мятежны до убийств и динамитных взрывов. Во всем они доходят до крайностей – в вере и в неверии, в любви и ненависти, в порабощении и бунте.

Пока одни считают, что русские постоянно хотят подражать другим нациям, и подражают они «точно как обезьяны, оглуляя предмет подражания» [4, с. 154], другие склонны считать, что русским действительно присуща одна довольно полезная черта – склонность к подражанию, которая больше выражается в умении приноровиться к чужеземным образцам и также приноровить это чужеземное к самим себе. А это, в свою очередь, подразумевает способность к пониманию и усвоению [1, с. 48].

Не один Кюстин и не только в XIX веке отметил, что «"покорство" у русских – добродетель врожденная и вынужденная» [4, с. 124]. Еще русскому народу присуще чутье на все новое. Это выражается, например, в том, что чужеземные писатели, не нашедшие по-

нимания и сочувствия в своей стране, с легкостью могут обрести пристанище в русских журналах или у русских читателей. И вообще в России процветает преклонение перед гением, которое уже почти утрачено в других европейских странах [1, с. 49].

Один из больших минусов – это русская склонность к лености. Но она объясняется морозами и затяжными зимами. Говорят, что русский не рад ни одному виду спорта [1, с. 50-51]. Однако были наблюдатели физического воспитания, которое практикуется во всей стране [11].

Русские – храбрый, а в войну и необычайно стойкий народ. Они также самые миролюбивые и невоинственные в мире. Что характерно для русских и очень отличается от немцев, например, русские офицеры не составляют отдельную от народа касту военных. Они считают, что они такие же смертные, как и все остальные [1, с. 51].

Русский характер очень сложный, ведь в нем вдобавок ко всему сказанному одновременно уживаются добродушие и суровость. Некоторые заметили, что русский человек печален, отсюда мистическая вера в тайные силы, вера в чудеса и суеверия [1, с. 52].

Нигде не проявляют более удивительной теплоты по отношению к гостям. Радущие и непосредственность встретит каждый путешественник по России [1, с. 54–55]. Нигде на отношения между мужчиной и женщиной не смотрят с такой свободой. У образованных русских вовсе не считается постыдным, если мужчина и женщина ищут общества друг друга. В России на отношения между полами не смотрят как на животную страсть, которая только ждет случая проявиться (как во Франции). Матери в России, как правило, не боятся оставить дочь наедине с молодым человеком. И, наверное, только в русском обществе можно встретить такое равнодушие к сплетням [1, с. 65], чего нельзя сказать о русском дворе.

Интересно, что иностранцы заметили следующее: русская девушка более равнодушна к суду окружающих, чем девушки в других странах. А славянская молодежь поражает ранней зрелостью, образованностью и количеством накопленных знаний, в отличие от прочей молодежи [1, с. 246].

Фантазия русского крестьянина – это особая статья. Нет никаких границ тому, что он может изобрести [3, с. 53]. Крестьянин отличается расторопностью, смекалкой, упорством в работе и стойкостью в беде, а «цивилизованные» русские непостоянны и ненадежны (это больше относится к молодежи среди интеллигенции) [1, с. 84]. Крестьянин не боится своей смерти и также равнодушен к смерти другого человека. Это многие иностранцы объясняют тем, что *«душа русского крестьянина прозябает во тьме невежества»* [1, с. 51]. Очень оригинально сравнение крестьян со скифскими фигурками бородатых мужчин в музее Эрмитажа [1, с. 41]. Кюстин утверждает, что они между собой очень похожи. Кстати, черты русского мужика, широкоплечего и упорного, иностранцы сумели выявить и в дворянине.

Обращают внимание иностранцы и на то, насколько велика готовность помочь у русских евреев. Пусть всегда здесь присутствует расчет, но это так хорошо подается, что его и не замечаешь, когда принимаешь услугу [3, с. 28].

Что же касается внешнего вида, то почти сказочное описание русского человека дает Астольф Кюстин: *«народ здесь красив; чистокровные славяне... выделяются светлыми волосами и свежим цветом лица, но прежде всего – безупречным профилем, достойным греческих статуй; восточные миндалевидные глаза, как правило, по-северному сини... радужная оболочка этих беспокойных глаз переливается разными цветами от змеино-зеленого до серого, как у кошки, и черного, как у газели, в основе своей оставаясь синей; золотистые пушистые усы топорщатся надо ртом безупречно правильной формы, в котором сияют ослепительно белые зубы, почти всегда совершенно ровные, но иной раз остротой своей напоминающие клыки тигра или зубья пилы. Наряд этих людей почти всегда самобытен; порой это греческая туника, перехваченная в талии ярким поясом, порой длинный персидский халат, порой короткая овчинная куртка, которую они носят иногда мехом наружу, а иногда внутрь – смотря по погоде»* [4, с. 150]. Интересно, что этот француз не первый отмечает, что женщины из народа непривлекательны, но это скорее относится к их неухоженному виду, нежели к чертам лица. Брандес был покорен одея-

ниями народа: в ясный летний день русская провинциальная жизнь, как бы она ни порицалась отечественными писателями, весьма привлекательна. Яркие наряды, красные рубахи мужчин, вышитые наряды у женщин так и горят на солнце [1, с. 38].

Очень интересен тот факт, что в России нигде не было большого скопления народа. *«Страна так огромна, что здесь всюду просторно. Первая же давка, которая возникнет в Петербурге, окончится плачевно. В обществе, устроенном так, как это, толпа порождает революцию»* [4, с. 174].

К сожалению, один из интереснейших для исследования вопросов о культуре и обычаях России XIX века освещен крайне скудно, но, в то же время, информации достаточно, чтобы сложить все сведения в одну картину.

«Как ни старайся, а Московия всегда останется страной более азиатской, нежели европейской. Над Россией парит дух Востока, а пускаясь по следам Запада, она отрекается от самой себя» [4, с. 175] – осуждающе констатирует Астольф Кюстин.

Горожане из всех праздников более всего любят Пасху. В свободное время они довольно часто посещают театр или же идут в трактир пить чай и слушать шарманку. В городах из культурной программы доступного мало, потому что музеи в обеих столицах малодоступны и мало посещаемы, к тому же они совершенно не имеют целью просвещение народа. Отсюда и достаточно примитивное времяпрепровождение. Например, любимым развлечением у придворных является катание на сани и роскошные балы, устраиваемые по любому поводу. Говорили, что в Петербурге одно время существовало нездоровое помешательство на балах. О довольно скучной атмосфере свидетельствовало о то, что жительницы северной столицы зачастую проводили время довольно праздно: Кюстин отметил, что круглый год они встают поздно, днем занимаются своим туалетом, вечером ездят в гости, а ночь проводят за карточными столами. О русской любви к карточным играм иностранные гости писали еще более 400 лет назад, и в XIX столетии это пристрастие было, наверное, даже еще сильнее, чем в XVII веке [8].

Духовная жизнь в провинциальных городах выглядит унылой: карты и самогон, самогон и карты [1, с. 38].

По поводу правительственной политики явного препятствования просвещению и образованию очень возмущался Брандес. Он приводит такие данные: 76 из 100 солдат не умеют читать и писать [1, с. 72]. Хотя некоторые считали, что необразованность массы населения наоборот говорит о том, что у России еще есть выход из сложившегося угнетающего положения, но таких мнений единицы.

Иностранцы усвоили, что в России уважение к формально, юридически узаконенным отношениям между женщиной и мужчиной сравнительно невелико, и брак как семья ценится мало. Нередки случаи, когда супруги, в случае глубоких разногласий, предоставляют друг другу полную свободу и продолжают жить вместе как добрые друзья. Особенностью русских девушек является то, что они стыдятся вступать в брак по расчету, но не стыдятся вступить в связь с мужчиной без согласия родителей и без узаконения отношений, если их чувство серьезно [1, с. 66].

Кюстин во время своего визита побывал на свадьбе императорской дочери. Вся церемония его крайне удивляла, и даже проявления родительских чувств, когда те обняли молодоженов, смутили иностранца. Из этого можно сделать вывод, что он не понимает русских и пытается придаться к чему угодно. Однако ему понравился обычай запускания голубей, которых, по его словам, в России очень любят и почитают священным символом Святого Духа, в связи с чем их запрещено убивать – *«к счастью, их мясо русским не по вкусу»* [4, с. 169–170].

Из особенностей столкновения иностранцев с русской культурой можно отметить, что русский язык совсем не легок для изучающего его западноевропейца [3, с. 31]. Также Кофод отмечает сложность иерархической системы обращений к человеку: чем ниже человек по культурному и социальному положению по отношению к обращающемуся, тем проще к нему обращение (от имени отчества или господина до просто имени) [3, с. 29–30].

Очень часто встречаются восторженные комментарии о русских тройках: нигде больше так не запрягают лошадей, нигде столь изящно не несет экипаж тройка. Многих

привлекает оригинальность рукоделия и трудолюбие, которое видно в изумительных вышивках, в гармонии ярких цветов, которая отличает все русские украшения и убранства.

Мнение о русской бане, столь распространенное в мире, немного противоречиво прослеживается в записках иностранцев. С одной стороны говорят, что русские каждую неделю моются в бане, чем уже давно заслужили звание самого чистоплотного народа [11]. С другой же, тот факт, что крестьяне зимой спят во всей одежде, чтобы не замерзнуть, а в ней к концу недели уже заводится какая-нибудь живность, не дает покоя некоторым приезжим, желающим найти в каждом русском обычае что-то постыдное [4].

Говоря об искусстве, отмечают, что его любителю стоит приехать в Петербург уже ради одного русского церковного пения [4, с. 172]. Законодателем искусства стала Академия в Петербурге, но там царит чиновничий дух и все строго регламентировано [1, с. 127].

Архитектурный стиль не лишен яркого национального своеобразия, несмотря на смешение в нем черт византийских, монгольских, индийских и персидских, невзирая на влияние готики и Ренессанса; и своеобразие это является выражением греко-русской религии [1, с. 45].

Практически во всех иностранных работах обязательно есть хотя пара строк о русском ювелирном деле, которое невероятно искусно и заставляет обратить на себя внимание даже самого равнодушного. В этой связи интересное замечание делает Кокс. Его по настоящему удивил тот факт, что в России, в отличие от других европейских стран, мужчины могут посоперничать с женщинами в количестве украшений, а некоторые вельможи «почти усыпаны бриллиантами» [11].

Настоящая русская школа искусства появилась после отмены крепостного права, так как с этим связано появление сюжетов из народной жизни как в литературе, так и в живописи. «Отныне в России вошло в моду интересоваться именно русским искусством» [1, с. 126].

Православие – один из столпов, на который опирается вся история России. Религиозность русских – одна из любимых тем среди иностранцев, так как для многих из них принятая Русью в X веке у Византии вера чужда и очень интересна.

Кюстин по пути в Россию разговорился с одним русским князем, который предостерег французского писателя об одной крайне важной, на его взгляд, черте: религиозной нетерпимости: «вы даже не можете вообразить себе, как велика нетерпимость русских; те из них, кто наделены просвещенным умом и бывали в европейских странах, прилагают величайшие усилия, дабы скрыть свое мнение о триумфе греческого православия, которое они отождествляют с русской политикой. Не вникнув в существо этого явления, невозможно понять что бы то ни было ни в наших нравах, ни в нашей политике» [4, с. 83–84]. А Кюстин, в свою очередь, согласен с князем и даже предугадал его предупреждение, так как сам был уверен в том, что русские не терпят иной веры, а особенно католичества. Это замечание довольно интересно в связи с тем, что многие иностранцы лишь вскользь упоминают тот факт, что Россия – многонациональное государство с, соответственно, высокой религиозной терпимостью. Но если копнуть глубже, то даже в, казалось бы, незначительном и таком кратком повествовании о графине Блудовой, которая особенно прославилась среди придворных дам, увлеченных борьбой с римским католичеством и лютеранством в пределах Российской империи во времена Александра II [1, с. 98–99], звенит тот самый звоночек русской религиозной нетерпимости, о котором так увлеченно беседовали Кюстин с князем.

Но в этих замечаниях говорится о реакции на религию запада. В то же время английский государственный деятель Керзон Джордж говорил о терпимости, с которой русский смотрит на религиозные обряды, общественные обычаи и местные предрассудки «своих азиатских собратьев» [2]. Отсюда можно сделать вывод, что в религиозной нетерпимости как таковой Россию обвинить нельзя, а вопросы об отношении к католичеству больше относятся к полю деятельности славянофилов [1, с. 98–99].

Иностранцы отмечали, насколько сильна любовь русских к Богу и вера в него. Хотя бытовало и другое мнение о том, что религиозность русских подобна привычке: когда они каждый раз, проходя мимо храма, крестятся, они не вкладывают в это действие ничего сакрального, а делают это машинально. «Набожность распространена гораздо меньше, чем

может показаться... бывает и такое, что правой рукой крестятся, а левой в то же время спину чешут» [1, с. 40–41]. Атеизм – понятие чуждое русскому крестьянину, который видит Бога во всех вещах. Крестьянин убежден, что неверующий – это ненормальный и неумный человек. Во время нашествия Наполеона на Россию многие из участников этого похода отмечали, что люди до последнего молились в церквях, а офицер Ложье, присутствовавший на одном из богослужений, сказал, что никогда не видел, чтобы молились с таким жаром [5, с. 49].

Рассел, находившийся в Крыму во время Крымской войны, писал, что в домиках в каждой комнате был образ святой Девы с горящей лампадой и иконы святых в серебряных окладах [9, с. 62]. Также он писал и о «чужеродности русского мира»: русский язык он называл мягким и певучим, алфавит – очень отличным от любого западноевропейского. И нельзя не сказать о том, что Рассел говорит о проблеме календаря, который в России отстает на 12 дней и *«как бы обрывает связь России с западно- и южноевропейской цивилизациями... если бы только на эти двенадцать дней Россия отставала от остальной Европы!»* [9, с. 49].

Русское крестьянство в принципе всегда привлекало иностранцев, потому что это было что-то новое, интересное, крайне самобытное, архаичное. Через знакомство с крестьянством многие иностранцы постигали русский дух. В некоторых работах отмечено употребление понятия «мир» с комментариями о том, что это не совсем понятное явление, но оно существует, и оно очень характерно для крестьянства, и это связано с особыми чертами социального устройства в России [1, с. 45]. Для русских «мир» было догмой, о которой не нужно и невозможно дискутировать [3, с. 38–39]. Для раскрытия этого термина, столь непонятного для иностранцев, крайне важна работа Карла Кофода «50 лет в России», так именно он разобрался в этом явлении и описал его.

Карл Андреас Кофод (1855–1848) в 1878 году в возрасте 23 лет эмигрировал из Дании в Россию, где вскоре как специалист по сельскому хозяйству, заинтересовался русской аграрной сферой. Он довольно долго шел к той деятельности, которая ознаменовала пик его профессионализма, но в своем деле он был мастером. Он стал идеологом и руководителем разверстания крестьянских земель в России (столыпинская аграрная реформа начала XX века).

Что же такое крестьянский «мир» по Кофоду?

Еще в самом начале своей карьеры Кофод столкнулся с этим мистическим понятием при следующих обстоятельствах. Он со своими датскими и русскими коллегами затеял обсуждение способов повышения продуктивности примитивного крестьянского хозяйства. Датчане заявили о разверстании: собирании в одно целое участков, из которых состоял крестьянский надел, с принадлежавшей этому крестьянину частью общих пастбищ. Кофод заявил, что за два года жизни в русской деревне он уже видел достаточно много глупых распределений земельных владений между крестьянами, чтобы понять, что, прежде чем принадлежащие каждому двору участки земли не будут собраны в оно легко обозримое территориальное целое, не может быть и речи о быстром подъеме крестьянских хозяйств. Но все датские аргументы отскакивали от предвзятых русских как от стенки горох из-за незнания датчанами фактического положения дел. *«Мы никогда бы не завели подобный разговор, если бы знали, насколько болезненным был в то время вопрос о русском общинном землевладении. Русские заявили, что общинная форма владения является благословением для страны и ее всеми силами нужно стараться сохранить»* [3, с. 38].

Кофод попытался воссоздать достоверную картину русского сельского хозяйства европейской России, так как жил он именно там, а Кавказ и Сибирь слишком отличались от центральной части. Например, в Сибири вообще не было помещиков, почти вся земля принадлежала государству. Таким образом, сибирские крестьяне юридически не были владельцами, а были только наследственными пользователями [3, с. 41].

Русские крестьяне были освобождены не все одновременно: в 1858 году крепостное право было отменено в принадлежащих царской семье поместьях, в 1861 году последовало освобождение помещичьих крестьян, а в 1866 году – государственных. Крестьяне освобождались с землей, которую они должны были выкупить. Но при освобождении выде-

ленные крестьянам площади¹ передавались по купчей не каждому крестьянину отдельно, а всему сельскому обществу в целом (как правило, одно такое общество состояло из одной деревни) [3, с. 43]. То, что право собственности на землю было дано не каждому отдельно, а всему обществу в целом, было вызвано скорее соображениями удобства. Однако позднее это вызвало большие неудобства [3, с. 43].

Земля каждого крестьянина была разбросана по всей территории деревни. Каждый должен был иметь определенную часть общих владений, но ничей участок в целом не мог превосходить по качеству участки других. Поэтому каждый получал причитающуюся ему часть из каждого поля [3, с. 44].

Кофод отсчитывает историю «мира» с введения подушной подати Петром I [3, с. 45]. В каждом крестьянском обществе была произведена перепись для определения величины этого налога: было подсчитано количество лиц мужского пола, и по принципу «один за всех и все за одного» каждая группа крестьян стала ответственной за выплату всей суммы налога. А чтобы у всех были равные возможности для уплаты нового налога, было решено переделить поля соответственно числу лиц, облагаемых налогом. В течение более чем столетия со времени своего появления община вела довольно незаметное существование: те, кто наблюдал ее, считали ее данностью, а остальное население об общине ничего и не знало [3, с. 45–50].

Итак, получается, что русский народ и его уклад можно охарактеризовать одним словом – самобытность. Русские люди, их культура и хозяйство неповторимы. Народ прост, красив, смышлен и профессионален в своей сфере деятельности. Особенность русских – умение приспосабливаться и приспосабливать к себе легла в основу непобедимого национального характера. Русская культура и обычаи слишком чужие для гостей с Запада, но они настолько прекрасны, что не могут не вызвать симпатии и восторга. А крестьянский уклад настолько архаичен, что иностранцы среди крестьян чувствовали себя так, будто попали в другой мир.

Источники и литература.

1. Брандес Г. Русские впечатления. М.: ОГИ, 2002. 488 с.
2. Иностранцы о России. Среди других народов. Оценки и надежды [Электронный ресурс] // Сайт «Православие.Ru». Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/print1734.htm>.
3. Кофод К. 50 лет в России. М.: «Права человека», 1997. 352 с.
4. Кюстин А. Россия в 1839 году [Электронный ресурс] // Сайт «Хронос». Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kus_00.php.
5. Ложье Ч. Дневник офицера Великой армии в 1812 году [Электронный ресурс] // Сайт «Военная литература». – Режим доступа: http://militera.lib.ru/db/laugier_c/index.html.
6. Мильчина В. Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях [Электронный ресурс] // Сайт «Хронос». Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kus_prim1.php.
7. Наполеоновский поход глазами участников [Электронный ресурс] // Сайт «Хронос». Режим доступа: http://www.1812w.ru/libris/lib_n/index.php.
8. Петрей Петр. История о великом княжестве Московском [Электронное издание]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/rossica.htm>.
9. Рассел У. Крымская война. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. 160 с.
10. Рассел Уильям Ховард [Электронный ресурс] // Сайт «Philatelia.Ru». Режим доступа: <http://www.philatelia.ru/cat7/plots/?more=1&id=233>.
11. Россия – это сама жизнь [Электронный ресурс] // Сайт «X-libri». Режим доступа: <http://www.x-libri.ru/elib/innet335/index.htm>.

¹ Интересно, что ни в одной из исследованных работ нет ни слова об отрезках.

УДК 908.06

«РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ» – ИЗДАНИЕ КРЫМСКОГО ИСТПАРТА**ЧАРУСОВ Т.А.****Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского**

История Крыма богата и удивительна, порой кровава. Именно кровавой она была в годы революции и гражданской войны в России в начале XX века. Данный период отечественной истории вызывает множество споров и дискуссий в наше время, но является до конца не изученным. В деле изучения истории Крыма в эпоху революций и потрясений полезно обратиться к материалам, которые издавались Крымским Истпартом. Истпарт являлся органом изучения истории Октябрьской революции и ВКП (б). Возникла данная организация в 1920 г., а вскоре была создана сеть ее региональных отделений, в том числе и в Крыму.

После Октябрьского переворота, установления власти большевиков и их победы в гражданской войне образовалось новое государство. Громадные потрясения начала XX века требовали детального их изучения и осмысления. Появилась возможность работать с недоступными ранее для исследователей архивами, документами личного происхождения [1, с. 182]. Для Советского государства была нужна «новая» история.

У работников Главархива возник проект образования комиссии по истории Октябрьской революции. На эту мысль М.Н. Покровского и В.В. Адаторского натолкнул сам В.И. Ленин и поставил задачу в кратчайшие сроки написать если не историю, то хронику событий Октябрьской революции. Накануне создания данной комиссии уже был готов проект М.С. Ольминского, но только не об истории революции, а об истории партии РКП (б). Существование двух таких организаций не понравилось В.И. Ленину, и он заявил об их слиянии, не смотря на протест М.Н. Покровского. Последний аргументировал это тем, что комиссия по истории Октябрьской революции будет опираться, главным образом, на профессиональных историков, а занятиям историей партии следует посвятить себя старым большевикам, подпольщикам. Тем не менее, доводы не были приняты, за исключением того, что разработку данной проблемы нужно будет поручить специалистам-историкам [4, с. 138–139]. Фронт работы для будущего Истпарта вырисовывался довольно протяженный: работа с большим количеством архивного материала, сбор воспоминаний, организация выставок и музеев в целях пропаганды, публикация переработанного материала по истории революции и партии. Задача эта была не простая, но важная, так как имела политическое и историческое значение. Новая власть это прекрасно понимала.

В этой связи 21 сентября 1920 года была создана Комиссия по истории Октябрьской революции и ВКП (б). Вслед за ней создавались местные истпарты, образовавшие обширную сеть для научной и публикаторской деятельности.

Во время революционных событий 1917 г., гражданской войны в России, где Крым выступил в роли последнего пристанища белых, интервенции на территории полуострова произошли грозные события, оставившие глубокий след в истории русского народа. Частая смена власти, приход немцев, оккупация странами Антанты, националистические движения народов Крыма, громадные человеческие жертвы – все это требовало изучения. Для этих целей в 1921 г. и был создан Крымский Истпарт. Уже в 1922 г. был издан первый сборник «Революция в Крыму» – печатный орган Истпарта КрымОК ВКП (б).

Если ознакомиться с изданиями Истпарта Крымского ОК ВКП (б), то сразу можно увидеть закономерность: упор делался на публикацию воспоминаний подпольщиков, руководителей партизанского движения, участников революционных событий 1917 г. и проч. Это можно объяснить тем, что из-за неблагоприятных условий многие документы просто

не дошли до исследователей, не были созданы вовсе в целях конспирации, если речь идет о подпольщиках. В подобном упоре на воспоминания есть свои минусы. О них подробно говорится в «Предисловии» первого сборника «Революция в Крыму», вышедшего в 1922 году к 5-ой годовщине Октябрьской революции тиражом 700 экземпляров. Там говорится: *«... эта работа, конечно, несовершенна и имеет, подчас значительные недостатки. Прежде всего, надо предупредить, что литературная ценность печатаемых работ местами очень невысока... Но относительно литературной ценности еще полбеда. Исторический труд – не произведение изящной словесности. Гораздо серьезнее обстоит дело с научно-исторической ценностью данных работ. При наших методах познания, когда автор, занятый уймой практических революционных обязанностей, в большинстве случаев без документов, на память, освещает ту или иную историческую эпоху, – неизбежны неточности в датах, поверхностность анализа, а иной раз и путанность событий»*. Но, не смотря на все эти недостатки в работе, ниже в предисловии говорится о необходимости двигаться дальше, оттачивая мастерство и повышая уровень исторической значимости публикуемого материала. Кроме воспоминаний, в сборники были включены различного рода документы: воззвания, распоряжения и приказы Советской власти, материалы, связанные с деятельностью местных националистических группировок.

В целях проверки достоверности готовящегося к публикации материала и для руководства работой Крымского Истпарта были привлечены видные партийные деятели, такие как Ю.П. Гавен, который в 1918 г. был членом СНК Республики Тавриды, занимал ряд других должностей после взятия Крыма большевиками. Его перу принадлежат статьи в сборниках «Революция в Крыму»: «Возникновение Крымской Организации РКП (б)», «Первые шаги Соввласти в Крыму» [7, с. 5–15; 39–57], «Борьба большевистского подполья за Советский Крым: 1918–19 г.; 1919–20 г.». [14, с. 5–54].

Через несколько месяцев после выхода первого сборника «Революция в Крыму», в 1923 г. свет увидел сборник под номером два. В «Предисловии» звучали совершенно другие нотки: если в предыдущем выпуске характеристика сборника была довольно критична, то во втором случае говорилось и об оказанной помощи рядом отдельных лиц, и организаций, и о приобретении опыта, что положительно сказывается на работе Крымского Истпарта.

После этого, вплоть до 1932 года, были изданы еще 8 сборников Истпарта Крымского ОК ВКП (б). В них содержались статьи-воспоминания о подполье, эпизодах гражданской войны, интервенции. Кроме того, приводились имена погибших коммунистов, лиц, им содействовавших, публиковались воззвания, образцы документов различного содержания, литературная критика, различного рода объявления.

С самых первых выпусков сборников Крымского Истпарта публикуемый в них материал тщательно проверялся. И это позволяло выявить ошибки и неточности не только на страницах крымских сборников, но и на страницах других журналов, например, «Пролетарской революции» №№ 2 и 7. Резкой критике подверглись статьи тт. Васильева и Зинковского, последнего в особенности и не без оснований. Вот, что по этому поводу писал во втором номере «Революции в Крыму» сотрудник Истпарта Крымского ОК ВКП (б) Владимир Елагин: *«Если статья т. Васильева претендует на «историческую ценность» и содержит попытки «анализа» событий, то статья т. Зинковского ни на что не «претендует» и ничего почти не «содержит», кроме значительных искажений событий крымской революции (при чтении статьи только это и бросается в глаза). Перечислим эти искажения:*

1) Утверждение, что «ядро Крымской организации большевиков составляли политические амнистированные Ливадийской санатории», – неверно: ядром был Севастополь (Гавен, Островская) и Евпатория (Миллер).

2) Утверждение, что единственным завоеванием Октября в Крыму было допущение в Советы по два представителя от коммунистов, – не соответствует истине, так как еще в августе и сентябре в Советы входили официальные представители большевиков.

3) Утверждение, что «в половине апреля в Ялту приехали народные комиссары для организации противодействия германской оккупации», – неверно, так как Совнарком Тавриды был против борьбы, и в Ялту часть его попала при эвакуации, пытаясь пробраться в Феодосию.

4) Утверждение, что «Симферополь осажден» и «пал после героической защиты», – неверно, так как он был оставлен 21 апреля без единого выстрела.

5) Утверждение, что «история падения Севастополя весьма несложна... Сопро- тивления не было оказано никакого» и что пал он раньше Симферополя, – неверно, так как севастопольцы целые 9 дней бились с немецкими войсками под Альмой, и Севастополь был немцами занят последним, только 1 мая. Тов. Зинковский в то время работал в Ялте (кажется, комиссаром просвещения) и должен был рассказать о перипетиях борьбы и организации Советской власти именно в Ялте, а не братья описывать то, о чем он имеет представления самые слабые» [7, с. 140–141].

Как видим, искажение исторической действительности громадное, такое впечатление, что Зинковский перепутал события в Симферополе с событиями севастопольскими. С такими грубыми ошибками приходилось бороться работникам Истпарта Крыма, да и, на- верное, не только Крыма.

Нельзя упрекнуть истпартовцев в субъективизме при отборе материала для публика- ций. В том же втором выпуске «Революции в Крыму» помещена статья Я. Маса «Расстрел французских моряков в Севастополе». К его статье имеется сноска: *«Автор не просто «революционер», а «социалист-революционер» и даже из тех, кто немало хлопот доста- вил органам, именуемым ныне «Г. П. У.»». Но его воспоминания дают связную, правдопо- добную картину манифестации французских моряков, – это послужило достойным осно- ванием к их напечатанию. Редакция»*. Данный пример говорит о том, что составители сборника отдавали предпочтение воспоминаниям и материала не «своих людей», а тех, кто наиболее компетентен в определенном вопросе.

Но деятельность Крымского Истпарта протекала не совсем гладко. В 7–8 номерах «Пролетарской революции» за 1930 г. была опубликована статья Аверкина «О работе Крымского Истпарта» с критикой в его адрес: *«В истекий период конца 1929 и начала 1930 г. Крымскому истпарту, прежде всего, заняться вопросом о создании своего аппа- рата на местах. Существовавшие в 1928–1929 гг. райистпарты в большинстве случаев числились только на бумаге, так как со стороны районных комитетов этой работе не уделялось почти никакого внимания»*. Правда, причину столь неудовлетворительной рабо- ты Крымского Истпарта автор статьи видел в некомпетентности кадрового состава. В то же время, в статье отмечалось, что было принято активное участие Истпарта в проведении празднования 12-ой годовщины Октябрьской революции, составлен новый план работы музеев и издания работ на исторические темы [4, с. 219–221]. Стоит заметить, что состав- ление многолетних планов работы истпартов ни к чему не приводило – эти планы не вы- полнялись в полной мере.

Особое внимание привлекает сборник «Революция в Крыму» под номером 7, вышедший в 1927 г. В симферопольских библиотеках, библиотеке архива Симферополя этого сборника выявлено не было. Не смотря на тираж в 1500 экземпляров, данный выпуск «Революции в Крыму», посвященный 10-ой годовщине Октябрьской революции, был, возможно, изъят из публичного доступа. В дальнейшем многие сотрудники Крымского Истпарта были репресси- рованы как троцкисты. Это, наверное, и служит объяснением изъятия сборника № 7, содер- жание которого могло не соответствовать меркам сталинского режима.

В 1930 г. к 10-летию советизации Крыма был подготовлен сборник «Революции в Крыму» под номером девять. Посвящен он был в большей степени вопросам крымского подполья, его информационной базой послужили воспоминания подпольщиков 1918–1920 гг. Редакция, в свою очередь, акцентировала внимание на том, что сборник не включил весь объем планируемого материала, а имеющийся является «сырым», но будет полезен в работе последующих исследователей. Действительно, «сырой» материал, напечатанный на страницах «Революции в Крыму», пригодился в написании других работ, также изданных Крымским Истпартом: сборник, приуроченный к 15-летию расстрела правительства рес- публики Тавриды [16] и исторический очерк М. Кальвари [2]. В первом случае использо- вались материалы из 2 и 9 номеров сборника «Революция в Крыму», во втором случае – из сборника № 3. Кроме этого использовались материалы из Архива Крымского Истпарта (воспоминания, листовки, прокламации), воспоминания из Севастопольского музея рево- люции. Так, деятельность Истпарта Крымского ОК ВКП (б) подготовила прочную источ- никовую базу для исследователей.

Последний сборник «Революция в Крыму» под № 10 вышел в 1932 г. В нем, в первую очередь, говорится о борьбе с оппортунизмом, контрреволюцией и троцкизмом, о тщательной проверке и искоренении всех этих проявлений в источниках по истории революционного движения в Крыму. Остается только догадываться, сколько ценного для исследователей материала было изъято из научного оборота. Далее в журнале говорилось о прекращении публикации «сырых» материалов, что на деле означало прекращение издания сборников.

В 1939 г. сеть местных истпарта была ликвидирована, центральный Истпарт просуществовал до начала Великой Отечественной войны. Эта организация и ее подразделения выполнили свою функцию по сбору и частичной публикации огромного количества материалов, связанных с революционными событиями, историей народников, гражданской войной, деятельностью ВКП (б). Созданные музеи и различные истпартовские выставки упростили пропаганду в народе.

Крымский Истпарт сыграл значительную роль в освещении событий революций 1905–1907 гг. и 1917 г. в России, интервенции со стороны Антанты и кайзеровцев, деятельности большевистской партии и подпольного движения большевиков. Для изучения крымской истории сборники «Революция в Крыму» чрезвычайно полезны. Учитывая, что деятельность Истпарта КрымОК ВКП (б) остается неразработанной, ее изучение представляется весьма актуальным.

Источники и литература.

1. Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000. С. 182–238. // Электронное периодическое издание «Открытый текст». URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russian/sov/libraries/books/zelenov/?id=2142>
2. Кальвари М. Интервенция в Крыму. Симферополь: Крым. гос. изд., 1930. 184 с.
3. Пролетарская революция / ред. М. Покровский; М. Савельев. М.: Госиздат, 1930. Вып. 5. 238 с.
4. Пролетарская революция / ред. М. Покровский; М. Савельев. М.: Госиздат, 1930. Вып. 7–8. 224 с.
5. Протоколы X съезда РКП (б) / ред. Н.Н. Попов. М.: Партийное издательство, 1933. 954 с.
6. Революция в Крыму / ред. Я. Урановский. Симферополь: Крымиздат, 1922. Вып. 1. 74 с.
7. Революция в Крыму / ред. В. Елагин, Я. Урановский. Симферополь: Изд. Истпарта., 1923. Вып. 2. 155 с.
8. Революция в Крыму / ред. В. Камищицкий, В. Елагин. Симферополь: Крымиздат, 1924. Вып. 1 (3). 160 с.
9. Революция в Крыму / ред. В. Камищицкий, В. Елагин. Симферополь: Крымиздат, 1924. Вып. 2 (4). 120 с.
10. Революция в Крыму / ред. В. Камищицкий. Симферополь: Крымиздат, 1925. Вып. 1 (5). 174 с.
11. Революция в Крыму / ред. Антониковский. Симферополь: Крымиздат, 1925. Вып. 2 (6). 68 с.
12. Революция в Крыму / ред. Антониковский. Симферополь: Крымиздат, 1927. 288 с.
13. Революция в Крыму / ред. Антониковский. Симферополь: Крымиздат, 1928. Вып. 8. 104 с.
14. Революция в Крыму / ред. Ю. Гавен. Симферополь: Крымиздат, 1930. Вып. 9. 172 с.
15. Революция в Крыму / ред. Ю. Гавен. Симферополь: Крымиздат, 1932. Вып. 10. 124 с.
16. Советов В., Атлас М. Расстрел советского правительства Крымской республики Тавриды. Сборник к 15-летию со дня расстрела 24/IV-1918г. – 24/IV-1933г. Симферополь: Крымгосиздат, 1933. 107 с.

УДК 94(47).065

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ****ШИХАМЕТОВА Э.Р.****Филиал МГУ в городе Севастополе**

В XVIII в. молодая Российская империя значительно укрепляет свои позиции на международной арене, потерянные во второй половине XVI – начале XVII века. Это стало возможным благодаря активной политике Петра I. В дальнейшем от правителей Российской империи понадобилось сохранение и усиление позиций страны в Европе. Первые значительные достижения в этом направлении связаны с правлением Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). Основные внешнеполитические задачи России были обусловлены событиями предшествующего столетия. А именно – борьба за выход к Черному морю, возвращение восточнославянских земель. Также стоял вопрос об укреплении позиций России на южных границах – Кавказе и Каспийском море, а также на Дальнем Востоке. Реализация этих задач была связана со стремлением не допустить новых нашествий на русские земли и обеспечить полное вхождение России в европейскую систему международных отношений.

Центральными направлениями внешней политики Елизаветы Петровны является война со Швецией и Семилетняя война. В.О. Ключевский отмечал: «... Елизавета была вынуждена воевать чуть не половину своего царствования, побеждала первого стратега того времени Фридриха Великого, брала Берлин, уложила пропасть солдат на полях Цорндорфа и Кунерсдорфа...». Во время вступления Елизаветы на престол, Россия участвовала в русско-шведской войне. Швеция хотела, чтобы Ништадтский мир (1721 г.), заключенный в результате Северной войны, был пересмотрен. Прусский король Фридрих II захватил Силезию, воспользовавшись смертью австрийского императора Карла VI, и в Европе началась война за австрийское наследство. Франция и Пруссия пытались обеспечить невмешательство России в войну, или же склонить ее каждый на свою сторону в качестве союзника. Помимо этого, Франция активно поддерживала Швецию и всячески подталкивала ее к войне. Франция и Швеция старались подготовить почву для ведения успешной войны через своих послов в Петербурге: Э.М. фон Нолькена и маркиза де Шетарди. Швеция хотела добиться от России письменного подтверждения того, что Россия вернет Швеции провинции, которые были завоеваны Петром I. Но, несмотря на все приложенные усилия, Нолькен так и не смог получить от Елизаветы такого документа. Помимо этого, Швеция при подготовке к войне заключила договор о дружбе с Францией (октябрь 1738 г.). Согласно этому документу, Швеция и Франция обязались не входить в военные союзы и не возобновлять союзы без взаимного согласия. Франция должна была оказывать материальную помощь в качестве субсидий в течение трёх лет. Также в декабре 1739 г. между Турцией и Швецией был заключен союз, но Турция должна была предоставлять помощь только в случае нападения на Швецию третьего государства.

В 1741 году Швеция объявляет войну Российскому государству. Главная причина войны – стремление Швеции к реваншу за Северную войну 1700–1721 годов [9, с. 348].

Уже через месяц после начала войны, в Финляндии произошло первое крупное столкновение между шведским корпусом под командованием генерала Врангеля и русской армией во главе с фельдмаршалом Ласси. Шведы занимали выгодную позицию под защитой крепостных пушек. Первая атака русской пехоты была отбита. Тогда Ласси направил в бой кавалерию. Она ударила шведам во фланг, и они были вынуждены отступить. Фельдмаршал Ласси наголову разбил шведский корпус под Вильманстрандом. Шведы понесли значительные человеческие потери. В плен попал и сам Врангель со своим штабом.

А.А. Керсновский в труде «История русской армии» приводит такие цифры: «У Ласси было 10000, у Врангеля – 6000. Наш урон – 2400 убитых и раненых, шведов – 3300 убитых и раненых, 1300 плененных, 4 знамени, 13 орудий» [3, с. 86]. Этим сражением фактически закончилась кампания 1741 года.

После этого Россия начала наступление в Южной Финляндии. Без серьезного сопротивления были взяты Нейшлот, Борго, Фридрихсгам, Тавастгуз. В августе 1742 года армия фельдмаршала Ласси окружила шведское войско под командованием генерала Бускета в Гельсингфорсе (Хельсинки). Одновременно с этим Балтийский флот начал блокировать город с моря. В результате, 26 августа 1742 года под Гельсингфорсом Ласси отрезал шведской армии пути к отступлению, и она капитулировала. После Гельсингфорской капитуляции Швеция начала мирные переговоры в городе Або.

Елизавета объявила, что нет отныне причин для ведения войны, и попросила французского посланника Шетарди о помощи. Сначала Шетарди бросился помогать Елизавете. Он уговаривал шведского генерала К.Э. Левенгаупта завершить войну. Однако Шетарди получил неодобрительную оценку из Версаля. Один из ближайших сподвижников Елизаветы лейб-медик Г. Лесток приложил все усилия, чтобы Елизавета приняла выгодное для Франции и Швеции решение. Вскоре Шетарди и Лесток привлекли нового вице-канцлера А.П. Бестужева. Однако он проявил мужество и решительно заявил, «что он заслуживал бы смертную казнь, если бы стал советовать уступить хотя бы один вершок земли – надобно вести войну».

Таким образом, военные действия весной возобновились. Швеция не имела хорошей пехоты, поэтому, свои последние надежды она возлагала на флот. 20 мая 1743 г. возле острова Корпо в Балтийском море произошла очередная битва между Россией и Швецией. Несмотря на то, что шведское войско численно превосходило русское, отряд под командованием капитана 1-го ранга Кайсарова решительно атаковал эскадру адмирала Фалькенгрена. В этом бою, который длился около трех часов, особенно отличились русские артиллеристы. В результате меткого огня, на шведских кораблях начался пожар, и они были вынуждены отступить. В июне из Кронштадта на галерах вышел отряд Ласси для высадки десанта в Швеции. Но по пути было получено известие о заключении Абоского мира (1743).

Так, русско-шведская война 1741–1743 гг. окончилась Абоским миром. По условиям договора Россия расширила свои владения в Южной Финляндии (до р. Кюмене). Несмотря на безусловное превосходство русской армии, война велась не слишком активно. Военные действия сводятся только к двум важнейшим эпизодам, а именно – крупное сражение у крепости Вильманstrand и Гельсингфорская капитуляция [3, с. 87]. Главный итог войны для России – это подтверждение Швецией приобретений России в Прибалтике [6, с. 75].

В середине XVIII века Россия укрепляет свои позиции на международной арене. Доказательством большого влияния среди европейских стран стало активное участие Российского государства в общеевропейском конфликте середины XVIII в. – Семилетней войне 1756–1763 гг. [10]. Театр военных действий в ходе войны менялся. Семилетняя война шла как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, Индии, странах Карибского бассейна, на Филиппинах. В войне приняли участие ведущие европейские государства того времени, а также большинство средних и мелких государств Европы. В 1754–1755 гг. англо-французское колониальное соперничество в Северной Америке привело к пограничным стычкам между английскими и французскими колонистами. К лету 1755 года столкновения вылились в открытый вооруженный конфликт. В 1756 году Англия официально объявила войну Франции. Этот конфликт нарушил уже сложившуюся в Европе систему военно-политических союзов и вызвал внешнеполитическую переориентацию ряда европейских держав.

Соперничество между Францией и Австрией за первенство на континенте было ослаблено в результате появления третьей силы: Пруссии. Относительно небольшое государство Пруссия за счет мобилизации ресурсов, укрепления верховной власти и создания хорошо вооруженной и организованной армии (она достигала 150 тыс. чел.) превращается в сильную державу. Прусская армия превращается в одну из самых лучших среди европейских государств. Кроме того, прусскую армию возглавлял выдающийся полководец той

эпохи – король Фридрих II Великий. К.К. Абаза (русский писатель, популяризатор и педагог) в историческом очерке «Фридрих Великий и Семилетняя война» писал: *«На престол вступил король, который благо своего государства ставил выше всего; для пользы и славы отечества он не щадил себя, не щадил других; страха он не знал, преград не боялся и шел всегда напролом»* [1].

Пруссия быстро усиливала свои позиции на международной арене, тем самым вызывая общую тревогу и зависть среди европейских государств. В 1756–1757 годах сложилось две коалиции европейских государств, противостоящих друг другу: с одной стороны – Пруссия и Англия, с другой – Франция, Австрия, Россия, Швеция и Саксония. Фридрих II решил опередить выступление своих противников, поэтому, он первым вошел на территорию главного врага – Австрии. 29 августа 1756 года он вторгся в союзное Австрии королевство Саксонию, чтобы через ее территорию прорваться в Богемию (Чехию). 10 сентября была взята столица королевства Дрезден. А уже 15 октября в Пирнском лагере была блокирована саксонская армия. После этого она была вынуждена капитулировать. В начале 1757 года прусская армия вступила на территорию Австрии. 6 мая прусское войско нанесло жестокое поражение австрийцам, их блокировали в Праге. На помощь осажденной австрийской армии пришла 54-тысячная подмога под командованием фельдмаршала Л. Дауна. 18 июня 1757 года начался бой в окрестностях города Колин. Фридрих II потерпел сокрушительное поражение, потеряв 14 000 человек. Таким образом, итогом кампании стала «ничья». Весной 1757 года Франция вступает в войну. 5 ноября в окрестностях села Росбах прусская армия численностью 22 000 человек внезапным ударом наголову разгромила французов. В это время активные боевые действия начали русские войска.

Первое серьезное столкновение между русскими и прусскими войсками состоялось в 1757 году у деревни Гросс-Егерсдорф. Сражение при Гросс-Егерсдорфе завершилось решительной победой русской армии. Потери русских составили 5,4 тысяч человек, пруссаков – 5 тысяч человек. *«Божиею споспешествовавшею милостию, управлением всемогущия его десницы и щастием вашего императорского величества вчера совершенная и главная над гордым неприятелем одержана победа»*, – писал С.Ф. Апрашкин Елизавете Петровне [7].

В 1758 году состоялось новое крупное сражение российской и прусской армий. Случилось это вблизи деревни Цорндорф. Невероятно жестокое и кровопролитное сражение при Цорндорфе 25 августа окончилось для Пруссии и России безрезультатно. Обе стороны понесли значительные потери. Однако Фридрих II отдал должное стойкости русских полков у Цорндорфа, заявив после сражения: *«Русских можно перебить всех до одного, но нельзя заставить отступить»*. В 1759 году командующим русской армии был назначен П.С. Салтыков, который в первый же год нанес немцам жестокое поражение под Кунерсдорфом. Эта битва стала одним из генеральных сражений Семилетней войны. *«Мое несчастье в том, что я жив, – писал после разгрома Фридрих. – От армии в 48 тысяч у меня не осталось и трех тысяч... Эти пушки – порождение дьявола. Я ничего так не боюсь, как русских пушек»* [4].

Казалось, что положение Фридриха II совершенно безнадежно. Однако, случилось непредвиденное. Именно в это время в России умирает императрица Елизавета Петровна. К власти приходит ее племянник Петр III. Он был женат на ангальт-цербстской принцессе и был сторонником Фридриха II. Петр III резко повернул курс внешней политики. Российский император заключил с Пруссией сепаратный мир, затем – союз, и безвозмездно вернул ей все территории, завоеванные в ходе войны. Вслед за Россией 22 мая 1762 года был подписан предварительный мирный договор между Пруссией и Францией, а 24 ноября – перемирие между Пруссией и Австрией. В феврале между Великобританией и Францией был заключен Парижский мирный договор. Франция уступала Англии Канаду, Восточную Луизиану, некоторые острова Карибского моря, а также основную часть своих колоний в Индии. Результатом войны стало утверждение полной гегемонии Великобритании на морях и резкое ослабление колониального могущества Франции. Франция уступила Испании Западную Луизиану, Испания уступила Англии Флориду. В феврале 1763 года Пруссия подписала с Австрией и Саксонией Губертусбургский мирный договор, подтвердивший права Пруссии на Силезию и графство Глац.

Россия в этой войне ничего не приобрела. Помимо больших человеческих потерь, она уступила Фридриху II Восточную Пруссию. Однако, несмотря на все это, Россия укрепила авторитет в Европе и продемонстрировала свои немалые военно-политические возможности [5]. Таким образом, крупный конфликт середины XVIII в. закончился победой англо-прусской коалиции. По итогам войны Пруссия окончательно становится ведущей европейской державой.

Итак, мы видим, что внешняя политика при Елизавете Петровне велась достаточно активно. Однако вопрос о политической активности Елизаветы в историографии остается дискуссионным. Преобладало мнение, что Елизавета не принимала участие в государственных делах, а занимались этим ее фавориты. Современники, описывая личные качества Елизаветы, говорили о том, что она была беззаботной, ленивой, а также очень медлительной в принятии политических решений. Однако более поздние исследователи данной эпохи объясняют ее «медлительность» сдержанностью и осторожностью в любом деле. Именно таким образом императрица находила наилучшие решения.

Конечно, на внешнеполитические действия Елизаветы сильное влияние оказывали ее фавориты и приближенные. Самый яркий пример – канцлер А.П. Бестужев-Рюмин. Однако не всегда фаворитам удавалось убедить в каких-либо вопросах Елизавету Петровну. Ярким примером этого является «курляндское дело». В 1740 г. герцог Курляндии, вассальной территории Речи Посполитой, Бирон был сослан. Польско-саксонский генерал К.З. Арним, прибывший в Петербург 5 апреля 1750 г., отправил письмо Бестужеву с просьбой об освобождении Бирона, приложив к нему копию обращения об этом Августа III. Да и сам Бестужев был сторонником освобождения Бирона. Он представил Елизавете Петровне реляцию русского посланника в Дрездене графа Кейзерлинга, который рекомендовал освободить Бирона. Причем писал он крайне убедительно. Он считал, что возвращение герцога в Курляндию сможет избавить Россию от вероятных денежных претензий Речи Посполитой, выбьет оружие из рук недоброжелателей России – Франции, Пруссии и Швеции и укрепит позиции Российской империи в Прибалтике. Однако Императрица Елизавета ответила отказом. Дальнейшие попытки повлиять на Елизавету через ее фаворита А.Г. Разумовского не увенчались успехом. В письме Бестужева Разумовскому ничего не говорилось о причинах отказа, следовательно, дело было не в политической логике. А причина была сугубо личного характера [8, с. 78–79].

Таким образом, мы видим, что Елизавета Петровна умела не поддаваться влиянию и была вполне независима в принятии решений. Однако бывали случаи, когда императрица полностью поддавалась влиянию фаворитов. Так, во время русско-шведской войны, когда Шетарди и лейб-медик Г. Лесток пытались закончить войну и принять невыгодный для России договор с Францией, Бестужев сказал, что он *«заслуживал бы смертную казнь, если бы стал советовать уступить хотя бы один вершок земли – надобно вести войну»*. И тогда Елизавета послушала своего вельможу, и военные действия были продолжены.

Одновременно с усилением влияния Бестужева-Рюмина росла враждебность России по отношению к Пруссии Фридриха Великого. Поэтому в середине XVIII века Россия будет втянута в Семилетнюю войну. Разъясняя императрице свой политический курс, Бестужев постоянно ставил в пример Петра I и говорил: *«Это не моя политика, а политика вашего великого отца»*. Однако участие Бестужева-Рюмина в дворцовых интригах привело к его отставке. Несмотря на то, что Бестужев был противником Франции, Елизавета находилась в дружественных отношениях с французским королем, поэтому, после того, как Бестужев был отстранен от должности, Елизавета приняла решение взять курс на сближение с Францией. Этот факт еще раз подтверждает, что личное влияние Елизаветы на внешнеполитические решения было велико.

Личная переписка Елизаветы Петровны с французским королем Людовиком XV дает нам возможность воссоздать картину прошлого и проследить развитие русско-французских отношений. По переписке сразу становится заметно, что между императрицей и французским королем теплые отношения. *«Между мною и королем существуют взаимныя симпатии с самого нашего детства, и вы можете уверить его величество, что чувства мои не изменились и что я всегда готова дать доказательство моей искренней*

дружбы, чего ожидаю и с его стороны. Вы можете уверить короля, что я всеми моими силами буду содействовать его видам, и я уверена, что и он будет поступать точно так же в отношении ко мне. Пусть же в настоящее время он направит все свои усилия, чтоб образумить короля прусского», – писала Елизавета. В этих письмах, написанных шифром, излагались личные намерения, желания и чувства Елизаветы. В своей переписке императрица сообщила однажды королю об одолевавших её недугах. Тогда король прислал ей в Петербург своего придворного врача Пуасонье, что свидетельствует о дружеских взаимоотношениях.

Вскоре Елизавета стала болеть все чаще. Она чувствовала приближение смерти и все больше думала о том, что после ее смерти племянник разрушит все, к чему она стремилась. Поэтому в своей секретной переписке она хотела посоветоваться с Людовиком XV об устранении Петра III от престола. Узнав об этом, Людовик написал своему послу в Петербурге, барону Бретейлю следующее: *«Я узнал, что последний припадок, бывший с императрицей, возбудил опасения на счет ее жизни, и хотя публично не сообщается никаких сведений о состоянии ее здоровья, но ее темперамент, ее праздная и удручающая здоровье жизнь и отказ от врачебной помощи поддерживают эти опасения. По чувству искренней дружбы, я очень сожалею об императрице, но и помимо моих личных чувств, кончина ее, при настоящих обстоятельствах, была бы крайне прискорбным событием. Образ мыслей ее преемника мне известен...»* [2].

После того, как Людовик XV узнал о смерти Елизаветы, он изменил свою политику в отношении России. Однако в письме он выразил горесть в следующих строках: *«Кончина императрицы вызвала во мне искреннюю печаль, вследствие той дружбы, которая соединяла нас. Союз наш был основан и на личных чувствах, и на взаимности наших выгод, и при настоящих обстоятельствах он имел для меня еще более цены и внушал мне надежду, что при соединенных усилиях мы водворим мир, который был предметом наших забот»*.

Подводя итог, можно сказать, что эпоха Елизаветы Петровны является важным периодом в отечественной истории. Благодаря внешней политике Елизаветы, Российской империи удалось расширить свою территорию и укрепить позиции на международной арене.

Источники и литература.

1. Абаза К.К. Фридрих Великий и Семилетняя война [Электронное издание] // Российский общеобразовательный портал. Режим доступа: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=14915&cat_ob_no=13049
2. К.Н.В. Императрица Елизавета Петровна и король Людовик XV [Электронное издание] // Исторический вестник, 1884. Т. 16. № 8. С. 346–365. Режим доступа: http://memoirs.ru/texts/KNV_EIL_IV84_16_8.htm
3. Керсновский А.А. История русской армии в 4 томах. М.: Голос, 1999. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. 304 с.
4. Константинова С. «Секретная гаубица» графа Шувалова [Электронное издание] // Изобретатель и рационализатор: Журнал. 2009. № 1 (709). Режим доступа: http://www.i-r.ru/archive/pdf/2009_1.pdf
5. Кривушин И. Семилетняя Война [Электронное издание] // Режим доступа: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/48181a4c-4e15-ca3f-cc03-48a8706a58e4/1011069A.htm>
6. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. М.: Издательская группа ИНФРА, 2005. 592 с.
7. Реляция С.Ф. Апраксина императрице Елизавете Петровне о сражении при Гросс-Егерсдорфе, 20 августа 1757.
8. Соловьев С.М. 1740–1748 гг. Царствование Елизаветы Петровны / отв. ред. Копцова В.В. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1998. Т. 23–24. Кн. 12: История России с древнейших времен. 732 с.
9. Широкоград А.Б. Северные войны России. М.–Мн.: АСТ; Харвест, 2001. 848 с.
10. Юферова С.В., Тригуб Г.Я. История отечества [Электронное издание] // Учебные материалы ВГУЭС. Режим доступа: http://abc.vvsu.ru/Books/kl_istorija_otech/page0009.asp#xex26

VI

ПРОБА ПЕРА

УДК 94(47).05

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

БУЛАВЧИК Е.В.

Средняя общеобразовательная школа № 8
имени 850-летия Москвы (г. Севастополь)

Флот – это оперативно-стратегическое объединение; собирательное наименование кораблей, судов и других плавсредств; по назначению флот разделяют на военно-морской, транспортный, промысловый, речной [5, с. 420]. По оценке специалистов, мощным фактором обороноспособности страны является военно-морской флот, который в настоящее время состоит из следующих родов войск: подводных, надводных, морской авиации, морской пехоты и войск береговой обороны; в его состав входят также корабли и суда, части специального назначения, части и подразделения тыла [30]. У России четыре военно-морских флота: Черноморский, Тихоокеанский, Северный, Балтийский.

Идея данного исследования появилась после обнаружения информации, противоречащей широко известным фактам. В школьном учебнике создание морского флота в России связывается с именем Петра I [9, с. 120]. Вспоминаются в этой связи слова Карла Маркса: *«Нельзя представить себе великую нацию настолько оторванной от моря, как Россия до Петра»*. Однако в одном из интернет-изданий встретилось утверждение английского историка Ф. Джейна, противоречащее высказанному немецким философом: *«Существует распространенное мнение, что русский флот основан сравнительно недавно Петром Великим. Однако в действительности он по праву считается более древним, чем британский флот. За сто лет до того, как Альфред построил первые английские корабли, русские уже бились в отчаянных морских битвах, и тысячу лет назад лучшими моряками своего времени были русские»* [23]. Утверждение Ф. Джейна приведено и в историческом очерке «Черноморский флот России» [28, с. 11]. Так когда же в России был построен первый военный корабль?

Вот как утверждал английский адмирал и морской историк Фред Томас Джейн: *«Русский флот, который считают сравнительно поздним учреждением, основанным Петром Великим, имеет в действительности большие права на древность, чем флот британский. За столетие до того, как Альфред Великий, царствовавший с 870 по 901 год, построил британские корабли, русские суда сражались в морских боях. Первейшими моряками своего времени были они – русские»*. Такое «громкое заявление» можно прочесть в статье «Руссо матросо – 450 лет. Наши корабли наводили ужас на врага задолго до Петра Великого. Так правда ли, что

русские никогда не были великими мореходами? Правда ли то, что первые годы существования русского флота начались с правления Петра Великого?

В ходе первичного сбора информации было выявлено более двадцати пяти отечественных работ, в которых рассматривается вопрос создания русского флота. Это – монографии, коллективные труды, статьи, библиографические пособия, очерки, энциклопедии, исторические обзоры, исторические и военные учебники, морские атласы, морские и военные словари. Данная литература представляет дореволюционный, советский и современный историографические периоды.

Е.В. Тарле, Д. Цветаев, М.Х. Харт, В.В. Шигин [20, 24, 26, 27], считают, что Русский флот создал Пётр I. В частности, Е.В. Тарле подчеркнул: *«"Морским судам быть". Это принятое Думой предложение Петра Алексеевича, и сделало дату 20 октября 1696 г. днем рождения русского регулярного военно-морского флота, покрывшего себя славой от первых же лет своего существования»* [24, с. 5, 21]. Тарле вспоминает также вышеупомянутые слова Карла Маркса. Опыт первого плавания в Белом море показал Петру, *«что у него не только нет флота, но нет и в помине людей, сколько-нибудь похожих на моряков»* [24, с.13–14].

Составитель книги «Под Андреевским флагом» В.В. Шигин вовсе не упоминает существование русского флота до Петра, даже наоборот, подчеркивает, что наше Отечество «континентальное» и никогда не было морской державой [20].

Вице-адмирал В.Н. Краснов, кандидат военно-морских наук, капитан 1 ранга, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии, считает иначе: *«начало развитого мореходства у наших предков – восточных славян относится к VI–VII вв. На своих лодках-однодеревках они совершали смелые морские походы по Черному и Средиземному морям. Особенно активными морские походы стали после образования Киевской Руси»*.

С.П. Сирый отсчёт истории древнерусского флота ведёт от похода полян и варягов на Константинополь в июне 860 г. под предводительством князей Аскольда и Дира [21]. Е.И. Арэнс считает началом русского флота то же событие, но датирует его на по византийским источникам (860 годом), а по древнерусским – 865-м [2].

К.В. Базилевич, автор вступительной статьи к изданию написанного А.В. Висковатым «Краткого исторического обзора морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия», точно указывает время зарождения мореплавания на Руси, оспаривая при этом точку зрения А.В. Висковатова, что *«Русь - это норманны ... что вначале плавание русских судов ограничивалось одним Балтийским морем и что лишь затем норманнская предприимчивость проглотила для них еще путь в Чёрное море»* [4, с. 7]. К.В. Базилевич поясняет: *«В действительности значительно раньше русы бесстрашно плавали по Черному морю. Они считались в Византии хорошими опытными мореходами, не раз пугали империю неожиданными и дерзкими набегами»* [4, с. 7–8].

Свою точку зрения К.В. Базилевич подкрепляет следующими фактами: выдающийся русский византист В.Г. Васильевский издал греческое Житие подвижника Георгия Амастридского, составленное не позднее 842 г., в котором сообщается о нападении русов на южное побережье Черного моря, и это наиболее древнее известие о морском походе Руси, не имевшем никакого отношения к варягам [4, с. 8].

«В "Повести временных лет", – подчёркивает К.В. Базилевич, – сохранилось известие о походе на Царьград Аскольда и Дира, которое летописцем отнесено к 866 г. Было установлено, что это сообщение было заимствовано из греческой хроники. Благодаря находке в 1894 году бельгийским ученым Ф. Кюмоном анонимной византийской хроники, удалось точно установить дату появления русского флота под Царьградом: 18 июня 860 г. Интересные подробности этого первого известного нам нападения с моря на столицу Византии содержатся в «речах» (проповедях) константинопольского патриарха Фотия, являвшегося очевидцем происходящего ... Флот Руссов при осаде составлял 200 судов» [4, с. 8].

В качестве ещё одного аргумента К.В. Базилевич отмечает: *«Морской поход русских в 860 году на Царьград показывает, что восточные славяне накопили к этому времени значительный опыт в мореплавании и не были новичками в этом деле»* [4, с. 9]. Исследователь добавил, что *«за походом 860 года последовал ряд других походов, относящихся ко времени Олега, Игоря и Святослава. История их подробно изложена А.В. Висковатовым на основании русских летописных источников»* [4, с. 9].

Ф.Ф. Веселаго считает, что *«первый морской поход в Грецию совершен был овладевшими Киевом дружинниками Рюрика, явившимися перед Константинополем в 865 году в числе 200 судов»* [3, с. 7].

Авторы некоторых работ не указывают точную дату создания флота. Например, авторы-составители учебника «Всемирная история флота» подробно описывают материалы, из которых были изготовлены суда русичей, при этом точного временного периода не указано: *«Умелое сочетание мастерами-корабелами при строительстве судов нескольких пород деревьев и обеспечивало русским кораблям прочность и долговечность»* [7, с. 40–41].

Не называет точную дату и Б.И. Зверев, отмечая лишь, что истоки отечественного мореплавания уходят вглубь веков, и мореходство у восточных славян началось более тысячи лет назад; автор ссылается на русские летописи и сохранившиеся в них многочисленные сведения о развитии мореплавания в Древнерусском государстве; упоминает киевские дружины Олега, Игоря, Владимира, направлявшиеся на судах от устья Днепра через Русское (Чёрное) море к Царьграду [14, с. 3].

В некоторых работах также нет точных дат, но определяются столетия. В третьем томе «Морского атласа» сказано: *«В VI–VII веках широкое развитие получило мореходство славян на южных морях. На своих легких лодьях-однодеревках славяне плавали на Понте Эвксинском, в Пропонтиде (Мраморном), Эгейском, Ионическом и Внутреннем (Средиземном) морях, захватывали торговые суда и нападали на прибрежные города Византии»* [19, с. 50]. На этот же временной период указывает и В.А. Дыгало [12].

К VI–VII вв. начало развитого мореходства у восточных славян относит и кандидат военно-морских наук вице-адмирал В.Н.Краснов: *«На своих лодках-однодеревках, – отмечает исследователь, – они совершали смелые морские походы по Черному и Средиземному морям. Особенно активными морские походы стали после образования Киевской Руси»* [17].

Такую же позицию занимает и В.А. Дыгало: *«Военно-морской флот нашей Родины имеет давнюю и славную историю. Ее истоки прослеживаются со второй половины первого тысячелетия нашей эры. Еще в VI–VII веках славяне, главным образом анты, на легких лодьях-однодеревках плавали по Понту Эвксинскому (Черному), Пропондите (Мраморному), Эгейскому, Ионическому и Внутреннему (Средиземному) морям. В 623 году они совершили морской поход на остров Крит, в 642 году – на побережье Южной Италии ... По морям ходили порой целые флоты. В морском походе Олега в Византию в 907 году участвовало две тысячи ладей. Получили известность походы Игоря и Святослава»* [13, с. 5].

Указание на древние истоки русского флота найдены нами и в более ранней работе этого же автора. В книге «А всё начиналось с ладьи» В.А. Дыгало приводит следующий интересный факт: *«В Петербургском центральном музее хранится «прадедушка» всех современных русских судов – долбленный челн. На медной пластинке, прикрепленной к нему, выгравировано: «Челн-однодеревка, поднятый со дна реки Южный Буг советской экспедицией в 1937 году. Возраст – 3 тысячи лет».* Ученые определили, что этот челн выжжен из ствола 360-летнего дуба. В лодке могли разместиться полтора десятка человек. На территории России при раскопках у г. Новая Ладога найдены обломки еще более древнего – 5000-летнего челна [12, с. 14].

Л.И. Отарова отмечает, что еще до Петра I в России делались попытки развивать кораблестроение: *«Например, 19 июня 1667 г. царем Алексеем Михайловичем издана грамота о постройке первого русского военного флота в целях борьбы с разбоями на Волге и на Каспийском море. Голландские мастера, начав работы в 1667 г., уже 26 мая 1668 г. спустили на воду один большой корабль, яхту и два шлюпа, а к осени того же года корабль был окончательно отделан и оснащен. Корабль этот получил название “Орел”»* [1].

В некоторых книгах были обнаружены явные противоречия. Например, в книге «Всемирная история флота» [7]. Авторы отмечают: *«Военные флотилии появились еще в период образования древнерусского государства Киевская Русь. В морском походе Олега на Византию в 907 г. участвовало 2 тыс. ладей. С помощью судов с боевой оснасткой русский князь Святослав разгромил хазаро-иудейский каганат»* [7, с. 270]. Однако на следующей странице авторы пишут, что *«Первый русский боевой корабль был создан при Алексее Михайловиче»*; более того, *«в эпоху Петра I отечественный флот не только за-*

родился, но и превратился в грозную силу, способную одолеть любого противника» [7, с. 271]. Невольно возникает вопрос: «Как же так?» Ведь до этого были указаны точные даты появления флота на Руси, первых походов, места русского судостроения и т.д.

Аналогично в книге А.М. Кацафа «Книга будущего адмирала» читаем: «...первый русский военный корабль», по мнению Кацафа, «построили еще в 1669 году – это был трехмачтовый вооруженный 22 пушками корабль под названием “Орел”» [16].

Авторы исторического очерка «Черноморский флот России» пишут: «Ряд исторических источников свидетельствуют: начиная с III столетия наши предки вели войны на Черном, Средиземном и Каспийском морях. Историей доказано, что уже в то далекое время славянские племена осуществляли грандиозные морские походы, которые позволяют предполагать, что мореплавание у предков славян Северного Причерноморья, Приднепровья и других районов Восточной Европы было развито задолго до указанного времени. И то, что в 269 г. эти племена совершили поход силами крупного флота и разгромили Афины, Коринф, Спарту, достигли Крита и Кипра, с полной очевидностью доказывает, что для древнеславянских племен, населявших южные районы нашей страны, мореплавание и знание морских путей на Черном, Мраморном, Эгейском и Средиземном морях было уже далеко не новым делом» [28, с. 12]. Однако вторая глава книги под названием «Рождение флота», описывает время правления Екатерины II, что приводит нас, читателей, в недоумение.

Также, анализ выявленной литературы позволил установить, что некоторые исследователи, ведущие отсчёт истории русского военно-морского флота с допетровской эпохи, выделяют некоторые ключевые этапы в его становлении. Авторы книги «Военно-морское искусство» особо выделяют развитие флота в Киевском и Новгородском государствах, отмечая при этом, что «военного флота у Киевского государства не было. Для военных целей широко использовались обыкновенные транспортные суда ... Дальнейшее развитие русское кораблестроение получило у новгородцев, которые славились искусством мореходства и мастерством судостроения далеко за пределами своего государства» [15, с. 20].

Далее в этой же работе подчёркивается: «Флотам Киевского и Новгородского государств в войнах с Византией и Швецией приходилось решать следующие основные задачи: перевозить войска, снаряжение и продовольствие, высаживать десанты, оказывать содействие сухопутным войскам при обороне крепостей, осуществлять блокаду приморских крепостей, вести борьбу с блокирующим флотом противника и, наконец, обеспечивать морскую торговлю. С IX по XI вв. включительно киевские дружинники во главе со своими князьями совершили девять крупных морских походов по Черному и Каспийскому морям ... Крупнейшим из них был поход под руководством князя Олега в 907 г. В нем участвовали 80-тысячная армия и 2000 судов ... Ряд успешных походов на Балтийское море против Швеции совершили новгородцы ... Решительные действия новгородского флота вынудили Швецию в 1201 г. заключить мир с Новгородом, гарантировав ему безопасность торговли на Балтийском море» [15, с. 21].

В качестве особого этапа развития российского военно-морского флота К.В. Базилевич выделяет период правления Ивана Грозного. «России, – подчёркивает автор, – необходимо было Балтийское море. Это ясно осознавал Иван Грозный, когда в 1558 году начал войну с Ливонией. До конца войны царя не покидала мечта о приобретении удобных портовых городов и заведении собственного флота ... Иван Грозный имел широкие планы в отношении создания русского флота. Об этом свидетельствует его попытка завести после занятия Нарвы наемный каперский флот, который имел целью защиту нарвского морского пути от нападения со стороны немцев и шведов» [4, с. 15–16].

Период правления Ивана Грозного выделяет и автор статьи «Русский флот был создан не Петром I»: «Впервые о флоте московитов всерьёз заговорили в 1559 г. Успехи молодого царя Иоанна, которого пока ещё не называли Грозным, тогда впечатляли» [22].

Л.И. Отарова, как уже было упомянуто ранее, в качестве одного из ключевых этапов в процессе становления русского военно-морского флота, выделяет период правления Алексея Михайловича Романова [1].

В изученной литературе нет однозначного подхода относительно выделения периодов становления русского военно-морского флота. Неоднозначны позиции исследователей

и относительно места создания русского военно-морского флота. В работе «Черноморский флот России» подчеркивается: *«Принято считать, что флот рожден на Балтике, и именно Балтийский флот внес особый вклад в становление и развитие отечественного военно-морского дела, историю морских сил России»* [28, с. 4]. И в той же работе отмечено: *«Причем истоки зарождения и развития флота и мореплавания на Руси неразрывно связаны именно с Черным морем, которое в древности называлось Русским»* [28, с. 11–12]. На изначальную и неразрывную связь истории России с мореплаванием и флотом указывает и А.А. Лебедев, он же подчёркивает, что *«уже Древнерусское государство имело прочные позиции на Балтийском и Черном морях»* [18, с. 4].

Таким образом, вопрос о времени и месте создания Российского военно-морского флота остается дискуссионным и требует дополнительного исследования.

Источники и литература.

1. Азовский флот Петра I. Пособие [Электронный ресурс] / сост. Отарова Л.И. Режим доступа: <http://www.azovlib.ru/page/resurcbs/biblioposobiya/posobiya/azovflot.htm>
2. Аренс Е.И. Русский флот. СПб.: Издание экспедиции заготовл. госуд. бумаг, 1904. 69 с.
3. Веселаго Ф. Краткая история русского флота с начала развития мореплавания до 1825 года. М.: Военмориздат, 1939. 304 с.
4. Висковатов А.В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия / под ред. профессора Базилевича К.В. СПб.: Фирма «Браск», 1994. 206 с.
5. Военно-морской словарь для юношества / под общ. ред. П.А. Грицука. М.: Патриот, 1996. 520 с.
6. Военно-морской словарь / под ред. В.Н. Чернавина. М.: Военное издательство, 1990. 511 с.
7. Всемирная история флота. М.: Вече, 2001. 432 с.
8. Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II: проблемы развития и роль в системе самодержавной монархии: дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2008. 781 с.
9. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. Конец XVI–XVIII в. М.: Просвещение, 2012. 240 с.
10. Детская Военно-морская энциклопедия. От триеры до дредноута. СПб.–М.: Издательство «Полигон»; Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 592 с.
11. Доценко В.Д. История Российского флота // Морской альманах. СПб.: Дева, 1992. № 1.
12. Дыгало В.А. А все начиналось с ладьи... / под ред. М.В. Маслова, Р.С. Збарской М.: Просвещение, 1996. 208 с.
13. Дыгало В.А. Российский флот. Три века на службе Отечеству. М.: Вече, 2007. 368 с.
14. Зверев Б.И. Страницы военно-морской летописи России. М.: Просвещение, 1981. 207 с.
15. История военно-морского искусства. Учебник для высших военно-морских училищ / под ред. адмирала С.Е. Захарова М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1970. 355 с.
16. Кацаф А.М. Книга будущего адмирала. СПб.: БКК, 2013. 96 с.
17. Краснов Е.В., Шитиков Е.А. Регулярный военный флот Петра Великого [Электронный ресурс] // Flot. Режим доступа: <http://flot.com/history/io1.htm>
18. Лебедев А.А. У истоков Черноморского флота России. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2011. 832 с.
19. Морской атлас. Т. 3. Военно-исторический / под общей редакцией адмирала Г.И. Левченко. М.: Издание Главного Штаба Военно-Морского Флота, 1959. 943 с.
20. Под Андреевским флагом: Век XVIII / сост. В.В. Шигин. М.: Патриот, 1994. 640 с.
21. Подводные силы России на службе Отечеству. История и современность [Электронный ресурс] / автор-составитель С.П. Сирый. СПб., 2006. Режим доступа: <http://www.rusnavy.ru>
22. Русский флот был создан не Петром I [Электронный ресурс] // Newsland. 25.12.2009 г. Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/446646>
23. Руссо матросо – 450 лет. Наши корабли наводили ужас на врага задолго до Петра Великого [Электронный ресурс] // Vlasti.net. 24 декабря 2009. Режим доступа: <http://vlasti.net/news/70805>
24. Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб.: Фирма «Браск», 1994. 192 с.
25. Флот Петра I [Электронный ресурс] // Русская историческая библиотека. Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/russia/772-petr-i-flot>.
26. Харт М.Х. 100 великих людей. М.: Вече, 1993. 544 с.
27. Цветаев Д. Основание русского флота. Исторический очерк // Русская старина, 1896. Т. 87. № 7. М.: Вознесенский, 2006. С. 99–112. Режим доступа: http://memoirs.ru/texts/Cvetaev_RS96t87n7.htm
28. Черноморский флот России: Исторический очерк. Симферополь: Таврида, 2002. 464 с.
29. Шабалина (Карпова) Т.С. Реформы в русском военно-морском флоте в 50-х годах XIX века: дис. ... канд. ист. наук, 1952 г. [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека диссертаций DsLib.net – Режим доступа: <http://www.dslib.net/>

УДК 94(470)

ИЗУЧЕНИЕ СОБЫТИЙ «РУССКОЙ ВЕСНЫ» ПО МАТЕРИАЛАМ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ

КОНДАКОВА К.С.

Средняя общеобразовательная школа № 8
имени 850-летия Москвы (г. Севастополь)

Масштабные общественно-политические изменения, произошедшие Крыму и Севастополе в феврале–марте 2014 года, получили название «Русская весна». Их результатом стало образование в составе России новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Изучение событий «Русской весны» по материалам региональной периодической печати как исторического источника является целью моего исследования. Эта тема актуальна в современном мире, и этому есть несколько причин.

Мы живём в эпоху геополитических перемен. Уникальность текущего исторического момента состоит в том, что сегодня задаётся новый вектор мирового развития, в котором Российская Федерация восстанавливает свой суверенитет и лидерство. Начало этому процессу положило событие мирового масштаба – воссоединение Крыма и Севастополя с Россией. Президент России В.В. Путин в этой связи заявил: «... в Крыму живут наши люди, и сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства» [16]. Абсолютное большинство россиян разделяют эту точку зрения, поэтому не случайно, что возвращение Крыма на Родину вызвало огромную волну патриотизма в России.

С 1991 года, после распада СССР, в Крыму усиленными темпами шла искусственная украинизация, ущемлявшая права как русского большинства, так и других народов полуострова. Русские, численно преобладающие в регионе, осознавали, что их выживание как народа немыслимо без сохранения собственной культуры, языка, образа жизни, святынь, исторической памяти. В ноябре 2013 года в Киеве начались выступления против президента В.Ф. Януковича, страна стала ареной столкновения как внутренних, так и внешних политических сил. Итогом противостояния был государственный переворот, совершенный в Киеве 21–22 февраля 2014 года, который привел к власти радикально настроенных националистов. *«Первые же их шаги на государственном поприще, первые же заявления показали населению Крыма и Севастополя, что искоренение русской культуры, русского языка, исторической памяти русского и украинского народа является едва ли не самой главной целью деятельности этих политиков. И с этой точки зрения народ Крыма имел все основания для принятия решения о невозможности обеспечить себе право на самоопределение в рамках Украинского государства»* [21, с. 3–32].

В изученных нами печатных СМИ, а это газеты с разным тиражом, рейтингом популярности, читательской аудиторией, предоставляющие трибуну различным политическим силам, прослеживалась общая тенденция в освещении общественно-политической ситуации на Украине: киевский «евромайдан» в Крыму не поддерживался. Интересные результаты социологического исследования, проведенного среди симферопольцев, были опубликованы в «Крымской газете» 18 февраля 2014 года. На 18 февраля 2014 года действующую власть президента В.Ф. Януковича поддерживали 75,8% опрошенных респондентов, оппозицию – 10,8%. Многочисленные митинги противников «евромайдана» в городах и селах полуострова привели к тому, что 23 января 2014 года в Крыму было создано общественное движение «Стоп майдан». Его целью было прекращение беспорядков в Киеве, стабилиза-

ция ситуации в стране. Процесс создания движения был отражен в прессе, активно подержала его «Крымская газета». В каждом её номере печатали внизу страницы красную полосу со словами «Стоп Майдан». В «Крымской правде» отмечалось: *«Гражданскую инициативу Всекрымского общественного движения «Стоп, майдан» поддерживает всё больше крымчан, независимо от политических убеждений. Во время массового митинга на площади Ленина символику движения можно было увидеть и в рядах коммунистов, и у их идейных противников – «белогвардейцев» из «Русского единства», и у «буржуев» из правящей партии...»* [22, с. 1].

Крымские газеты считали события в Киеве прямой угрозой существованию государства и безопасности граждан. Данная тенденция прослеживалась в аналитических статьях и фоторепортажах. 28 февраля в газете «Первая крымская» была опубликована статья «Режим безвластия, или к чему может привести захват ОГА?», издание констатировало: *«Украина сейчас переживает нелегкие времена. Если мы раньше гордились тем, что в нашем государстве не было гражданских конфликтов, то сейчас все это может рухнуть в один момент»* [9, с. 1]. 3 февраля в газете «Крымское эхо» в статье «Бандеровский переворот: добро пожаловать на Майдан» делается вывод: *«Нет всенародного восстания против тирании. Нет контроля над ситуацией. Нет больше единой унитарной Украины. Есть бандеровский бунт – антирусский, антироссийский»* [26, с. 1]. Через СМИ лидеры политических движений Крыма призывали начать переговоры действующей власти и оппозиции, соблюдать порядок и пресекать попытки провокаторов дестабилизировать ситуацию. 1 февраля 2014 года в газете «Крымские известия» вышла статья С.В. Аксёнова «Открыт ящик Пандоры», и вот её главная мысль: *«Мы призываем Президента Украины обеспечить конституционный порядок в столице страны, и выражаем свою поддержку таким действиям»* [2, с. 1]. 12 февраля 2014 года через газету «Севастопольская правда» к горожанам обратился председатель Севастопольской городской госадминистрации В.Г. Яцуба: *«в Севастополе создаются добровольные народные дружины, которые во взаимодействии с управлением МВД будут обеспечивать общественный порядок в городе... У власти достаточно сил, чтобы не допустить в Севастополе разгула экстремизма и неофашизма»* [26, с. 1]. 20 февраля 2014 года в «Крымских известиях» напечатано выступление В.А. Константинова на заседании Верховного совета Крыма: *«Мы должны соблюдать выдержку и спокойствие, но при этом – находиться в состоянии максимальной готовности оперативно отреагировать на любую угрозу правопорядку и стабильности на территории автономии»* [10, с. 1].

Приоритетной задачей для себя политические лидеры и лидеры общественных движений видели сохранение межнационального мира в Крыму. На встрече руководства автономии со студентами Крымского гуманитарно-педагогического университета 1 февраля 2014 года председатель Постоянной комиссии ВС АРК по межнациональным отношениям и проблемам депортированных граждан Э.Э. Абдураимов отметил, что для разжигания конфликтов чаще всего используются национальный и религиозный аспекты и призвал беречь мир и согласие в многонациональном крымском доме [3, с. 1]. «Крымская газета» сообщает, что 20 февраля 2014 года этот вопрос обсуждался на сессии Верховного совета Крыма, был опубликован призыв Э.Э. Абдураимова: *«Крымские татары всегда демонстрировали миролюбие и толерантность. Призываю соотечественников в столь трудный час проявить мудрость и не поддаваться на провокационные призывы»* [13, с. 2].

Поворотным моментом в истории Крыма стало возвращение спецподразделения милиции «Беркут» из Киева. В Крыму и Севастополе военнослужащих этого подразделения встречали как героев, не изменивших присяге. Похороны трёх бойцов крымского «Беркута» стали для многих крымчан новой точкой отчета: стало ясно, Крым и Киев находятся по разные стороны баррикад и между ними пролегла пропасть. 25 февраля 2014 года в «Крымских известиях» в статье «Когда мужчины плачут» так описывались происходящие события: *«"Слава «Беркуту»! Герои! Молодцы!» – так встретили в Симферополе бойцов, вернувшихся из огня Киева в Крым. Силовики приехали на церемонию прощания с товарищами, погибшими во время исполнения воинского долга в столице страны. Склонив головы, мужчины, насквозь пропитанные гарью подожженных покрывал и ненавистью оппо-*

зиционеров, проходили мимо приветствующих их людей к гробам. Они не прятали лиц, не скрывали жгучую боль в глазах, в мирное время увидевших братоубийственную войну» [11, с. 1]. «Крымская газета» в статье «На обломках страны» от 20 февраля 2014 года пишет: «19 февраля десятки людей вышли на площадь Ленина в Симферополе, чтобы почтить память трёх крымских силовиков, погибших в Киеве. Народ Украины платит страшную цену за нежелание власти и оппозиции искать компромиссы... Выводом из происходящего может стать только одно: сегодняшний майдан Незалежности – это проекция ближайшего будущего страны» [17, с. 1]. В.А. Константинов, глава Верховного совета Крыма, сказал тогда: «Для крымчан имена лидеров оппозиции навсегда залиты кровью жертв их политических амбиций!» [10, с.1].

После государственного переворота в Киеве 21 февраля 2014 года изменилась тональность крымских СМИ. Призыв к действующей власти и оппозиции сесть за стол переговоров, ушёл с первых полос газет. А после отмены Верховной Радой закона о статусе региональных языков стала понятна русофобская направленность развития Украины. В газетах на первый план выходит проблема статуса русского языка. 18 февраля 2014 года в газете «Флаг Родины» в статье «Нам надоело быть не нами» приводились слова Президента Российской академии наук, министра народного просвещения Российской империи А.С. Шишкова, сказанные в XIX веке, но сохраняющие свою актуальность: «не одно оружие и сила одного народа, опасна бывает другому; тайное покушение прельстить умы, очаровать сердца, поколебать любовь к земле своей и гордость к имени своему есть средство надёжнее мечей и пушек... Пленник в оковах может разорвать их, но пленник умом и сердцем остаётся всегда пленником» [14, с. 6]. «Крымские известия» 26 февраля 2014 года делают вывод: «Недовольство оппозицией, вставшей у руля Украины насильственным способом, зрело в крымчанах с первых дней «евромайдана», но последние события стали своего рода катализатором более активных действий... Крымчане убеждены, нам с фашистами не по пути, а лозунг «Украина превыше всего», выдвигаемый сегодня в Киеве, как «под копирку» списан у нацистской Германии» [19, с. 1].

23 февраля, в День защитника Отечества, в Севастополе на площади имени П.С. Нахимова состоялся митинг Народной воли, который собрал до 30 тысяч горожан. Именно это событие считают началом Русской весны, и очень символично, что началась она в городе-герое Севастополе. 25 февраля в «Крымской правде» публикуется статья «Севастополь. Перегрузка», в которой приводятся слова лидера Русской весны в Севастополе А.М. Чалого: «Сегодня наступление на наши права идёт по нескольким фронтам. Первый фронт – физический: погромы, уголовные преследования. Второй – идеологический: нас загоняют в рамки людей второго сорта, которым будет запрещено иметь то самое право на историю и русский язык, которые мы имеем по праву своего рождения. И первый фронт, хотя он и кажется страшным, на самом деле с ним легче справиться, потому что понятно, где враг. А второй представляет большую проблему, потому что маскируется под лояльность и законность, а этой законности на самом деле нет. Обстановка критическая, счёт идет на часы» [4, с. 1].

В этот же день 23 февраля в Симферополе представители крымско-татарского Меджлиса¹ собрались снимать с постаментов памятники Ленину. Жителям Симферополя удалось остановить этот акт вандализма. На первой полосе 25 февраля 2014 года в «Крымской правде», в статье «Страсти по Ленину» сообщалось: «О готовности защищать памятник от сноса сразу заявили Крымский республиканский комитет КПУ, политическая партия «Русское единство», ряд других общественно-политических организаций» [1, с. 1]. После событий в Симферополе 26 февраля на площади перед Верховным Советом Крыма собрались два митинга: с одной стороны – русские и казаки с российскими флагами, с другой – сторонники евромайдана с татарскими и украинскими. Это был момент истины, день, когда решалась судьба полуострова. Тысячи людей пришли на главную площадь Симферополя, и никто не хотел отступать. После того, как сторонники киевской власти разорвали российский флаг, началось массовое столкновение. Все понимали, что митинг – лишь пре-

¹ В 2016 году меджлис крымскотатарского народа по решению Верховного Суда Крыма был объявлен экстремистской организацией, и его деятельность запрещена на территории РФ (прим. ред.).

людия к кровопролитию. Сложность и тревожность ситуации нашли своё отражение в крымских СМИ. «Крымская газета» на первой полосе в статье «Кто поджигает Крым?» пишет: *«Вовремя остановиться сегодня – это не значит отступить, это значит подумать не только о себе и о своих целях, но и о будущем Крыма... Сегодня нет власти и нет оппозиции. Сегодня есть те, кто хочет сохранить мир в нашем доме, те, кто хочет его разрушить»* [5, с. 1].

23–27 февраля 2014 года власть в Крыму фактически никому не принадлежала. Киевские националисты пытались захватить Крым руками лидеров Меджлиса, которые собрали своих сторонников для штурма здания Верховного Совета Крыма. Вакуум власти заполнил Верховный Совет Крыма – единственный легитимный орган, оставшийся в республике. В.А. Константинов, председатель Верховного Совета Крыма, выступил с обращением: *«Крымчане! В результате неконституционного захвата власти в Украине радикальными националистами при поддержке вооруженных бандформирований, мир и спокойствие в Крыму поставлены под угрозу ... Украина скатывается к полнейшему хаосу, анархии и экономической катастрофе. В этих условиях Верховный Совет Автономной Республики Крым, как высший представительный орган власти в автономии, опираясь на волеизъявление избравших его крымчан, принимает на себя всю ответственность за судьбу Крыма!»*.

Чтобы предотвратить массовые столкновения, отряды самообороны, в ночь с 26 на 27 февраля взяли здания Верховного Совета и Совета министров Крыма под контроль, подняв над ними российский флаг. Крым начал новую страницу своей истории. В.А. Константинову 27 февраля удалось собрать кворум в сессионном зале Верховного Совета Крыма. В повестку дня было внесено два вопроса: о референдуме о расширении автономии Крыма и об исполнительной власти. Крым ещё не ставил вопроса об отделении от Украины, он лишь хотел защитить своих граждан культуру, язык через расширение полномочий автономии.

Начался очень трудный для крымчан период осмысления происходящего – время сомнений, тревог, принятия исторических решений. Все это отражается на страницах газет. *«Тревога обоснованна хотя бы потому, что любые идеи об изменении статуса Крыма – это путь к массовому конфликту»*, заявляла 27 февраля 2014 года «Крымская газета» в статье «Обойдемся без Майдана?» [6, с. 1]. «Крымские известия» 28 февраля 2014 года обращались к читателям с такими словами: *«Нас ждут испытания. Но в них определяется будущее Крыма»*. На этом этапе возрастает количество аналитических статей, с целью понять истоки украинского кризиса и возможные варианты дальнейшего развития событий. В статье «Майдан вскрыл нарыв, зревший в Украине все годы независимости» в «Крымских известиях» журналистка А. Тимофеева утверждала: *«Совершенно очевидно, что Майдан привел Украину к глубокому расколу. Лучшим выходом из непростой ситуации стала бы федерализация. Однако центральной власти не выгоден расклад, при котором вся власть и контроль за финансовыми потоками ускользают из рук «верхушки» в регионы»* [20, с. 4].

С момента объявления решения Верховного Совета о проведении референдума в газетах наблюдается поляризация в освещении происходящих событий. Абсолютное большинство изученных газет заняли пророссийскую позицию, но «Первая крымская» транслировала киевскую пропаганду следующего содержания: *«"Братская любовь" Путина забросила в Украину из России орды диверсантов, откровенных бандитов, политических агентов и шпионов. В городах резко подскочила преступность. Кроме того, в Крыму и в городах юго-востока резко возросла межнациональная напряженность, люди разных национальностей перестали доверять друг другу, стали опасаться чрезмерно активных русских, особенно тех, кто стал завсегдатаем митингов, устроился в пикеты, блокирование и не расстаётся с желто-черной ленточкой...»* [7, с. 2].

Первоначально о выходе Крыма из состава Украины речь не шла, но в связи с обострением политической ситуации на Украине и в Крыму, препятствуя попыткам дестабилизировать ситуацию, через официальную газету Верховного Совета «Крымские известия» власти стали разъяснять народу необходимость проведения референдума и суть вынесен-

ных на голосование вопросов. 6 марта 2014 г. Верховный Совет Крыма принял решение о выносе на референдум двух вопросов: 1. За воссоединение Крыма с Россией; 2. За восстановление действия Конституции Крыма от 6 мая 1992 г., предусматривавшей конфедеративные отношения Крыма и Украины. «Крымские известия» 06 марта 2014 года писали о необходимости референдума: *«Это – шанс крымчан на спокойную и стабильную жизнь»* [8, с. 1]. Для этого этапа характерно преобладание в прессе аналитических и исторических статей, экономических и политических прогнозов, обсуждения межнациональных отношений. 5 марта в газете «Крымское эхо» выходит статья «О предателях и компромиссах». В ней утверждается: *«Мы все стоим сейчас прямо на краю очередного геополитического разлома... Выбор у нас невелик: либо покориться, либо противостоять... Покорившись добровольно тому inferнальному ужасу, который несётся на нас с майдана, мы проиграем»* [24, с. 1]. «Крымский телеграф» в статье «Может ли Крым позволить себе независимость» приводится анализ: *«Внутренний региональный продукт Крыма 4,3 миллиарда... Крым обеспечен продуктами питания в полной мере»* [15, с. 12–13].

«Крымские известия» 11 марта 2014 года опубликовали Обращение Председателя Верховного Совета АРК В.А. Константинова: *«Крым восстал. Крымчане сумели доказать, что у них есть чувство собственного достоинства, готовность жертвовать собой ради идеалов, жизненных принципов. Практически с самого начала этой борьбы мы чувствовали плечо российских братьев. Они готовы оказывать нам всестороннюю поддержку и в дальнейшем»*. «Крымская правда» накануне референдума в статье «Момент истины» пишет: *«Слово «Крым» в эти весенние дни не сходит с первых полос газет и новостных лент СМИ всего мира. Нам сочувствуют. Нас поддерживают. Нам завидуют. Нас ненавидят. Нас пугают блокадой, войной и терактами. Но мы больше не боимся»* [23, с. 4]. Эти слова отражают общий настрой изученных мною периодических изданий.

16 марта. Референдум! Невероятно высокая явка. Очереди на избирательных участках. Российские флаги. Это – день торжества исторической справедливости, начало мирного воссоединения разделённого народа. За воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта РФ высказалось 96,77% населения автономии и 95,6% жителей Севастополя. 18 марта подписан Договор о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации.

«Русская весна» в Крыму изменила не только карту мира, судьбу полуострова и огромной страны, она изменила людей, которые волею судьбы оказались главными действующими лицами этих исторических событий. 25 марта 2014 года газета Черноморского флота «Флаг Родины» выразила мнение севастопольцев: *«Минувшие дни борьбы маленького полуострова Крым сегодня называют по-разному. Одни противостояние фашизму обозначили как «Русский фронт», другие мирную революцию, в которой не было пролито ни единой капли крови, называют более красиво и ласково – «Крымская весна». Потом переименовывают в «Русскую весну». А у нас в Севастополе говорят коротко: «Это весна победы»»* [12, с. 5]. Своеобразный итог, отражающий настроения многих поколений крымчан, был подведен газетой «Крымское время» в «Обращении к императрице Екатерине II»: *«... Государыня! Крым возвращается в Россию. Ваши грандиозные труды не были напрасны. Мы с Божьей помощью в эти дни исправляем величайшую историческую несправедливость»*.

* * *

Исследовав проблему освещения в региональной прессе исторических событий «Русской весны», я пришла к следующим выводам:

I. В процессе анализа публикаций крымских изданий за весь период «Русской весны» в Крыму и Севастополе мы можем выделить следующие хронологические этапы:

1. Предыстория Русской весны (январь – 22 февраля 2014 года).
2. Начало «Русской весны» и её основные события (23 февраля – 6 марта 2014 года).
3. Подготовка к референдуму и его проведение (6–18 марта 2014 года).

II. Оценивая события «Русской весны» отражённые в региональной прессе, можно сделать вывод, что СМИ рассматривали возвращение Крыма в состав Российской Федера-

ции, прежде всего, как явление культурно-цивилизационного характера, когда политические средства лишь способствуют решению исторически назревших задач.

Источники и литература.

1. Авдеев Ю. Страсти по Ленину // Крымская правда. 2014. 25 февраля. № 34.
2. Аксёнов С. Открыт ящик Пандоры // Крымские известия. 2014. 1 февраля. № 20.
3. Богданова Л. Обидно, что Украина не учится ни на чужих, ни на своих ошибках // Крымские известия. 2014. 1 февраля. № 20.
4. Головань М. Севастополь. Перезагрузка // Крымская правда. 2014. 25 февраля. № 34.
5. Карпов Н. Кто поджигает Крым? // Крымская газета. 2014. 27 февраля № 36 (19461).
6. Карпов Н. Обойдемся без Майдана? // Крымская газета. 2014. 27 февраля. № 36 (19461).
7. Касьяненко Н. Акела промахнулся. Это учения? // Первая крымская. 2014. 7–13 марта. № 515.
8. Кирьянова С. Это шанс крымчан на спокойную и стабильную жизнь? // Крымские известия. 2014. 6 марта. № 42.
9. Коваль Н. Режим безвластия, или к чему может привести захват ОГА? // Первая крымская. 2014. 31 января – 6 февраля. № 510.
10. Константинов В. Для крымчан имена лидеров оппозиции навсегда залиты кровью жертв их политических амбиций // Крымские известия. 2014. 20 февраля. № 33.
11. Кулебякина М. Когда мужчины плачут // Крымские известия. 2014. 25 февраля. № 36.
12. Логвиненко Е. Фронт национального единства // Флаг Родины. 2014. 25 марта. № 32 (26943).
13. Морозов Г. Под угрозой – целостность Украины! // Крымская газета. 2014. 20 февраля. № 31.
14. Несмеянов В. Нам надоело быть не нами // Флаг Родины. 2014. 18 февраля. № 18 (26929).
15. Правдин А. Может ли Крым позволить себе независимость // Крымский телеграф. 2014. 14–20 марта. № 272 (9).
16. Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию 18 марта 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20603>
17. Севастьянов А. На обломках страны // Крымская газета. 2014. 20 февраля. № 31 (19456).
18. Соцопрос Симферопольцы бунтовать не готовы // Крымская газета. 2014. 18 февраля. № 29 (19454).
19. Тимофеева А. В. Константинов: «Куда деть из Украины восемнадцать миллионов русских?» // Крымские известия. 2014. 26 февраля. № 37.
20. Тимофеева А. Майдан вскрыл нарыв, зревший в Украине все годы независимости // Крымские известия. 2014. 6 марта. № 42.
21. Томсинов В.А. «Крымское право» или Юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 3–32.
22. Филиппов Н. Мирный воздух Крыма. Как идея спасения страны охватила массы // Крымская правда. 2014. 30 января. № 16.
23. Филиппов Н. Момент истины // Крымская правда. 2014. 14 марта. № 46.
24. Часовских К. О предателях и компромиссах // Крымские эхо. 2014. 5 марта.
25. Юхин С. Бандеровский переворот: добро пожаловать на Майдан // Крымское эхо. 2014 г. 3 февраля.
26. Яцуба В. С благодарностью ко всем севастопольцам за единую гражданскую позицию // Слава Севастополя. 2014. 12 февраля. № 26.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ АНАЛИЗИРУЕМЫХ ГАЗЕТ

№ пп	Название	Издается	Тираж и периодичность	Вид газеты	Язык
1.	Крымское время	с 8 февраля 1996	9000-16000 экземпляров. Ежедневно с 1996-2005 гг., три раза в неделю 2005-2014 гг.	крымская общественно-политическая газета	русский
2.	«Крымские известия»	С 18 октября 1991 г.	15 000 экземпляров. Ежедневно, кроме воскр. и понед. Приложение на украинском языке	Газета Верховного Совета Автономной Республики Крым	русский
3.	«Крымская правда»	с февраля 1918 г. «Таврическая Правда», с 1920 по 1952 год «Красный Крым».	48 819 экз. 5 раз в неделю, вторник, среда, четверг, пятница.	Общественно-политическая независимая русская газета	русский
4.	«Крымская газета»	с 6 июля 1934 года	более 84 000 экземпляров. Ежедневно: пять раз в неделю, кроме воскресенья и понедельника.	Общественно-политическая Газета Объективный взгляд без «политики, опрокинутой в прошлое»	русский
5.	"ИК" - Первая Крымская	С 21 ноября 2003 года	20 000 экземпляров из них 48% подписчики Еженедельно день выхода: пятница	Информационно-аналитическая газета.	русский
6.	Крымский ТелеграфЪ	с июля 2008 года	40 000 экземпляров Еженедельник: каждую пятницу	Общественно-политическая	русский
7.	«Севастопольская правда»	С декабря 1993 года	4000-5000 экземпляров Еженедельно: каждую субботу.	Общественно-политическая еженедельная газета	русский
8.	«Слава Севастополя»	С 1917 года	17000 экземпляров	ежедневная городская информационная газета	русский
9.	«Флаг Родины»	с 15 июля 1920 года	3800 экземпляров периодичность выхода газеты: выходит по вторникам, четвергам и субботам.	Газета Краснознамённого Черноморского флота Российской Федерации	русский

**ОБЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ
В КРЫМСКИХ И СЕВАСТОПОЛЬСКИХ СМИ**

№ п/п	Название периода и его хронологические рамки	Основные темы, которые освещались в прессе	Общая направленность подачи информации
1	Предыстория «Русской весны» в СМИ.	- 60-летие передачи Крыма УССР. - Создание движения «Стоп МАЙДАН». - Менталитет крымчан. - Возвращение «Беркута». - Отмена закона о региональных языках.	Киевский «евромайдан» в Крыму не поддерживался
2	«Русская весна»	- Митинг в Севастополе 23 февраля. - Митинг в Симферополе 26 февраля. - Вежливые люди. Начало подготовки к референдуму.	- освещение митингов в городах Крыма; - определение событий в Киеве как госпереворота; - появление аналитических статей с целью определения истоков украинского кризиса; - призывы к сохранению мира на полуострове.
3	«Крымская весна»	- Определение вопросов и даты референдума. - Референдум 16 марта. «Возвращение в родную гавань». - Подписание соглашения с Россией.	- пресс-конференции лидеров Крыма; - аналитика; политические и экономические прогнозы

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАТОВА Мария Александровна	Аспирант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
АПАЛЬКОВ Дмитрий Игоревич	Аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Исторический факультет)
АХМЕДОВА Гюльнара Рауфовна	Магистрант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
БАРАНОВ Андрей Владимирович	Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар)
ГЛАДКИЙ Георгий Борисович	Магистрант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
ГУТНИК Оксана Владимировна	Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления Филиала МГУ в городе Севастополе
ДАНИЛЬЧЕНКО Сергей Леонидович	Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления Филиала МГУ в городе Севастополе
ДЕМЕШКО Наталья Эдуардовна	Магистрант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
ИВАНОВА Екатерина Андреевна	Магистрант. Кубанский государственный университет (г. Краснодар)
ЛАЗАРЕВА Ольга Геннадьевна	Магистрант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
ЛОКТИОНОВ Эдуард Юрьевич	Магистрант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
НЕДЕЛЬКИН Евгений Владимирович	Магистрант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия)
НИКИТИНА Ирина Витальевна	Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя
ПЕТРОВА Элеонора Борисовна	Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
РУЗАЕВ Станислав Валерьевич	Главный специалист Музея военной техники Уральской горно-металлургической компании (г. Верхняя Пышма, Свердловская область)
СТАВИЦКИЙ Андрей Владимирович	Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе
ТКАЧЕНКО Николай Сергеевич	Кандидат исторических наук, председатель КРОО «Научно-исследовательский центр «Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (г. Феодосия, Крым)

* * *

БИЧАКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	Студент III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Мартынкин Андрей Владимирович)
БАВИЛИНА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА	Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Кузьмина Анна Васильевна)
ВОСКРЕСЕНСКАЯ АННА НИКОЛАЕВНА	Студентка II курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе Кузьмина Анна Васильевна)
ЕРДОКЕСКО ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА	Студентка II курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе Крапивенцев Максим Юрьевич)
КУЛАКОВА ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА	Студентка II курса отделения экономики Филиала МГУ в городе Севастополе
СОБОЛЕВА АННА СЕРГЕЕВНА	Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе Кузьмина Анна Васильевна)

ЧАРУСОВ

ТИМОФЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Студент II курса исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (научн. руководитель – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России КФУ **Филимонов Сергей Борисович**)

ШИХАМЕТОВА

Эльзара Рефатовна

Студентка II курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе **Крапивенцев Максим Юрьевич**)

* * *

БУЛАВЧИК

ЕЛИЗАВЕТА ВЯЧЕСЛАВОВНА

Ученица 10 класса ФГКОУ «Средняя общеобразовательная школа №8» им. 850-летия Москвы г. Севастополь (научн. руководитель – кандидат политических наук, преподаватель истории СОШ № 8 **Тупота Ольга Михайловна**)

КОНДАКОВА

КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА

Ученица 9 класса ФГКОУ «Средняя общеобразовательная школа №8» им. 850-летия Москвы г. Севастополь (научн. руководитель – преподаватель истории и обществознания СОШ № 8 **Сидоренко Маргарита Алексеевна**)

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секциях «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья» и «Международные отношения» на XIII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» в 2015 году / под общей редакцией С.Ю. Сапрыкина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

В.В. ХАПАЕВ, А.В. МАРТЫНКИН

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Е.В. НЕДЕЛЬКИН

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 20.08.16 г.
Формат 70 x 108 1/8
Объем 20,75 п.л., уч. изд. л. 14,25
Распространяется через сеть Интернет**

